

КЪ ИСТОРІИ

ПРАВОСЛАВІЯ

ВЪ ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.

ОЧЕРКЪ

съ приложеніемъ нѣкоторыхъ офиціальныхъ документовъ.

Составилъ **Б. Добрышинъ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ.

		стр.
1.	Подъ нѣмецкимъ знаменемъ	7
2.	Причина массоваго перехода въ православіе, по Ландеру	8
3.	Прибалтійско-нѣмецкая клевета	12
4.	Тяготѣніе латышей къ православію	14
5.	Палки барона Палена и кусокъ хлѣба преосвященнаго Иринарха.	19
6.	Нѣмецко-лютеранская вѣротерпимость	24
7.	Извѣтъ на преосвященнаго Иринарха	28
8.	Официальное изслѣдованіе движенія въ православіе въ 1845 г. .	37
9.	Торжество прибалтійскихъ нѣмцевъ	40
10.	Заключеніе.	44

II. Документы, относящіеся къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ.

1.	Записка барона Мейендорфа о положеніи дѣлъ въ 1886 г. . . .	51
2.	Записка К. П. Побѣдоносцева, излагающая правительственную точку зрѣнія	64
3.	Записка президента евангелическо-лютеранской генеральной консисторіи, излагающая точку зрѣнія прибалтійскихъ нѣмцевъ.	99
4.	Письмо И. Н. Дурново, отъ 12 Ноября 1893 г., за № 6526, князю С. В. Шаховскому объ отмѣнѣ его циркуляра въ огражденіе православія, за № 6526	110
5.	Отвѣтъ князя С. В. Шаховскаго, отъ 17 Ноября 1893 г., за № 200.	115
6.	Дальнѣйшая переписка по тому же вопросу И. Н. Дурново съ княземъ С. В. Шаховскимъ. Письма отъ 25 и 30 Ноября 1893 г., за №№ 6784 и 212	118
7.	Записка барона Мейендорфа 1895 г. о положеніи религіозныхъ дѣлъ въ Прибалтійскомъ краѣ	123
8.	Извлеченіе изъ отзыва Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцева, отъ 20 Іюля 1895 г., за № 4226. . . .	128

стр.

9. Выписка изъ всеподданнѣйшаго отчета Лифляндскаго Губернатора за 1885 г. по вѣроисповѣдному вопросу 130
10. Записка, составленная въ 1888 г. въ Департаментѣ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій по вопросу о церковныхъ дѣлахъ въ Лифляндской губерніи 138
11. Записка Лифляндскаго суперъ-интендента Гольмана о событіяхъ 1841—1866 гг., составленная въ 1889 г. 159
12. Препроводительное письмо Ѳ. К. Гирса, отъ 11 Ноября 1889 г., князю М. Р. Кантакузену, графу Сперанскому, Директору Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій 180
13. Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета Лифляндскаго Губернатора за 1890 г. о положеніи церковныхъ дѣлъ 180
14. Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго рапорта Лифляндскаго Губернатора за 1896 г. 194
15. Выписка изъ журнала Комитета Министровъ 1892 г. 219

I.

КЪ ИСТОРІИ

ПРАВОСЛАВІЯ

ВЪ ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.

60699.

(ОЧЕРКЪ).

Къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ.

(Очеркъ).

1. Подъ нѣмецкимъ знаменемъ.

«Внутренняя и внѣшняя организація лютеранской церкви, повѣствуетъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Прибалтійскаго края, г. Ландеръ,—была крайне сложна и обнимала всѣ области мѣстной жизни—попечительство о бѣдныхъ, школахъ, дорогахъ и т. д.». «Всѣми дѣлами церкви и прихода управляли главныя церковныя попечительства и церковные конвенты. Церковныя попечительства всецѣло находились въ рукахъ дворянъ. Въ конвентъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, входили представители крестьянъ (церковные старосты) и пасторы» [1]).

Крестьяне были латыши и эстонцы, дворяне—нѣмцы. Пасторы первое время также были исключительно изъ нѣмцевъ. Такимъ образомъ, лютеранство существовало въ краѣ подъ нѣмецкимъ знаменемъ и являлось притомъ скорѣе церковью господъ, чѣмъ церковью народа. По этому поводу г. Гренцштейнъ въ своей книгѣ «Церковь господъ или народа» («Эстонскій голосъ въ балтійскомъ хорѣ»), между прочимъ, пишетъ: «Лифляндія съ самыхъ раннихъ временъ знала лишь одинъ народъ. Она знала, въ особенности въ раннія времена, безграничныхъ въ своемъ произволѣ господъ и безправныхъ рабовъ. Эти господа учредили и развили церковь такою, какая имъ какъ разъ была необходима. Эти господа и только господа были страною, были народомъ, были всѣмъ, что было

---

[1]) К. Н. Ландеръ «Прибалтійскій край въ первой половинѣ XIX вѣка». Ист. Рос. XIX вѣка.

прикрыто богоспасаемымъ покровомъ, и все, что было лишь въ ихъ силѣ—все они ставили на послугу своимъ страстямъ. Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что наша мѣстная церковь является церковью господъ» [1]).

Вышеназванный г. Ландеръ указываетъ тѣ церковныя повинности, которыми было обременено крестьянство. «Церковныя повинности, говоритъ онъ, были двоякаго рода: 1) повинности въ пользу духовенства (поставка натурою зернового хлѣба, дровъ, лѣса, рыбы, куръ, гусей и т. п., а также исполненіе барщинныхъ работъ и денежные взносы на содержаніе пастора); 2) особая церковностроительная повинность, заключавшаяся также въ денежныхъ и натуральныхъ взносахъ и работахъ». «Всѣ пасторы, прибавляетъ онъ, имѣвшіе самостоятельные приходы, жили помѣщиками, владѣли пасторатомъ-имѣніемъ, распадавшимся на мызную и крестьянскую землю, имѣли своихъ крестьянъ-крѣпостныхъ».

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ условія, при которыхъ въ Прибалтійскомъ краѣ, съ особенной силой въ сороковыхъ годахъ, состоялся массовый переходъ въ православіе. Но тотъ же Ландеръ, изображая этотъ переходъ и приводя дѣйствительныя его причины—тяжелое положеніе латышей и эстонцевъ, повторяетъ почти безъ критики прибалтійско-нѣмецкія сказки о какой то агитаціи со стороны православнаго духовенства.

2. *Причины массоваго перехода въ православіе (по Ландеру).*

«Сороковые годы девятнадцатаго столѣтія начались цѣлымъ рядомъ крупныхъ крестьянскихъ безпорядковъ (1841, 1842—1843 гг.), потрясшихъ всю экономическую и соціальную жизнь края и снова поставившихъ ребромъ вопросъ о неотложныхъ и насущныхъ реформахъ.

«Движеніе 1841 г. въ самомъ началѣ носило мирный характеръ. Доведенные до послѣдней степени отчаянія, полуголодные батраки стали собираться толпами и отказывались работать на помѣ-

[1]) «Herrenkirche oder Volkskirche»?
«Eine estische Stimme im Baltischen Chor» von A. Grenzstein.

щиковъ. Толпы бастующихъ батраковъ ходили по имѣніямъ и снимали съ работъ своихъ товарищей. Скоро къ батракамъ присоединились также дворохозяева, крайне недовольные своимъ положеніемъ и въ особенности разорительною системою выселеній. Они отказывались нести арендныя повинности и работать на помѣщиковъ. Волненія быстро охватывали всю Лифляндію и угрожали распространиться на весь край.

«Снова выступили на сцену войска, произошли кое-гдѣ стычки съ безоружными стачечниками, окончившіяся, понятно, пораженіемъ послѣднихъ. Толпы стачечниковъ быстро были разсѣяны, безпорядки подавлены. Началось усмиреніе съ неизбѣжнымъ въ то время сѣченіемъ до смерти. Очень много подстрекателей и зачинщиковъ были растрѣляны и повѣшены, не считая убитыхъ въ стычкахъ съ войсками; еще большее количество людей было подвергнуто жесточайшему тѣлесному наказанію, заключено въ тюрьмы, сослано въ Сибирь. Толпы бѣглецовъ, уцѣлѣвшихъ отъ пуль, штыковъ, висѣлицъ, шпицрутеновъ и Сибири, со своими семьями стекались въ города. Голодные, оборванные, они надѣялись спасти хоть свою жизнь.

«Ихъ усадьбы были сожжены, по возвращеніи ихъ ожидала смертная казнь или жестокое истязаніе. Многіе города и мѣстечки были буквально наводнены бѣглецами, которые располагались лагеремъ на городскихъ площадяхъ. И вдругъ среди нихъ, а также среди остального населенія края распространился слухъ, что латышамъ будутъ отведены земли гдѣ-то на югѣ, и что туда уже разрѣшено переселиться.

«Этотъ вздорный слухъ, возникшій, надо полагать, благодаря правительственному проекту переселенія нѣкоторыхъ непокорныхъ волостей въ отдаленныя сѣверо-восточныя губерніи, взбудоражилъ населеніе, вызвавъ у него новыя несбыточныя надежды. Со всѣхъ сторонъ народъ громадными толпами сталъ стекаться въ города. Здѣсь крестьяне настоящими полчищами по цѣлымъ недѣлямъ осаждали правительственныя учрежденія, добиваясь разрѣшенія на переселеніе въ теплые края. Но просьбы эти оказались тщѣтными; вмѣсто ожидаемаго разрѣшенія, былъ изданъ строгій приказъ, чтобы всѣ бѣглецы немедленно же вернулись въ свои

волости, къ своимъ помѣщикамъ; было объявлено, что переселенія правительство никогда не разрѣшитъ, потому что вслѣдствіе него можетъ пошатнуться экономическое благосостояніе страны.

«Но крестьяне отказывались вѣрить этому указу; они считали его подложнымъ, сочиненнымъ помѣщиками, чтобы обмануть ихъ. Напрасно самъ генералъ-губернаторъ разъѣзжалъ по всему краю, уговаривая оставить всякія надежды на переселеніе, которое никогда не можетъ быть разрѣшено; напрасно изъ Петербурга были командированы 2 генералъ-адъютанта со спеціальною миссіею успокоить взволнованное населеніе; голодные, обозленные крестьяне упорно стояли на своемъ и все требовали отпустить ихъ въ теплый край, гдѣ они надѣялись избавиться отъ баронскаго рабства. Для вразумленія непокорныхъ снова пришлось пустить въ ходъ ружья, штыки и нагайки».

«Вожаки-ходоки были арестованы и заключены въ тюрьмы, а остальныхъ войска разогнали по домамъ. Снова населеніе словно присмирѣло, но ненадолго—черезъ годъ волненія вспыхнули съ новою силой, хотя уже въ другомъ видѣ.

«Съ 1843 г. въ краѣ началась дѣятельная пропаганда православія, которая велась преимущественно только среди латышскаго и эстонскаго населенія края. Среди лютеранскаго населенія она могла встрѣтить сочувствіе только при самыхъ исключительныхъ условіяхъ.

«Для того, чтобы обезпечить успѣхъ своей пропагандѣ, православному духовенству необходимо было создать подходящую почву для агитаціи. Этого оно достигло, отстаивая, или, вѣрнѣе, дѣлая видъ, что отстаиваетъ, нѣкоторые экономическіе интересы латышскаго крестьянства и въ особенности дворохозяевъ [1]).

«Не успѣла улечься переселенческая смута, какъ среди латышскаго населенія стали распространяться новые смущавшіе его слухи о томъ, что препятствіемъ къ освобожденію латышей отъ нѣмецкаго

---

[1]) Интересно было бы знать, откуда г. Ландеръ почерпнулъ всѣ эти басни? И вся эта ложь выдается за непреложную истину въ популярномъ изданіи по русской исторіи.

ига является ихъ лютеранское вѣроисповѣданіе,—если бы латыши были одной вѣры съ русскими, правительство охотно облегчило бы ихъ участь. Наряду съ этимъ распространялся еще болѣе возбуждающій населеніе слухъ о томъ, что всѣ принявшіе православіе латыши будутъ надѣлены землею и освобождены отъ всякой зависимости отъ помѣщиковъ. Впослѣдствіи было установлено, что эти слухи распускались и православнымъ духовенствомъ съ рижскимъ епископомъ во главѣ. [1]) Правда, руссификаторская дѣятельность православнаго духовенства и русскихъ властей въ краѣ сопровождалась нѣкоторыми подачками латышскому крестьянству, особенно при генералъ-губернаторѣ Головинѣ, когда эта политика одержала было побѣду, но нечего, кажется, и говорить про то, что эти подачки не соотвѣтствовали прежнимъ обѣщаніямъ. Въ частности, руссификаторской политикѣ край въ значительной степени обязанъ реформами сороковыхъ годовъ.

«Движеніе въ пользу перехода въ православіе сначала было очень сильно среди латышей. Крестьяне устремились въ Ригу, гдѣ тысячными толпами въ теченіе многихъ дней окружали дворецъ генералъ-губернатора, прося его выдать разрѣшеніе на перемѣну вѣры. Это религіозное движеніе, возникшее на чисто экономической подкладкѣ, было крайне непріятно для помѣщиковъ-бароновъ, и они рѣшили бороться съ нимъ.

«Генералъ-губернаторъ (кн. Суворовъ) былъ на ихъ сторонѣ. Онъ воспретилъ крестьянамъ лично хлопотать о перемѣнѣ вѣроисповѣданія, а «зачинщиковъ» велѣлъ заключить въ тюрьмы и наказать розгами. Тогда крестьяне стали подавать письменныя заявленія о желаніи перемѣнить вѣроисповѣданіе, но имъ была воспрещена и эта форма ходатайства. Однако вскорѣ руссификаторская политика взяла верхъ, и тогда начались въ краѣ массовые переходы въ православіе. За 1842—1846 гг. въ православіе перешли свыше 100.000 человѣкъ.

«Новообращенные съ нетерпѣніемъ ожидали обѣщанной земли и «воли», но, не дождавшись ничего, пожелали вернуться обратно въ

---

[1]) Какъ мы увидимъ ниже, это тоже явная ложь.

лютеранство [1]). Это, конечно, оказалось невозможнымъ. Тогда крестьяне стали самовольно посѣщать лютеранскія церкви и требовали отъ пасторовъ совершенія надъ ними требъ. На этой почвѣ произошли новые безпорядки (въ 1847 г.). Открылось гоненіе на лютеранскихъ пасторовъ за совершеніе требъ надъ православными, въ виду того, что многіе латыши выдавали себя за лютеранъ, между тѣмъ какъ въ церковныя книги они занесены не были и формально числились православными. И только законъ 17 Апрѣля 1905 г. далъ, наконецъ, возможность диссидентамъ, числившимся православными, но посѣщавшимъ лютеранскія церкви и не имѣвшимъ рѣшительно ничего общаго съ православіемъ, вернуться въ лютеранскую церковь» [2]).

3. Прибалтійско-нѣмецкая клевета.

Въ только что приведенномъ очеркѣ г. Ландеръ повторяетъ относительно перехода латышей и эстонцевъ въ православіе ту прибалтійско-нѣмецкую клевету, съ которой въ свое время боролся еще Самаринъ въ своихъ изданіяхъ «Окраины Россіи». Въ предисловіи къ третьему тому этихъ «Окраинъ» Самаринъ, между прочимъ, писалъ:

«Нарушеніе остзейской политической конституціи—это одинъ изъ пунктовъ, по которымъ мы рано или поздно будемъ привлечены къ отвѣту; затѣмъ есть другой, тѣсно связанный съ первымъ, въ формальномъ отношеніи даже подразумѣваемый въ немъ, но имѣющій въ то же время самостоятельное значеніе и особенную важность, какъ вопросъ государственной нравственности—это посягательство на свободу лютеранской совѣсти. Во имя интересовъ остзейскаго германизма, конечно, станетъ подъ ружье значительная военная сила; но подъ знамя вѣротерпимости, поднятое противъ насъ, соберется вся Европа, а можетъ быть и Америка, безъ различія

---

[1]) Какъ это все просто выходитъ у г. Ландера! Будто бы ему совершенно неизвѣстны тѣ притѣсненія со стороны нѣмецкихъ помѣщиковъ въ отношеніи принявшихъ православіе латышей и эстовъ, которыя заставили послѣднихъ стремиться къ возвращенію въ лютеранство.

[2]) «Ист. Рос. въ XIX вѣкѣ», вып. № 5, стр. 344—347.

народностей и исповѣданій. Зная хорошо, что ничѣмъ нельзя нанести намъ такого вреда въ мнѣніи всего просвѣщеннаго міра, какъ распространеніемъ молвы о тѣхъ нечистыхъ средствахъ, которыми мы, будто бы, недавно вербовали въ свою церковь лифляндское простонародье, и о тѣхъ насильственныхъ мѣрахъ, которыми оно, противъ воли и совѣсти, будто бы удерживается въ ея цѣпяхъ, бывшій нашъ согражданинъ фонъ-Боккъ, теперешній нашъ согражданинъ, русскій подданный Юлій Эккгардъ [1]) и многочисленные ихъ пособники дружно принялись за разработку этой неисчерпаемой темы. Число откуда-то внезапно народившихся лифляндскихъ ревнителей свободы совѣсти, скликающихъ Европу на ополченіе противъ Россіи, быстро умножается, а ежегодно выходящія по этой части новыя книги и брошюры свидѣтельствуютъ по крайней мѣрѣ о чрезвычайномъ обиліи офиціальныхъ матерьяловъ, пересылаемыхъ заграничнымъ издателямъ балтійскими ихъ пособниками» [2]).

Старая прибалтійско-нѣмецкая клевета, какъ видно изъ изложенія г. Ландера, и до сего времени не потеряла своего значенія, а потому и слѣдуетъ напомнить читателямъ нѣкоторыя страницы изъ трудовъ Ю. Самарина, сдѣлавшихся теперь библіографи-

---

[1]) Самъ Г. Эккгардъ недавно взялъ на себя трудъ, въ опроверженіе разнесшагося слуха, утѣшить русскую публику печатнымъ объявленіемъ въ газетахъ, что онъ не вышелъ изъ русскаго подданства. Побольше бы такихъ русскихъ подданныхъ, и тогда Пруссія нашла бы средство справиться съ нами не объявляя намъ даже войны. Прим. Ю. Самарина.

[2]) Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя особенное вниманіе брошюра Д. Гарлеса. Geschichtsbilder aus der Lutherischen Kirche Livlands vom Jahre 1845 etc. Leipzig 1869. Я бы почелъ себя счастливымъ, если бы могъ добыть хоть половину тѣхъ данныхъ, которыми пользовался авторъ. Но архивы лютеранскихъ консисторій, соборовъ и пасторатовъ открыты для нашихъ противниковъ, а если бы кто либо изъ русскихъ, пишущихъ въ защиту нашихъ государственныхъ и церковныхъ интересовъ, вздумалъ испрашивать разрѣшенія заглянуть въ дѣла Рижской Православной Консисторіи, Синода и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, то его бы учтивымъ образомъ выпроводили и нашли бы его домогательство дерзкимъ. Современемъ, и вѣроятно довольно скоро, мы будемъ сожалѣть о теперешней добровольной безотвѣтности нашей на обвиненія, которыми насъ осыпаютъ, но ужъ будетъ поздно. Прим. Ю. Самарина.

ческой рѣдкостью, а также привести еще неизданные матеріалы по разсматриваемому вопросу.

Въ концѣ своего предисловія Самаринъ убѣжденно говоритъ: «Я однако думаю, что правда должна, наконецъ, пробиться сквозь самую непроницаемую тучу безсознательныхъ предубѣжденій и преднамѣренно накопляемой клеветы».

4. Тяготѣніе латышей къ православію.

Приводимъ нѣсколько историческихъ страничекъ изъ труда Самарина о первыхъ проявленіяхъ тяготѣнія латышей къ православію.

« Въ запискахъ о распространеніи православія въ Лифляндіи, частью изданныхъ, частью оставшихся въ рукописяхъ, говоритъ Ю. Самаринъ, не разъ упоминалось о томъ, что первыя сѣмена христіанства занесены были въ Прибалтійскій край изъ Россіи, именно изъ Полоцкаго княжества [1]), что церковь наша имѣла представителей въ русскомъ г. Юрьевѣ (Дерптѣ) [2]) и что, можетъ быть, отъ этихъ древнихъ временъ вели свое начало продолжавшіяся въ сороковыхъ годахъ сношенія лифляндскихъ крестьянъ протестантскаго вѣроисповѣданія съ православными церквами и священниками въ нѣкоторыхъ пограничныхъ приходахъ [3]).

---

[1]) Одинъ лифляндскій лѣтописецъ заявляетъ, что русскіе князья (въ отличіе отъ нѣмецкихъ) не имѣли обыкновенія навязывать свою вѣру покореннымъ ими племенамъ: est consuetudo regum Ruthenorum quemcunque gentem expugnaverint non fidei Christianae subjicere. (Изд. Губера 3-й вып. стр. 166). Прим Ю. Самарина.

[2]) Къ соборной православной церкви въ Дерптѣ приписано было въ началѣ XIII вѣка до 24 деревень. Въ Ригѣ была русская церковь въ эпоху Орденскаго владычества, подчиненная Псковскому епископу, въ Перновѣ также. Прим. Ю. Самарина.

[3]) Такъ, латыши имѣли обыкновеніе посѣщать Якобштатскую церковь, въ Курляндіи, для служенія молебновъ. Это видно изъ церковныхъ приходорасходныхъ книгъ и, по свидѣтельству мѣстнаго причта, отъ лютеранъ получалось вдесятеро больше дохода, чѣмъ отъ своихъ прихожанъ. Латыши и эсты хаживали также ежегодно, цѣлыми партіями, на богомолье въ Печерскій монастырь на границѣ Псковской губерніи и Лифляндіи. Около Пернова и въ другихъ мѣст-

«Приведенные факты несомнѣнны, и нѣтъ причины не признать въ нихъ случайно уцѣлѣвшей нити, конечно, очень слабой и тонкой, которая могла до нѣкоторой степени послужить указаніемъ для крестьянъ, когда началось въ нихъ религіозное броженіе; но нельзя придавать этому большого значенія, и во всякомъ случаѣ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, протестантское духовенство, если и знало объ этихъ мелочахъ, то, конечно, нисколько ими не тревожилось, принимая ихъ за признаки грубаго суевѣрія латышей. Но другія явленія, правда изолированныя и мало у насъ извѣстныя, могли возбуждать въ немъ небезосновательныя опасенія. Такъ, напримѣръ, около 1800 года, цѣлый Верхнеустинскій пасторатъ Верросскаго уѣзда (нынѣ того же названія приходъ Псковской епархіи) перешелъ изъ лютеранства въ православіе, и новообращеннымъ поставленъ былъ священникъ, ими избранный изъ ихъ среды. Другой подобный случай официально засвидѣтельствованъ. Я передамъ его буквально, по протестантской версіи: «Виндавскій пасторъ Керберъ донесъ, что на принадлежащемъ къ его приходу при мызѣ Кастеръ островѣ Чудскаго озера, называемомъ Піари-Сааръ, живутъ эсты вмѣстѣ съ русскими, каковое обстоятельство употребляютъ во зло эстскіе малолѣтки обоего пола, кои, провинясь въ чемъ либо, или, по лѣтамъ и необразованности своей, не имѣя охоты пріобрѣтать нужныхъ познаній въ религіи, въ то самое время, когда имъ, по лютеранскому вѣроисповѣданію,

---

ностяхъ Лифляндіи крестьяне издавна хаживали къ православнымъ священникамъ за святою водою, заказывали имъ заздравные молебны, покупали у нихъ свѣчи и т. п. Бывшій профессоръ Дерптскаго университета Р. свидѣтельствовалъ, какъ очевидецъ, «что задолго до движенія 1841 года, въ воскресные и праздничные дни, православныя церкви въ Дерптѣ наполнялись латышами и чухнами, которыхъ, конечно, никто туда не гналъ и не приглашалъ. Напротивъ, этихъ незванныхъ гостей священники, обыкновенно, приказывали выводить, ссылаясь на то, что и своимъ тѣсно. Крестьяне ставили передъ иконами свѣчи, молились, совершали поминовенія по усопшимъ, нѣкоторые даже соблюдали посты, и т. д.». О подобныхъ признакахъ наклонности къ православію до 1841 г. упоминалъ, также какъ очевидецъ, архіепископъ Псковскій Нафанаилъ въ рапортѣ Синоду 21 Октября 1841 г., № 488. Замѣчательно, что очень многія латышскія слова, относящіяся къ предметамъ вѣры и богослуженія, повидимому, заимствованы изъ русскаго. Прим. Ю. Самарина.

надлежитъ приготовляться къ первому причащенію, укрываются на русской части острова и тамъ принимаютъ греческое вѣроисповѣданіе, чему и представилъ онъ четыре примѣра. Его Императорское Величество Государь Императоръ, указомъ 20 Декабря 1813 г., изволилъ объявить по всей справедливости Высочайшее неодобреніе свое на счетъ всякаго обращенія изъ одной вѣры въ другую, и ежели могутъ быть терпимы сами по себѣ таковыя перемѣны исповѣданій то онѣ, по крайней мѣрѣ, не должны быть дозволяемы малолѣтнимъ, несвѣдущимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ, не познавшимъ еще ученія той церкви, въ которой они окрещены, умалчивая о томъ, чтобъ они были въ состояніи познавать чуждое имъ вѣроисповѣданіе; а всего менѣе можно позволить наносить безчестіе господствующей вѣрѣ чрезъ то, что ее почитаютъ убѣжищемъ для грубаго невѣжества и упорствованія противъ закона и порядка. И кромѣ вышеупомянутыхъ примѣровъ, доходили уже прежде до свѣдѣнія лифляндской оберъ-консисторіи другіе случаи, что молодые люди, для избавленія себя отъ обязанности знать катихизисъ, дабы быть допущенными по закону лютеранскому къ причащенію, переходили къ православной греческой церкви, что оскорбляетъ столько же, очевидно, достоинство сей послѣдней [1]), сколько и права протестантской церкви въ Лифляндіи [2]). Почему лифляндская оберъ-консисторія просила объ учиненіи запрещенія православному духовенству, не только на островѣ Піари-Сааръ, но также всѣмъ и каждому въ Лифляндской губерніи, не допускать несовершеннолѣтнихъ и незаконнорожденныхъ, а паче непокорныхъ церкви [3]) молодыхъ людей протестантскаго исповѣданія къ принятію православной вѣры».

---

[1]) Какая трогательная и безкорыстная заботливость о нашей церкви со стороны лютеранской консисторіи. Прим. Ю. Самарина.

[2]) Это не такъ трогательно, но зато гораздо ближе къ дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ: принять протестантовъ въ православную церковь—не то же ли, что пріютить бѣглыхъ крѣпостныхъ людей или посягнуть на чужую оброчную статью. Прим. Ю. Самарина.

[3]) Значитъ принимать въ православную церковь можно было бы только покорныхъ протестантской церкви, то есть такихъ, которыхъ бы само протестантское духовное начальство благословило на переходъ въ православіе? Прим. Ю. Самарина.

(Полн.Собр. Зак., т. XXXVI, № 27630, указъ Святѣйшаго Синода 8 Января 1819 г.).

«Все въ этомъ оригинальномъ документѣ заслуживаетъ вниманія. Съ одной стороны, въ немъ выразились очень ярко и осязательно понятія и притязанія лифляндскаго духовенства, съ которыми мы впослѣдствіи неоднократно будемъ встрѣчаться. Протестанты переходятъ въ православіе—значитъ, другихъ побужденій, кромѣ унизительныхъ и корыстныхъ, тутъ и предполагать нельзя; все дѣло объясняется желаніемъ избѣгнуть заслуженнаго наказанія, лѣнью, уклоненіемъ отъ ученья, грубымъ невѣжествомъ, даже упорствомъ противъ закона. Но почему бы, однако, не предположить, что обычай православной церкви, допускающей къ причастію и младенцевъ, могъ подѣйствовать на эстовъ? Кажется, въ этомъ не было бы ничего невозможнаго. Но лифляндская консисторія ни о чемъ подобномъ не хочетъ и слышать; она рѣшаетъ дѣло съ плеча: нужно, во чтобы то ни стало, отстоять обязательность установленныхъ ею порядковъ, и потому, не справляясь на сей разъ съ свободою совѣсти, она просто требуетъ отъ начальства запрещенія принимать непокорныхъ лютеранъ въ православную церковь. О свободѣ и о правахъ христіанской совѣсти лифляндская консисторія вспомнитъ позднѣе, лѣтъ черезъ сорокъ, когда понадобится оправдать отпаденіе православныхъ въ лютеранство. Тогда заговорятъ другимъ языкомъ и выставятъ иного рода аргументацію. Не менѣе отчетливо выразилось въ данномъ случаѣ и воззрѣніе высшаго правительства на обращеніе въ православную вѣру вообще. Хотя Именной указъ 20 Декабря 1813 г., на который ссылался виндавскій пасторъ, не помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, однако нѣтъ повода сомнѣваться въ его подлинности, тѣмъ болѣе, что и Святѣйшій Синодъ, при разсмотрѣніи дѣла, не отвергъ ссылки. Да и самое содержаніе, даже тонъ указа—это рѣшительное неодобреніе всякаго обращенія изъ одной вѣры въ другую, характеризуетъ какъ нельзя лучше понятія того времени, впрочемъ, едва ли и теперь вполнѣ отброшенныя высшимъ правительствомъ и особенно высшимъ обществомъ. Конечно, можетъ показаться страннымъ, что такія понятія могли уживаться съ представленіемъ о Самодержцѣ, какъ покровителѣ и заступникѣ, чуть ли не главѣ православной церкви;

что такое огульное осужденіе всякой перемѣны вѣры, слѣдовательно, и перемѣны по искренному убѣжденію укоренилось въ странѣ, не видавшей на престолѣ, со временъ Елисаветы Петровны, ни одной Императрицы, рожденной и воспитанной въ православной вѣрѣ; наконецъ, что это предвзятое недовѣріе къ высшему проявленію религіозной свободы, повидимому, мирилось съ ученіемъ о свободѣ совѣсти, о которой у насъ въ то время такъ много толковали, рѣшительно не понимая ея сущности; но такія ли еще увидимъ мы странности. Не мѣшаетъ обратить вниманіе и на самый ходъ дѣла по поводу обращенія эстовъ. Лифляндская духовная консисторія отнеслась съ своимъ ходатайствомъ къ министру духовныхъ дѣлъ, князю А. Н. Голицыну, который препроводилъ его, не дѣлая отъ себя никакого распоряженія, къ синодальному оберъ-прокурору, князю Мещерскому, который, въ свою очередь, передалъ его по принадлежности на обсужденіе въ Святѣйшій Синодъ. Туда, въ 1819 г., поступило это дѣло на окончательное разрѣшеніе. Въ сороковыхъ годахъ дѣла совершенно однородныя, какъ мы увидимъ ниже, производились уже инымъ порядкомъ; въ Синодъ они попадали рѣдко, а сосредоточивались и получали разрѣшеніе въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и особенно въ III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Но въ 1819 г. корпусъ жандармовъ еще не существовалъ, а Синодъ пользовался правами, если не представительства независимой церкви, то, по крайней мѣрѣ, высшаго правительственнаго учрежденія, помимо и безъ участія котораго не рѣшались ввѣренныя ему дѣла духовнаго вѣдомства.

«Разсмотрѣвъ представленіе лифляндской консисторіи, Синодъ, разумѣется, рѣшилъ, «что воспрещать соединеніе съ православною церковью тѣмъ изъ иновѣрцевъ, которые ведутся къ тому истиннымъ расположеніемъ, а не другимъ, самою церковью отвергаемымъ видомъ, было бы противно евангельскому духу». Указъ, изъ котораго выписаны эти строки, помѣченъ 8 Января 1819 г. и, слѣдовательно, хорошо былъ извѣстенъ въ Лифляндіи въ Декабрѣ того же года, когда собранное на ландтагѣ дворянство разсматривало и окончательно редактировало проектъ Положенія о крестьянахъ. Весьма можетъ быть, что послѣ неудавшейся попытки лифляндской консп-

сторіи добиться запрещенія присоединять непокорныхъ латышей и эстовъ, признано было нелишнимъ заблаговременно прибѣгнуть къ домашнимъ, предупредительнымъ мѣрамъ на случай повторенія странностей, подобныхъ тому, что произошли въ виндавскомъ приходѣ [1])».

О симпатіи латышей къ русскимъ говорятъ, между прочимъ, и народныя ихъ пѣсни. Такъ, въ I томѣ «Сборника матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края» приведена, между прочимъ, слѣдующая народная пѣсня: «Изъ крестовъ скована русская земля. А эта [2]) обезсилена господами; чрезъ кресты солнце восходитъ, а чрезъ господъ заходитъ. Русскому я даю свою сестрицу, а самъ себѣ беру литвинку; хожу къ русскому, хожу и къ литовцамъ, вездѣ мнѣ зятья—родня».

5. Палки барона Палена и кусокъ хлѣба преосвященнаго Иринарха.

Голодный 1841 годъ и гуманное отношеніе Рижскаго преосвященнаго Иринарха еще болѣе укрѣпили общія симпатіи латышей къ русскимъ. Вотъ, какъ объ этомъ разсказываетъ Самаринъ:

«Нѣсколько послѣдовательныхъ неурожаевъ довели крестьянъ въ 1841 г. до крайней степени нищеты. Общественные магазины были пусты. Лифляндія голодала въ буквальномъ, страшномъ значеніи этого слова. По старой привычкѣ, крестьяне обращались за помощью къ помѣщикамъ; но бѣдствіе, противъ котораго не было принято своевременныхъ мѣръ, успѣло достигнуть такихъ размѣровъ, при которыхъ частная благотворительность была безсильна, а прежнее право на обязательную помощь со стороны бывшихъ своихъ владѣльцевъ крестьяне утратили за 20 слишкомъ лѣтъ передъ тѣмъ. Они были свободны, слѣдовательно, должны были сами пещись о себѣ; и такъ какъ народъ пріобрѣтаетъ познаніе своихъ правъ и обязанностей не изъ печатныхъ указовъ, а изъ опыта, то надлежало дать ему полную возможность восчувствовать на дѣлѣ свойство новыхъ его отношеній къ помѣщикамъ, отнюдь не подавая ему повода надѣяться, что прежніе, благопріятные для него порядки,

---

[1]) «Окраины Россіи», изд. Ю. Самарина, вып. III, стр. 59—64.

[2]) т. е. земля латышей.

можетъ быть, не совсѣмъ еще отмѣнены. Такъ разсуждали въ Лифляндіи благоразумные люди.

«Одинъ русскій чиновникъ, вскорѣ послѣ 1841 г. командированный въ Лифляндію, пишетъ слѣдующее: «мы не забудемъ разсказа одного молодаго медика, который возвратилъ къ жизни умиравшаго юношу. Родители, вмѣсто благодарности, осыпали врача горькими упреками, говоря, что лучше было бы сыну ихъ умереть сразу, чѣмъ остаться въ живыхъ, чтобы потомъ опять медленно умирать отъ голода» [1]).

«Въ массѣ, однако, крестьянамъ все-таки не хотѣлось умирать. Они стали обращаться за помощью къ мѣстному начальству, причемъ ихъ просьбы нерѣдко принимали видъ жалобъ на помѣщиковъ за недоставленіе имъ средствъ къ пропитанію. Но понятно, что начальство ничѣмъ инымъ не могло отвѣтить имъ, какъ отказомъ, и въ тонѣ нѣсколько суровомъ, потому что жалобы были дѣйствительно неосновательны, а всякое обнаруженіе состраданія могло бы породить неосуществимыя ожиданія.—«Такъ, если ужъ нѣтъ житья и у себя дома, нельзя ли куда-нибудь выселиться?»—эта мысль возникла сама собою и не могла не возникнуть въ умѣ крестьянъ. Когда желудокъ пустъ, фантазія иногда не въ мѣру разыгрывается и, какъ будто въ утѣшеніе умирающимъ отъ истощенія, выводитъ передъ ихъ потухающими взорами картины заманчиваго довольства. Этого рода утѣшеніе испытывали и латыши. Въ ихъ распаленномъ воображеніи стала рисоваться какая то роскошная теплая, будто бы ихъ ожидавшая, Эйская земля. Почему именно Эйская—не знаю.

«Генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ, какъ кажется, мало вникавшій въ процессъ образованія народныхъ слуховъ, хотѣлъ непремѣнно доискаться происхожденія этой молвы, ходившей по всей Лифляндіи, и наложить руку на перваго отвѣтственнаго ея изобрѣтателя; но это ему не удалось, и, послѣ долгихъ усилій, онъ выяснилъ только, что слухи, когда то и кѣмъ то распущенные между латышами, нашли себѣ какъ бы подкрѣпленіе въ фактѣ переселенія въ 1840 г. нѣсколькихъ окрестившихся евреевъ изъ Курляндіи

---

[1]) Чтенія 1865, кн. III, стр. 119. Прим. Ю. Самарина.

въ Бессарабію. Какъ бы то ни было, слухи эти быстро разносились и очень можетъ быть (въ подобныхъ случаяхъ безъ этого никогда не обходится), что находились полуграмотные люди, которые, раздѣляя заблужденіе толпы или промышляя ея довѣрчивостью, въ этомъ смыслѣ писали для нея просьбы, или даже обнадеживали ее лживыми справками [1]). Во всякомъ случаѣ, не въ Ригѣ, а въ уѣздахъ, особенно въ Венденскомъ, Валкскомъ и Маріенбургскомъ, зародилась молва о переселеніи, и оттуда толпы крестьянъ стали приходить въ Ригу съ просьбами поскорѣе вывести ихъ изъ Лифляндіи. Скоро число ихъ дошло до нѣсколькихъ тысячъ. Наполнивъ всѣ постоялые дворы и не находя пріютовъ, нѣкоторыя партіи ночевали на площадяхъ, даже противъ дома Генералъ-Губернатора.

«Они метались во всѣ стороны, вздыхали во всѣхъ переднихъ, избили всѣ пороги и перебывали рѣшительно у всѣхъ: у генералъ-губернатора, у губернатора, у жандармскаго штабъ-офицера и у разныхъ военныхъ начальниковъ.

«Многіе изъ просителей все-таки попрежнему жаловались на своихъ помѣщиковъ; другіе мололи всякій вздоръ, намекая на какія то апокрифическія распоряженія правительства на ихъ счетъ; нѣкоторые не имѣли при себѣ узаконенныхъ видовъ на отлучку изъ дому—да и не мудрено. Не могли же вотчинныя конторы благопріятствовать этимъ разорительнымъ отлучкамъ, особенно когда имъ были хорошо извѣстны мечтательныя надежды, побуждавшія латышей таскаться въ Ригу. Со стороны крестьянъ, тутъ ужъ было прямое нарушеніе законнаго порядка объ испрошеніи видовъ, и за таковыя ихъ продерзости губернское начальство усердно принялось наказывать ихъ палками, брить имъ половину головы и выпроваживать ихъ домой. Это было заявлено офиціально барономъ

---

[1]) Многіе, между прочимъ, утверждали, что еще задолго до того времени, когда крестьяне стали обращаться къ православному духовенству, былъ читанъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ кафедръ, въ киркахъ и въ какой то судейской камерѣ какимъ то писаремъ фальшивый указъ о раздачѣ гдѣ то на югѣ пустопорожнихъ земель всѣмъ желающимъ переселиться (объ этомъ писалъ преосвященный Иринархъ Псковскому архіепископу). Прим. Ю. Самарина.

Паленомъ и производилось въ стѣнахъ губернскаго правленія» [1]). Наконецъ, 9 Іюля 1841 г., одна изъ голодныхъ и запуганныхъ испытанными наказаніями крестьянскихъ артелей, таскаясь по улицамъ г. Риги, случайно забрела на архіерейское подворье, къ преосвященному Иринарху. Онъ выслушалъ терпѣливо безсвязный бредъ крестьянъ, не скрылъ своего къ нимъ состраданія (вѣдь не обязанъ же онъ былъ скрывать его), но объяснилъ имъ, что предметъ ихъ просьбы до него нисколько не касается, и что онъ поставленъ не для перевода изъ одной губерніи въ другую, а для присоединенія къ той церкви, которой онъ служилъ, желавшихъ вступить въ нее. Въ заключеніе, онъ присовѣтовалъ имъ идти домой, приняться за работу, слушаться помѣщиковъ (это было засвидѣтельствовано губернаторомъ, бар. Фелькерзамомъ) и отпустилъ ихъ, давъ имъ кусокъ хлѣба и нѣсколько грошей. Не могъ же и онъ встрѣтить ихъ палками и бритвами? Таковъ былъ починъ такъ называемой въ Лифляндіи православной пропаганды: ласковое слово, сочувствіе къ чужой бѣдѣ, скудная милостыня и добрый совѣтъ [2]). А вѣдь въ извѣстномъ смыслѣ баронъ Паленъ и его руководители все-таки были правы; точно это была своего рода пропаганда и не безопасная; но виновата ли была православная церковь и Россія, виноватъ ли былъ преосвященный Иринархъ или любой русскій человѣкъ, котораго судьба въ то время заносила въ Лифляндію, будь онъ солдатъ, торгашъ, или извозчикъ, виноваты ли они были въ томъ, что, благодаря порядку вещей, существовавшему въ этомъ краѣ, всякая встрѣча съ русскимъ, всякій взглядъ, брошенный на латыша, потому только, что въ этомъ взглядѣ не было угрозы,

---

[1]) Отношенія Генералъ-Губернатора къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ 1841 г. 13 и 18 Іюля, №№ 670 и 701. Прим. Ю. Самарина.

[2]) Въ «историческихъ очеркахъ лютеранской церкви въ Лифляндіи» Г. Гарлеса (стр. 74) значится, будто бы къ преосвященному Иринарху приходили гернгутеры, будто бы онъ разсмотрѣлъ и одобрилъ ихъ книги, обѣщалъ имъ свое покровительство и даже отвелъ имъ для молитвенныхъ собраній православную деревянную церковь на какомъ то кладбищѣ подъ Ригою. Все это чистѣйшая выдумка, и я могу засвидѣтельствовать, на основаніи самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній, что преосвященный Иринархъ не имѣлъ съ гернгутерами рѣшительно никакихъ сношеній. Прим. Ю. Самарина.

всякое слово, потому только, что въ немъ не было брани, наводили народъ на сравненія, для многихъ невыгодныя, и возбуждали фантастическія, положимъ, даже опасныя надежды? Англійскій консулъ, два года тому назадъ, въ Архангельскѣ, тоже помогалъ голоднымъ, однако это не поколебало ихъ политической и религіозной вѣрности и не побудило ихъ проситься въ англиканство; а преосвященный Иринархъ сдѣлался вдругъ злонамѣреннымъ подстрекателемъ, мутившимъ слабые умы крестьянъ. . . Впрочемъ, и другое лицо, въ то же время и почти за то же самое, навлекло на на себя неудовольствіе мѣстныхъ властей. Это былъ не кто иной, какъ жандармскій подполковникъ, вдобавокъ нѣмецъ, по имени Киршъ. Когда къ нему пришли крестьяне, онъ тоже, какъ видно, имѣлъ неосторожность заговорить съ ними по человѣчески и записать ихъ имена, для того (какъ заявлялъ онъ послѣ въ свое оправданіе), чтобъ легче было отыскать ихъ, когда дѣло дойдетъ до палокъ и бритья. Слѣдственная комиссія, назначенная барономъ Паленомъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго депутата фонъ-Гагемейстера, увѣряла, будто бы крестьяне, бывшіе у русскаго губернатора, у котораго солдаты въ голубыхъ мундирахъ (такъ они выражались, если вѣрить тому, что было записано слѣдователями), остались имъ довольны, утвердились въ прежнихъ своихъ мысляхъ и говорили, что онъ принялъ ихъ хорошо, даже обѣщалъ доложить о нихъ Государю. За одно это генералъ-губернаторъ жаловался своему другу графу Бенкендорфу на его подчиненнаго, вѣроятно, еще новичка и не успѣвшаго усвоить себѣ лифляндскихъ административныхъ пріемовъ. Подполковникъ Киршъ получилъ строгій выговоръ и, кажется, переведенъ былъ на другое мѣсто. Изъ всего этого выходило, что вообще съ крестьянами вовсе не подобало говорить, такъ какъ это во всякомъ случаѣ было опасно, а слѣдовало ограничиться бритьемъ головъ и сѣченіемъ. Никто не хотѣлъ понять, что страшны были не слова и взгляды, а страшна была совокупность мѣстныхъ издавна сложившихся обстоятельствъ, при которыхъ, дѣйствительно, все выходило страшнымъ, и что старанія прекратить всякія сношенія крестьянъ съ лицами посторонними, къ которымъ они не питали наслѣдственнаго недовѣрія, не только не вели къ успокоенію массы, напротивъ—отнимали у нея

послѣднюю возможность вразумиться. Такого рода мѣрами крестьянъ довели, наконецъ, до того, что всѣ тѣ, съ которыми они встрѣчались и имѣли дѣло, стали, въ ихъ понятіяхъ, распадаться на двѣ категоріи. Первая состояла изъ ихъ заклятыхъ враговъ; тутъ подразумѣвались тѣ, которые забривали лбы и сѣкли, и тѣ, по наущенію и въ интересахъ которыхъ производились сѣченіе и бритье. Вторая категорія вмѣщала въ себѣ немногихъ ихъ доброжелателей, и въ нее безъ разбора включались всѣ, не прибѣгавшіе къ упомянутымъ средствамъ вразумленія. Въ эту категорію попалъ какъ преосвященный Иринархъ, такъ и жандармскій подполковникъ Киршъ. Затѣмъ, дѣйствительнымъ или мнимымъ доброжелателямъ, безъ дальнихъ справокъ, непремѣнно приписывалось не только полное сочувствіе всѣмъ фантастическимъ надеждамъ народа, но и рѣшительное намѣреніе содѣйствовать ихъ осуществленію. «Съ такимъ-то говорить можно, значитъ, онъ за насъ, а коли за насъ, то, разумѣется, хлопочетъ и о переселеніи нашемъ. Да чуть ли онъ даже и не обѣщалъ хлопотать объ этомъ, или только видно было по всему, что будетъ хлопотать? Да нѣтъ! Точно обѣщалъ!». Такъ разсуждалъ народъ, такъ ему дѣйствительно казалось, и этого общаго настроенія его никакъ не должно упускать изъ виду при оцѣнкѣ юридической достовѣрности показаній, которыя въ то время записывались полицейскими чиновниками со словъ, или якобы со словъ, крестьянъ [1])».

6. Нѣмецкая лютеранская вѣротерпимость.

Прибалтійскіе нѣмцы, которые любятъ говорить о свободѣ совѣсти, когда дѣло идетъ о привлеченіи въ лютеранство новыхъ прозелитовъ, оказываются крайне нетерпимыми, когда что либо угрожаетъ ихъ собственной религіи, служащей имъ лишь для укрѣпленія ихъ привилегій и развитія германизаторскихъ стремленій. Въ этомъ отношеніи характерна борьба съ гернгутерами, о которой также отчасти разсказываетъ Самаринъ и говорятъ хранящіяся въ дѣлахъ Департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій изслѣдованія. Нѣмцы подавили гернгутерство, под-

[1]) Ю. Самаринъ. «Окраины Россіи» вып. III, стр. 9—85.

чинивъ его лютеранскимъ консисторіямъ. Не менѣе воинственно выступили они и противъ православія. Вотъ разсказъ Ю. Самарина:

«На съѣздѣ пасторовъ въ Венденѣ предложенъ былъ вопросъ: какія принять мѣры, чтобъ отклонить стремленіе крестьянъ къ православной церкви? Въ это же время, мѣстная коммисія, учрежденная въ Венденѣ для изслѣдованія причинъ предъявленнаго крестьянами желанія переселяться въ другія губерніи и состоявшая изъ депутата дворянства, орднунгсъ-рихтера и уѣзднаго фискала (разумѣется, все мѣстныхъ дворянъ и лютеранъ), свидѣтельствовала, «что перемѣнить вѣру никто не изъявилъ желанія». Но она, однако, находила нужнымъ «положительно запретить Рижскому епископу принимать у себя крестьянъ, даже тѣхъ изъ нихъ, которые ничего не домогались, кромѣ одной перемѣны вѣры [1])». Слѣдователи, очевидно, начинали терять голову. Напуганный не менѣе ихъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла баронъ Паленъ послѣдовалъ ихъ совѣту и, сперва черезъ посредство гражданскаго губернатора барона Фелькерзама, потомъ прямо отъ себя, потребовалъ отъ епископа, чтобъ онъ вовсе не принималъ крестьянъ, хотя бы они являлись къ нему только съ просьбами о переходѣ въ православную вѣру [2]), а просто имъ отказывалъ, и, не записывая ихъ именъ, обращалъ ихъ къ губернскому начальству. Требованіе свое баронъ Паленъ мотивировалъ тѣмъ, что приливъ крестьянъ изъ уѣздовъ въ Ригу продолжался только потому, что возвращавшіеся изъ города распространяли слухъ, будто бы въ домѣ архіерея записывались имена желавшихъ переселиться. На это преосвященный Иринархъ отвѣчалъ буквально, «что въ домѣ его никто никакихъ записей на переселеніе не дѣлаетъ, что запереть двери для крестьянъ онъ не можетъ безъ особеннаго на то разрѣшенія своего начальства, ибо это значило бы отказаться отъ одной изъ главныхъ обязанностей, возла-

---

[1]) Отношеніе Генералъ-Губернатора къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ 1841 г. Іюля 18, № 701. Прим. Ю. Самарина.

[2]) Можно подумать, что дѣло происходило не въ Россіи, гдѣ православіе признается господствующей религіей.

гаемыхъ на него саномъ и мѣстомъ, а отсылать приходящихъ къ нему людей къ гражданскому начальству считаетъ излишнимъ, ибо они являются къ нему, побывавъ уже у гражданскаго начальства, что доказываютъ ихъ бритыя головы, и что при томъ окружающая домъ его полиція и безъ того беретъ ихъ всѣхъ къ допросамъ въ губернское правленіе [1])». Съ этого началась война, и планъ кампаніи нѣмецко-лютеранской партіи тотчасъ обозначился.

«Крестьяне бѣдствовали и волновались—этого факта нельзя было отрицать, а онъ, естественно, могъ побудить высшее правительство всмотрѣться ближе въ ихъ положеніе и навести на мысль о существенныхъ измѣненіяхъ въ ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ. Крестьяне просились въ православную церковь, съ затаенными надеждами или безъ нихъ, но все-таки просились—этого также нельзя было скрыть, и было достаточное основаніе ожидать, что такое необычное явленіе послужитъ подтвержденіемъ другого факта, на слѣдъ котораго уже и прежде не разъ нападало правительство, а именно: полнаго равнодушія крестьянъ къ лютеранству и, слѣдовательно, крайней неудовлетворительности нравственныхъ отношеній лютеранскаго духовенства къ ввѣренной ему паствѣ. При этомъ, конечно, трудно было надѣяться, чтобы правительство, безъ дальнихъ справокъ и оговорокъ, просто на просто запретило присоединять латышей къ церкви, пользующейся титуломъ господствующей; а между тѣмъ, всякое разрѣшеніе присоединенія, хотя бы условное, хотя бы даже обставленное всевозможными затрудненіями, легко могло повлечь за собою отпаденіе всего простонародья отъ лютеранства [2]). Это гро-

---

[1]) Отношеніе преосвященнаго Иринарха къ архіепископу Псковскому, 6 Августа 1841, № 937.

[2]) Даже въ позднѣйшую эпоху, когда уже стало видно, что правительство не окажетъ латышамъ, перешедшимъ въ православіе, никакой защиты, на лифляндскомъ синодѣ 1849 г. прочтенъ былъ докладъ, въ которомъ необходимость строжайшихъ мѣръ противъ гернгутеровъ мотивировалась слѣдующими словами: «не будучи пророкомъ, нельзя однако не предусматривать, что если еще одно поколѣніе гернгутеровъ останется при прежнихъ способахъ дѣйствія, то въ Лифляндіи въ концѣ исчезнетъ какъ лютеранство, такъ и само гернгутерство,

зило окончательнымъ разореніемъ мѣстному духовенству и подкосило бы въ корнѣ нѣмецкое владычество въ Лифляндіи, разорвавъ послѣднюю нравственную связь дворянства съ народомъ, какъ выражались депутаты дворянства въ 1846 г. Итакъ, въ интересахъ господствовавшей партіи было крайне необходимо подвернуть правительству такое объясненіе движенія, происходившаго въ Лифляндіи, которое удовлетворило бы его вполнѣ, замаскировало бы отъ него многосложныя побужденія, шевелившіяся въ народѣ, и, такимъ образомъ, отвлекло бы нашихъ государственныхъ мужей отъ мысли всмотрѣться въ дѣло ближе и добраться до самой его сущности. На такого именно рода надобности издавна припасены очень пригодныя слова. Они хороши особенно тѣмъ, что ими выражаются понятія крайне тягучія, подъ которыя легко подвести самыя разнохарактерныя явленія, лишь бы они имѣли наружный видъ нестройности и происходили въ низшихъ слояхъ общества; другое достоинство этихъ словъ заключается въ томъ, что, будучи разъ произнесены и приняты для обозначенія того или другого факта, они избавляютъ отъ труда долго думать, а прямо наводятъ на извѣстный порядокъ всѣми затверженныхъ практическихъ мѣръ. Таково, напримѣръ, слово бунтъ. И вотъ, окрестили движеніе лифляндскихъ крестьянъ въ православіе этимъ драгоцѣннымъ словомъ».

«Злой духъ упорства распространился по всей странѣ, и дѣла дошли до того, что миролюбиво устроить ихъ невозможно; съ тѣмъ вмѣстѣ, глухое смятеніе уже обнаруживается «угрозами явнаго возмущенія, кровопролитія и опустошенія».—Эту въ своемъ родѣ мастерскую фразу сочинилъ и первый пустилъ въ ходъ предсѣдатель слѣдственной коммисіи фонъ-Гагемейстеръ; послѣ этого Генералъ-Губернаторъ, которому она, кажется, очень полюбилась, не разъ переписывалъ ее, цѣликомъ или по частямъ, въ своихъ конфиденціальныхъ сообщеніяхъ своему патрону и другу графу Бенкендорфу; черезъ послѣдняго она разнеслась по всему Петербургу, и тамъ

и останется одна греческая церковь, да при ней въ деревняхъ скудные, разрозненные осколки евангелической вѣры; ибо гернгутерство, эта самодѣльная, на пескѣ выстроенная храмина не выдержитъ напора вѣтровъ и дождей». (Д. Гарнакъ, стр. 370). Прим. Ю. Самарина.

возымѣла желаемый успѣхъ. А между тѣмъ, въ то самое время какъ Лифляндіи будто бы угрожали явное возмущеніе, кровопролитіе и опустошеніе, тамошніе дворяне попрежнему съѣзжались въ уѣздные города и въ Ригу на собранія по своимъ сословнымъ дѣламъ, преспокойно оставляя на произволъ судьбы въ деревняхъ свою собственность и свои семьи; но про это въ Петербургѣ не знали или не хотѣли знать. Сказано было: бунтъ, и довольно! Такъ какъ всякій бунтъ непремѣнно предполагаетъ зачинщиковъ, то, въ настоящемъ случаѣ, роль эта естественно выпала православному духовенству, въ особенности же преосвященному Иринарху, какъ главному лиходѣю. Затѣмъ, оставалось только постараться, чтобъ высшее правительство и самъ Государь Императоръ усвоили себѣ придуманное толкованіе лифляндскаго движенія (это ужъ было дѣло Петербургскаго Министерства Остзейскихъ Дѣлъ) и, наконецъ, подготовивъ почву, подобрать на мѣстахъ какія нибудь подобія уликъ и доказательствъ. Съ этой минуты, все православное духовенство въ Лифляндіи взято было подъ секретный надзоръ мѣстной полиціи, и вся дѣтельность тамошнихъ властей сосредоточилась почти исключительно на подслушиваніи и на подшептываніи доносовъ, противъ него направленныхъ. Для почина всего удобнѣе было воспользоваться тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ понятіяхъ крестьянъ духовное дѣйствительно перемѣшивалось съ мірскимъ и что поэтому, какъ преосвященный Иринархъ ни отбивался отъ жалобъ и ходатайствъ по дѣламъ, до него не касавшимся, онѣ все-таки до него доходили [1])».

7. Извѣтъ на преосвященнаго Иринарха.

Далѣе Самаринъ повѣствуетъ: «Въ доказательство обвиненій, возводимыхъ на епископа, баронъ Паленъ сообщилъ въ Петербургъ слѣдующее обстоятельство.

«Нѣкій Григорій Спасскій, уволенный изъ духовнаго званія и проживавшій до 15 Іюля въ домѣ церковно-служителей Алексѣевской церкви, противъ дома, занимаемаго епископомъ, сдѣлалъ въ

[1]) Ю. Самаринъ «Окраины Россіи», вып. III стр. 91—95.

губернскомъ правленіи словесное заявленіе, вслѣдъ затѣмъ изложенное имъ письменно и начинавшееся такимъ образомъ: «услыхавъ, что крестьяне Лифляндской губерніи пришли въ безпорядокъ какъ бы оттого, что его преосвященство употребляетъ свое стараніе о ихъ переселеніи, и узнавъ, что отъ этого, очевидно, могутъ произойти опасныя послѣдствія, нынѣ, я, какъ также виновный въ этомъ безпорядкѣ, осмѣливаюсь пасть къ стопамъ благомилостиваго моего начальства и, съ чистосердечнымъ раскаяніемъ и сожалѣніемъ о сдѣланномъ проступкѣ, открыть нижеслѣдующее». Это вступленіе опредѣляетъ тонъ показанія и достаточно обрисовываетъ личность кающагося грѣшника. Далѣе онъ подробно повѣствуетъ, что рижской Алексѣевской церкви священникъ Фасановъ поручалъ ему написать для приходившихъ къ преосвященному Иринарху латышей просьбу объ исходатайствованіи имъ перевода въ другую губернію на какія то земли, будто бы по Высочайшей волѣ на то опредѣленныя, или, по крайней мѣрѣ, объ ограниченіи власти помѣщиковъ надъ крестьянами, за что они, изъ чувства благодарности, давали обѣщаніе перейти въ православіе. Сомнѣваясь, чтобъ такое прошеніе имѣло законное основаніе, онъ, Спасскій, будто бы долго отнѣкивался, но Фасановъ уговорилъ его, сказавъ, что это дѣло доброе, что крестьяне освободятся отъ помѣщиковъ, а православная вѣра распространится. Послѣ этого, и когда самъ Фасановъ продиктовалъ ему просьбу, онъ, Спасскій, не посмѣлъ ослушаться своего начальства и, хотя противъ воли, написалъ черновое прошеніе, которое было своеручно исправлено Фасановымъ и потомъ переписано. Латыши дали Спасскому за труды 75 коп., которыя онъ совѣстился принять, но однако принялъ. Въ другой разъ и при такихъ же обстоятельствахъ, была имъ написана такого же содержанія просьба по порученію эконома архіерейскаго дома священника Погонялова и архіерейскаго келейника Анненкова. Но на сей разъ пришедшіе латыши долго не соглашались на условіе о переходѣ въ православіе, однако, наконецъ, были уговорены упомянутыми лицами, объявившими имъ, что, буде они не дадутъ требуемаго обѣщанія, то и архіерей за нихъ ходатайствовать не будетъ. Обѣ просьбы были подписаны крестьянами какъ за себя, такъ и за отсутствующихъ и поданы ими архіерею, который ихъ принялъ. На другой день архі-

ерей поручилъ священнику Погонялову объявить ему, Спасскому, чтобъ онъ впередъ никакихъ просьбъ для крестьянъ не писалъ, такъ какъ, по выходѣ его изъ духовнаго званія, гражданское начальство стало бы ему за это мстить. Къ этому Погоняловъ прибавилъ, что его преосвященство приказалъ объявить крестьянамъ, что, буде они хотятъ переселиться съ условіемъ перейти въ православіе, то могутъ объ этомъ просить черезъ уполномоченныхъ, снабжая ихъ довѣренностями отъ многихъ. Сверхъ всего этого, Спасскій передавалъ, какъ слухъ, сообщенный ему церковнымъ сторожемъ, водившимъ крестьянъ въ архіерейскій домъ, что преосвященный разспрашивалъ крестьянъ о томъ, какъ обращаются съ ними помѣщики, и что теперь составленіемъ таковыхъ же просьбъ занимаются другія лица, какъ это было прежде. Въ заключеніе Спасскій вторично «повергался къ стопамъ всемилостивѣйшаго своего начальства, описывалъ угрызенія своей совѣсти, объяснялъ, что къ принесенію чистосердечнаго покаянія побудила его надежда умалить этимъ свою вину и просилъ прощенія въ своемъ преступленіи, въ которое онъ впалъ только изъ одного повиновенія прежнему своему (духовному) начальству и изъ опасенія, чтобъ оно не отказало ему въ аттестатѣ для увольненія изъ духовнаго званія». Къ изложенному показанію, возбуждающему при чтеніи непріятное ощущеніе, похожее на тошноту, приложена была и улика: черновое прошеніе, будто бы своеручно исправленное священникомъ Фасановымъ.

«По этому извѣту формальнаго слѣдствія въ то время произведено не было и о содержаніи его мѣстное начальство не сообщило преосвященному Иринарху ни единаго слова; но черезъ нѣсколько времени онъ самъ узналъ о немъ по слухамъ, и поэтому, въ числѣ другихъ обстоятельствъ, донесъ Святѣйшему Синоду слѣдующее: «изслѣдованіе (нужно понимать опросъ), произведенное гражданскимъ начальствомъ, мнѣ совершенно неизвѣстно. Рижскій военный Губернаторъ писалъ мнѣ, что въ моемъ домѣ производятся записи крестьянъ на переселеніе; я просилъ его увѣдомить меня, кто именно этимъ занимается и представить документы въ улику, дабы я въ этомъ случаѣ могъ сдѣлать распоряженіе ему угодное, но на отношеніе мое не послѣдовало никакого отвѣта. Не знаю, какія именно прошенія имѣетъ въ виду гражданское начальство; если оно разу-

мѣетъ прошенія о переселеніи крестьянъ и о присоединеніи ихъ къ православію, то я смѣло могу увѣрить, что такихъ прошеній никто изъ здѣшняго духовенства не писалъ. Двѣ первыя поданныя мнѣ просьбы сего рода были писаны однимъ уволеннымъ изъ духовнаго званія причетникомъ, по прозванію Спасскимъ, но и ему, несмотря на то, что онъ не состоитъ въ моемъ вѣдомствѣ, вскорѣ по полученіи сихъ прошеній, дано было мною знать черезъ эконома моего дома, чтобъ онъ не писалъ таковыхъ прошеній, и, дѣйствительно, послѣ того я не видалъ болѣе его руки въ прошеніяхъ».

«Стало быть, подумаетъ читатель, все-таки въ доносѣ Спасскаго, отчасти на самого себя, а больше на бывшихъ его товарищей и на архіерея, была же доля правды; желательно бы только знать: все ли въ немъ правда и одна ли правда? Этотъ вопросъ разъяснился нѣсколькими мѣсяцами позднѣе, и уже послѣ того какъ преосвященный Иринархъ и его ближайшіе помощники испытали на себѣ всю тягость Высочайшаго гнѣва. Только тогда доносъ Спасскаго и приложенное къ нему черновое прошеніе были разсмотрѣны Синодомъ, предъявлены, кому слѣдовало, для надлежащаго противъ нихъ объясненія и оцѣнены по достоинству.

«Вотъ, что при этомъ оказалось: на черновомъ прошеніи, писанномъ Спасскимъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно было передано графомъ Бенкендорфомъ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, надъ титуломъ, рукою того же Спасскаго и за его подписью, было написано: «прошу Васъ, что не такъ, исправить или, что нужно, добавить и прислать мнѣ для переписки». Передъ словомъ «прошу» стоялъ восклицательный знакъ, а передъ этимъ знакомъ, безъ сомнѣнія, было прописано имя лица къ которому обращался Спасскій, но край листа, на которомъ выставлено было это имя и начало обращенія, былъ отодранъ. Къ кому же именно относилась приписка? Для разрѣшенія этого вопроса приступлено было къ сличенію поправокъ, которыя Спасскій приписывалъ священнику Фасанову съ почеркомъ послѣдняго, и между ними не оказалось никакого сходства.

«Такимъ образомъ, главная улика сама собою улетучилась, а съ тѣмъ вмѣстѣ пало естественное подозрѣніе на добросовѣстность доносчика. Слѣдовало бы опросить его формальнымъ порядкомъ, давъ ему очную ставку съ оговоренными имъ лицами, но объ этомъ

почему то не подумали. Для характеристики этой личности остается прибавить, что поводомъ къ увольненію его изъ духовнаго званія было дурное его поведеніе; что онъ бродяжничалъ по Курляндіи, бѣдствовалъ въ крайней нуждѣ, искалъ письменныхъ занятій, и въ письмѣ къ тому же самому священнику Фасанову, котораго онъ послѣ оговорилъ, напоминая о прежнихъ оказанныхъ ему, Спасскому, Фасановымъ благодѣяніяхъ, испрашивалъ денежнаго себѣ пособія. Обнаружилось также, что незадолго до поданнаго Спасскимъ заявленія, которымъ онъ обвинялъ въ недобросовѣстныхъ продѣлкахъ архіерея и своихъ бывшихъ сослуживцевъ, онъ сблизился съ однимъ рижскимъ священникомъ, бывшимъ подъ запрещеніемъ, который былъ всегда въ рѣшительномъ разладѣ со всѣми членами мѣстнаго духовенства. Этотъ священникъ водилъ Спасскаго въ губернское правленіе съ какою то просьбою и потомъ ходатайствовалъ о награжденіи его за принесенное имъ чистосердечное признаніе. Дѣйствительно, Спасскій вскорѣ послѣ того получилъ два мѣста, одно въ губернскомъ правленіи, другое въ канцеляріи Генералъ-Губернатора. Сообразивъ совокупность этихъ обстоятельствъ и припомнивъ, что въ то же самое время невидимыя руки, въ подметныхъ письмахъ, обольщали и стращали православныхъ священниковъ, нельзя не отнестись съ крайнею осторожностью къ подозрительной личности, такъ кстати подвернувшейся съ своимъ доносомъ подъ руку мѣстнымъ властямъ, ловившимъ на всѣхъ перекресткахъ и, такъ сказать, выжимавшимъ изо всего улики противъ нашего духовенства.

«Изъ лицъ, упомянутыхъ въ доносѣ Спасскаго, священникъ Погоняловъ (экономъ) подтвердилъ, что разъ онъ дѣйствительно указалъ Спасскому на стоявшихъ въ пѣвческой крестьянъ, желавшихъ подать просьбу о перечисленіи и о присоединеніи ихъ къ церкви, причемъ сказалъ только: «напиши, если можешь». Священникъ Фасановъ не только отвергъ приписываемое ему участіе въ составленіи просьбы Спасскимъ, но прибавилъ, что самъ отклонялъ его отъ этого. Всѣ опрошенные показали единогласно, что, по полученіи первыхъ двухъ просьбъ, писанныхъ Спасскимъ, преосвященный Иринархъ безусловно запретилъ имъ заниматься этимъ дѣломъ; что вообще, съ разрѣшенія архіерея, писали для крестьянъ просьбы

только священники Погоняловъ и Заволоцкій, бывшій при единовѣрческой церкви, и что никто изъ нихъ не только не написалъ ни одной просьбы, въ которой бы упоминалось о переселеніи или объ улучшеніи хозяйственнаго быта поселянъ въ самой Лифляндіи, но и на словахъ не подавалъ крестьянамъ никакого повода укрѣпляться въ подобныхъ надеждахъ. Напротивъ, всѣ они, по примѣру самого архіерея, старались ихъ въ этомъ разувѣрить.

«Прописанный доносъ Спасскаго былъ далеко не единственный въ своемъ родѣ, хотя и отличался отъ другихъ подобныхъ сравнительно большею опредѣленностью. Какъ сказано было выше, всѣхъ крестьянъ, ходившихъ къ священникамъ или возвращавшихся отъ нихъ или подозрѣваемыхъ въ намѣреніи войти съ ними въ сношеніе, хватали, сѣкли (вѣроятно, для возбужденія въ нихъ бодрости и правдивости), потомъ опрашивали въ губернскомъ правленіи. Баронъ Паленъ съ каждою почтою посылалъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Шефу Жандармовъ цѣлыя кипы выписокъ изъ ихъ показаній, продолжая попрежнему не сообщать изъ нихъ ни полслова преосвященному Иринарху. Слѣдующія выписки дадутъ читателямъ понятіе о множествѣ однородныхъ заявленій:

«4 Августа, утромъ, видны были на дорогѣ отъ епископскаго дома въ цитадель нѣкоторые крестьяне эстонской націи. По донесеніи мнѣ о томъ, а также, что они скрылись отъ розысканій полиціи, я поручилъ коменданту, задержавъ ихъ при выходѣ изъ цитадели, передать полиціи, что и было исполнено, когда они выходили изъ цитадели съ священниками Суворовымъ и Заволоцкимъ, причемъ послѣдній объявилъ, что онъ написалъ имъ прошеніе и хотѣлъ вести ихъ къ его преосвященству [1]). Задержанные крестьяне допрошены въ губернскомъ правленіи, и большинство изъ нихъ созналось въ томъ, что, частью за себя, частью же по довѣренности за другихъ, по предмету переселенія приходили сюда къ епископу, откуда ихъ отослали въ цитадель къ священникамъ, которые имъ обѣщали переселеніе съ условіемъ принятія ими православной вѣры и тогда ихъ записали».

[1]) Людей хватали, какъ видно, ни за что, ни про что, такъ просто, за то, что шли по улицѣ съ священникомъ, а не съ пасторомъ, съ Суворовымъ или Заболоцкимъ, а не съ Голдгаммеромъ или Шмитомъ. Прим. Ю. Самарина.

«Жительствующій здѣсь уволенный отъ военной службы губернскій секретарь Евгеній Стуартъ, для нѣкоторыхъ крестьянъ помѣстья Альтъ-Каркельнъ, составилъ за плату на имя его преосвященства просьбу о переселеніи ихъ въ Саратовскую или другую губернію; но его преосвященство, 2 Августа, принявъ подобныя просьбы отъ другихъ крестьянъ, нашелъ прошеніе неподлежащимъ и возвратилъ оное подателю Сигеру Юмбургу (повѣренному отъ крестьянъ); засимъ губернскій секретарь Стуартъ приписалъ на просьбѣ, что крестьяне съ тѣмъ вмѣстѣ просятъ и о присоединеніи ихъ къ православію. Но Сигеръ Юмбургъ не захотѣлъ брать просьбы съ такимъ прибавленіемъ и требовалъ возврата заплаченныхъ за сочиненіе ея денегъ, изъ чего обнаруживается, что, еслибъ Стуартъ сначала включилъ это условіе, то люди, безъ малѣйшаго сомнѣнія, не подписали бы просьбу, писанную на языкѣ совершенно имъ чуждомъ, въ убѣжденіи, что она содержитъ въ себѣ только предметъ ихъ желанія».

«До сихъ поръ мы видѣли мелкія экспедиціи, а вотъ образчикъ цѣлой облавы на людей: «8 Августа, по показаніямъ задержанныхъ на улицахъ подозрительныхъ крестьянъ, рижская полиція производила розысканіе въ окрестностяхъ города, и найдено въ лѣсу пристанище, гдѣ было собравшихся 40 чел. крестьянъ изъ разныхъ мѣстъ губерніи, съ лошадьми и телѣгами. Большая часть изъ сихъ людей, вѣроятно, предостереженная выставленными караульщиками, скрылась; восемь же задержаны полиціею и представлены 8 Августа въ губернское правленіе, гдѣ они, равно какъ и всѣ прочіе допрошенные тамъ въ послѣднее время крестьяне, не объявивъ ни малѣйшей жалобы на ихъ помѣщиковъ [1]), сознались въ томъ, что пришли по порученію ихъ обществъ, дабы тайно произвести въ дѣйствіе

---

[1]) Это выписано буквально изъ отношенія барона Палена 10 Августа, за № 786; при этомъ, онъ, конечно, запамятовалъ, что въ отношеніи его 3 Августа № 753 онъ писалъ: «всѣ жалобы на помѣщиковъ, принесенныя гражданскому начальству бывшими въ Ригѣ по предмету ихъ переселенія крестьянами, по распоряженію моему, переданы губернскимъ правленіемъ надлежащимъ судебнымъ мѣстамъ, и я бдительно тщусь о безотлагательномъ ихъ разсмотрѣніи и законномъ рѣшеніи». Прим. Ю. Самарина.

чрезъ духовенство православной церкви обѣщанное имъ на выгодныхъ условіяхъ переселеніе».

«Трое изъ крестьянъ, задержанныхъ на обратномъ пути отъ архіерея, къ которому они были проведены тайкомъ, на разсвѣтѣ, показали, наконецъ, что были тамъ шесть часовъ, въ каковое время три священника имѣли съ ними переговоры, между тѣмъ какъ четвертый, котораго описываютъ какъ епископа, стоялъ за стеклянными дверьми; что мало только могли разумѣть сихъ трехъ священниковъ, по причинѣ незнанія русскаго языка, однакожъ поняли, что ихъ уговаривали перейти въ православную вѣру, при чемъ, между прочимъ, показали имъ крестъ, который должны были цѣловать, и что пришли они въ Ригу только по предмету переселенія, но отнюдь не для перемѣны вѣры, о чемъ знать не хотятъ».

«Попадались, однако, и такіе крестьяне, которые хотѣли объ этомъ знать. Самъ баронъ Паленъ писалъ: «трое изъ схваченныхъ полиціею и опрошенныхъ крестьянъ, отрицаясь (sic) въ намѣреніи переселенія, утвердили, что только по предмету ихъ присоединенія къ православію обращались къ священникамъ». Стало быть, проявлялось и побужденіе религіозное? Какъ же съ этимъ быть? Слушайте: «однакожъ (продолжаетъ баронъ Паленъ) изъ допроса явствуетъ [1]), что таковое показаніе было ложно и умышленно (?), ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію (почему?), что лишь только обѣщаемое имъ достиженіе желанія выгоднаго переселенія побуждало ихъ къ изъявленію намѣренія о перемѣнѣ вѣры, почему заключить должно о мнѣніи ихъ, что послѣ того уже послѣдуетъ исполненіе ихъ домогательства [2])».

«Итакъ, не изъ показаній извлекалось общее понятіе о настроеніи крестьянъ, а наоборотъ, предвзятое понятіе служило оселкомъ при сужденіи о показаніяхъ. Выходило такъ, что всякому изъ подъ палки данному свидѣтельству, какъ бы неправдоподобно оно ни было (напримѣръ, разсказу о преосвященномъ Иринархѣ, будто бы изъ-за двери подслушивавшемъ разговоръ), слѣдовало вѣрить,

---

[1]) Изъ допроса приведены только выписанныя слова. Прим. Ю. Самарина.

[2]) Отношенія Генералъ-Губернатора къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ 3, 8, 10 Августа, за №№ 753, 785, 786. Примѣчаніе Ю. Самарина.

если только оно содержало въ себѣ улику противъ православнаго духовенства; а когда высказывалось твердое желаніе православія, православія ради, можно было отвергать показаніе, полагаясь на безошибочность психологическихъ наблюденій губернскаго правленія, передъ очами котораго, какъ какой нибудь журналъ, лежала разверстая народная совѣсть.

«Я предполагаю, однако, что даже тѣ изъ читателей, которые не бывали въ Лифляндіи и не имѣли случая собственнымъ опытомъ научиться крайней осторожности въ обращеніи съ тамошними, такъ называемыми, подлинными актами, все-таки не сочтутъ излишнимъ взглянуть на дѣло нѣсколько критически.

«Прежде всего, посмотримъ на образъ дѣйствія преосвященнаго Иринарха. Не онъ заманилъ къ себѣ крестьянъ, а они сами пришли къ нему, сперва случайно, потомъ стали приходить цѣлыми партіями, какъ къ единственному лицу, не отталкивавшему ихъ отъ себя. Можетъ быть, на первыхъ порахъ онъ поступилъ неосторожно, принявъ отъ нихъ нѣсколько просьбъ, въ которыхъ они жаловались на свое невыносимое положеніе, на притѣсненія помѣщиковъ, на свою нищету, и ходатайствовали о разрѣшеніи имъ навсегда покинуть свою родину; но въ этомъ случаѣ его до нѣкоторой степени извиняетъ желаніе сообщить правительству такія данныя, по которымъ оно могло бы составить себѣ точное понятіе о характерѣ движенія и о настроеніи крестьянъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ извѣстно было преосвященному Иринарху, мѣстное начальство, въ своихъ донесеніяхъ, преднамѣренно извращало дѣло, чтобъ запугать правительство. Съ другой стороны, самая эта неосторожность свидѣтельствуетъ о явной неосновательности главнаго обвиненія, возведеннаго на епископа ненавидѣвшею его партіею. Если бы преосвященный Иринархъ, у котораго злѣйшіе его враги не оспаривали ни ума, ни практическаго такта, способенъ былъ обольщать крестьянъ вещественными выгодами, которыхъ онъ имъ доставить не могъ; еслибъ онъ точно имѣлъ намѣреніе вскружить имъ головы и, такъ сказать, загнать ихъ въ православную церковь (чего онъ не считалъ себя въ правѣ сдѣлать безъ разрѣшенія свыше), то сталъ ли бы онъ предъявлять правительству документальныя доказательства того, что во многихъ и многихъ случаяхъ высказы-

ваемое желаніе крестьянъ перейти въ православіе было подбито надеждою на переселеніе, а иногда даже выражалось подъ условіемъ переселенія? При тогдашнемъ неограниченномъ къ нему довѣріи латышей ему бы не трудно было, питая въ нихъ подъ рукою неосуществимыя надежды, уговорить ихъ воздерживаться отъ гласнаго ихъ заявленія, а ограничиваться однѣми просьбами о присоединеніи къ церкви. Этимъ онъ замаскировалъ бы отъ правительства дѣйствительныя побужденія крестьянъ. Въ поясненіе этого предположенія, я укажу на сходный фактъ позднѣйшаго времени, изъ котораго читатели увидятъ, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ умные люди». [1])

8. Официальное изслѣдованіе движенія въ православіе въ 1845 г.

Въ 1845 г. изслѣдованіе перехода латышей въ православіе было поручено Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Липранди. Послѣдній въ своемъ донесеніи тогдашнему Министру Внутреннихъ Дѣлъ Л. Л. Перовскому, между прочимъ, сообщилъ слѣдующее:

«Не подвержено никакому сомнѣнію, что необыкновенное явленіе въ мірѣ исповѣданій, совершающееся нынѣ въ Лифляндской губерніи, есть не что иное, какъ чисто религіозное влеченіе, необходимость души, чувство, господствующее до сихъ поръ надъ всѣми расчетами жизни».

«Проповѣди на туземномъ языкѣ они (поселяне-латыши) слышатъ весьма рѣдко, ибо пасторъ, имѣющій иногда нѣсколько кирокъ въ своемъ приходѣ, служитъ въ присутствіи помѣщиковъ чаще всего на нѣмецкомъ языкѣ. Когда же находитъ однихъ поселянъ, то всѣ нравоученія его заключаются въ угрозахъ дьяволомъ и адомъ тому, кто не отбываетъ своихъ повинностей пастору и помѣщику. Нерѣдко же поселяне, стекшіеся въ кирку изъ дальнихъ мѣстъ, вовсе не застаютъ пасторовъ и возвращаются въ дома свои съ естественнымъ негодованіемъ».

---

[1]) Ю. Самаринъ «Окраины Россіи», вып. III, стр. 95—105.

Но и въ обычныхъ духовныхъ требахъ поселяне также терпѣли недостатокъ. «Умершій погребается, сообщаетъ дальше Липранди, по выраженію поселянъ, какъ собака, безъ всякихъ правилъ, предписываемыхъ исповѣданіемъ. Поселяне, можетъ быть, и отнеслись бы къ этому снисходительно, если бы въ то же время не видѣли въ сихъ духовныхъ лицахъ вторыхъ помѣщиковъ своихъ, часто еще болѣе взыскательныхъ относительно срока и другихъ повинностей и совершенно недоступныхъ, когда поселяне ищутъ объяснить имъ иногда несправедливыя вымогательства помѣщиковъ. Подобное состояніе духовенства, несомнѣнно, должно было охлаждать религіозныя чувства людей необразованныхъ, грубыхъ и невѣжественныхъ, каковы латыши и въ особенности чухны (эстонцы) Лифляндской губерніи, для которыхъ и при другихъ условіяхъ лютеранское исповѣданіе, основанное на одномъ умствованіи, на одномъ созерцаніи, не представляетъ ничего привлекательнаго, ничего величественнаго ни для глаза, ни для слуха, ни для осязанія, не можетъ имѣть того религіознаго ощущенія, какое внушаетъ православная церковь».

«Латыши и чухны (эстонцы), повѣствуетъ Липранди, издавна уже обратили вниманіе свое на нашу церковь, и образованіе въ тамошнемъ краѣ православнаго богослуженія на латышскомъ языкѣ было необходимымъ слѣдствіемъ давнишней потребности народа въ вѣроисповѣданіи болѣе обрядномъ и менѣе умозрительномъ и холодномъ, чѣмъ лютеранское. Доказательствомъ этого служитъ то, что издавна многіе священники православныхъ приходовъ, напримѣръ, Якобштадтскаго, получали значительный доходъ даже отъ латышей-лютеранъ, служившихъ молебны въ важныя для поселянъ эпохи года, каковы: посѣвъ, жатва, сѣнокосъ и проч., а въ заутреню, передъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ, они ползали на колѣняхъ вслѣдъ за Плащаницею. При томъ около Печоръ Псковской губерніи, на границѣ Лифляндской, есть множество чухонъ, издревле принадлежащихъ къ православной церкви; простонародье называетъ ихъ *полувѣрцами*, потому что они ни слова не знаютъ по русски. Они исповѣдываются, равно и нѣкоторыя молитвы читаютъ на чухонскомъ языкѣ. Изъ этого видно, что православіе никогда не было чуждо латышамъ и чухнамъ, и если

теперь оно развивается между ними быстрѣе прежняго, то, независимо отъ многихъ другихъ причинъ, нельзя не приписать этого отчасти и назначенію православнаго Генералъ-Губернатора».

Затѣмъ изъ слуховъ, заслуживающихъ вниманія, Липранди передаетъ о обращеніи пасторовъ къ королю прусскому, какъ къ главѣ лютеранства, съ просьбой о защитѣ.

По поводу введенія войскъ для экзекуцій, которыхъ такъ добивались помѣщики, Липранди писалъ: «Введеніе войскъ подъ симъ предлогомъ (прекращеніе переходовъ въ православіе, о чемъ молву пустили нѣмцы), въ видѣ экзекуціи, сдѣлаетъ непріятное впечатлѣніе на поселянина, и безъ того уже разореннаго до крайности, и можетъ легко обратить негодованіе съ помѣщика на Высшее Правительство, которое въ его понятіи, будто-бы отвергая общее направленіе къ православію, караетъ его согласно желанію и силѣ владѣльцевъ, тогда какъ въ настоящее время поселянинъ благоговѣетъ передъ именемъ Монарха, что рѣшительно доказывается отвѣтами, дѣлаемыми письменно поселянами, начиная съ 1841 г., гдѣ, отказываясь отъ всѣхъ льготъ, объявляютъ причину перемѣны исповѣданія сими словами: что ихъ вѣра не хороша; или какой Государь вѣры, такой и мы хотимъ быть, и болѣе ничего не хотимъ».

«Внутреннее состояніе души лифляндскаго поселянина хорошо выражается въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ; напримѣръ, присоединенные, возвращаясь домой и встрѣчая русскихъ, крестятся, показываютъ на груди крестъ и съ восторгомъ говорятъ: «смотри, и мы русскіе». Въ Ригѣ проходящій латышъ, котораго позвали: «Эй латышъ!» съ гордостью показывая крестъ, сказалъ: «я не латышъ, а русскій». Вмѣстѣ съ тѣмъ Липранди не отрицаетъ, что «отчасти имѣло значеніе и облегченіе, получаемое латышами, переходящими въ православіе, въ освобожденіи отъ довольно значительныхъ повинностей, которыми они были обязаны пасторамъ, сдѣлавшимся имъ ненавистными уже однимъ небреженіемъ духовныхъ своихъ обязанностей, холоднымъ безмолвіемъ къ ихъ жизненнымъ нуждамъ и проч.».

«Вмѣстѣ съ тѣмъ обращенные говорятъ, замѣчаетъ Липранди, что будутъ имѣть болѣе праздниковъ».

Въ опроверженіе слуховъ о распространяемыхъ будто бы льготахъ и осуществленіи притязанія на нѣмецкія земли со стороны перешедшихъ въ православіе крестьянъ—Липранди указываетъ, что переходятъ въ православіе и крестьяне казенныхъ имѣній. Кромѣ того, эти слухи не имѣли, по словамъ Липранди, никакого фактическаго основанія.

Приведенное офиціальное изслѣдованіе, въ связи со всѣмъ ранѣе изложеннымъ, ясно показываетъ, насколько переходъ латышей и эстонцевъ въ православіе вызывался вполнѣ естественными причинами не исключительно матеріальнаго свойства.

9. Торжество прибалтійскихъ нѣмцевъ.

Прибалтійскіе нѣмцы не дремали. Въ ихъ рукахъ была слишкомъ большая сила и экономическая и административно-государственная. Черезъ 20 лѣтъ они добились обратнаго перехода латышей въ лютеранство. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію офиціальныхъ документовъ, мы считаемъ необходимымъ освѣтить этотъ вопросъ въ изложеніи Самарина.

«Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, пишетъ Самаринъ, черезъ двадцать лѣтъ послѣ описываемыхъ происшествій, въ кругу новообращенныхъ латышей обнаружилось очень сильное обратное движеніе изъ православія въ лютеранство. Первыми признаками его были уклоненія православныхъ латышей отъ исповѣди и причастія, потомъ болѣе или менѣе упорное сопротивленіе со стороны родителей крещенію и миропомазанію ихъ новорожденныхъ дѣтей по чину православной церкви; наконецъ, стали поступать словесныя и письменныя просьбы о разрѣшеніи православнымъ переходить въ лютеранство, или, по крайней мѣрѣ, крестить въ лютеранскую вѣру дѣтей, рожденныхъ отъ браковъ лютеранъ съ православными. Пасторы и мѣстное гражданское начальство (не исключая Генералъ-Губернаторовъ) въ одинъ голосъ объяснили это неожиданное явленіе естественнымъ, по ихъ увѣренію, пробужденіемъ въ душѣ крестьянъ въ сущности никогда не вымиравшей привязанности къ ихъ старой вѣрѣ, отъ которой они наружно отпали будто бы только подъ вліяніемъ несбывшихся мірскихъ надеждъ. Но когда

тѣхъ же крестьянъ опрашивало духовенство, они отвѣчали, что тяжелая необходимость вынуждала ихъ къ вѣроотступничеству; что ихъ, за то только, что они исповѣдывали русскую вѣру, сгоняли съ усадебъ подъ самыми пустыми предлогами, а иногда и безъ всякихъ предлоговъ; что ради той же причины, имъ систематически отказывали въ работѣ; что всѣ повинности ложились на нихъ тяжелѣе, чѣмъ на лютеранъ, и взыскивались безпощаднѣе; что, доводя ихъ преднамѣренно до нищеты, помѣщики, при всякомъ удобномъ случаѣ, давали имъ чувствовать, что все это дѣлалось съ ними потому только, что они православные и что житье ихъ немедленно измѣнилось бы къ лучшему, еслибъ имъ удалось вернуться къ лютеранству; что пасторы съ каѳедръ глумились надъ ихъ вѣрою и натравливали на нихъ ихъ односельцевъ лютеранскаго исповѣданія; что на испытываемыя ими издавна обиды и притѣсненія они много разъ жаловались, но ни у кого не находили ни защиты, ни сочувствія; что, наконецъ, мѣра ихъ терпѣнія переполнилась и что они поневолѣ обращались къ единственному выходу для себя, или по крайней мѣрѣ для дѣтей своихъ, изъ невыносимаго положенія отверженцевъ. Въ доказательство правдивости этихъ заявленій, я приведу въ свое время много свидѣтельствъ, а на сей разъ достаточно сказать то, чего никто, конечно, не станетъ оспаривать, а именно, что жалобы, писанныя на эти темы, насчитывались сотнями въ канцеляріяхъ Рижскаго епископа и Генералъ-Губернатора. Въ виду двухъ столь рѣзко противоположныхъ объясненій одного и того же явленія, Высшее Правительство призадумалось и, наконецъ, прибѣгло къ обыкновенному въ подобныхъ случаяхъ средству: послать флигель-адъютанта съ порученіемъ проѣхаться по Лифляндіи. Выборъ палъ на графа Бобринскаго. Онъ объѣхалъ два уѣзда и опросилъ православныхъ крестьянъ, которыхъ вызывалъ черезъ мѣстную полицію, и которые иногда приходили къ нему цѣлыми толпами, вопреки его распоряженіямъ, такъ какъ онъ требовалъ всегда небольшого числа уполномоченныхъ. Во всеподданнѣйшемъ своемъ рапортѣ 18 Апрѣля 1864 г. графъ Бобринскій писалъ о своихъ объясненіяхъ съ крестьянами, между прочимъ, слѣдующее: «меня поразилъ одинъ фактъ, что изъ всѣхъ явившихся ко мнѣ крестьянъ ни одинъ не подавалъ мнѣ просьбъ, не касающихся вѣроисповѣ-

данія, за исключеніемъ 10 или 11 чел., которые, вмѣстѣ съ изъявленіемъ желанія остаться православными, просили объ улучшеніи ихъ матеріальнаго быта»—фактъ дѣйствительно курьезный! О множествѣ поданныхъ ими жалобъ на всякаго рода притѣсненія, обиды и оскорбленія, объ этомъ непрерывномъ своемъ плачѣ, которымъ они, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, оглушали православное духовенство и генералъ-губернаторовъ, крестьяне вдругъ какъ будто позабыли; такъ-таки почти ни одинъ и не заикнулся объ этомъ! Изумиться было естественно; но жаль, что графъ Бобринскій ограничился выраженіемъ своего изумленія. Еслибъ онъ постарался разъяснить себѣ причину поразившаго его явленія, въ связи со всѣмъ предшествовавшимъ, то онъ, безъ сомнѣнія, уберегся бы отъ офиціальнаго обмана, котораго сдѣлался невольною жертвою, и догадался бы, какъ догадается всякій сколько нибудь серьезно изучавшій лифляндскіе порядки, что передъ нимъ разыгрывалась заранѣе подготовленная комедія и что ему подставляли людей напередъ обученныхъ и настроенныхъ. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что, какъ пишетъ графъ Бобринскій, бесѣды его съ крестьянами происходили всегда въ присутствіи русскаго священника и орднунгсъ-рихтера, то есть мѣстнаго полицейскаго чиновника, избраннаго помѣщиками изъ своей среды. Чувствуя на себѣ внушительный взглядъ этого знакомаго имъ блюстителя порядка, который, по отъѣздѣ графа Бобринскаго, имѣлъ бы тысячи случаевъ съ ними разсчитаться, крестьяне, конечно, не забывали своей затверженной роли, а если бы кто нибудь изъ нихъ невольно съ нея сбился, то тотъ же внушительный взглядъ скоро привелъ бы его въ память. До такого мастерства въ сценической постановкѣ русскіе едва ли когда нибудь дойдутъ, а преосвященный Иринархъ, какъ видно изъ его дѣйствій, за нимъ и не гонялся» [1]).

Движеніе въ православіе было такъ же задушено поборниками «свободной совѣсти», прибалтійскими нѣмцами-лютеранами, какъ и гернгутерство. Не спасло православія и то, что оно господствующая религія русскаго государства. Появившійся въ должности Эстляндскаго губернатора извѣстный борецъ за русское начало

[1]) Ю. Самаринъ, «Окраины Россіи», вып. III, стр. 105—108.

князь Шаховской тщетно пробовалъ парализовать происки нѣмцевъ. Эта новая борьба изложена въ документахъ, приводимыхъ нами отчасти въ извлеченіяхъ, отчасти полностью.

Князь Шаховской явился лишь послѣдней яркой вспышкой русскихъ государственныхъ стремленій поддержать православіе, призванное въ Прибалтійскій край самосознаніемъ латышей и эстовъ. Его борьба съ нѣмецкимъ засильемъ, касающаяся исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ, изложена въ III томѣ изданія «Изъ архива князя С. В. Шаховского».

Слѣдуетъ оговорить, впрочемъ, что за послѣднее время само лютеранство въ краѣ замѣтно падаетъ. Въ 1905 г. на провинціальныхъ собраніяхъ пасторовъ (синодахъ) обсуждался даже вопросъ, поднятый въ Эстляндскомъ синодѣ 13 Іюня 1905 г., объ уничтоженіи обязательности таинствъ для лютеранъ—причащенія, брака, крещенія и погребенія [1]). Но пасторы во время спохватились, что этимъ они сами упразднили бы въ краѣ лютеранскую церковь. Тѣмъ не менѣе, даже поступаясь обрядами, лютеранскіе пасторы твердо стоятъ за нѣмецкое знамя.

Очень знаменательной въ этомъ отношеніи фразой оканчивается боевой сборникъ прибалтійскаго нѣмечества, изданный въ 1888 г. въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ «Нѣмецко-протестантская борьба въ балтійскихъ провинціяхъ Россіи»: «Wir gehorchen, aber wir bleiben stehen [2]). По русски это можно было бы перевести извѣстнымъ выраженіемъ изъ басни Крылова «Котъ и поваръ»: «Котъ Васька слушаетъ да ѣстъ».

Изъ своей маленькой окраины наши прибалтійскіе рыцари, дѣйствительно, задумали создать форпостъ германизма, который притомъ, по совѣту дѣятеля «Всенѣмецкаго союза» г. Гейзера, собралъ-бы всѣхъ русскихъ нѣмцевъ въ одну націю, могущую твердо предъявить русскому государству свои нѣмецкія желанія и требованія. Что же касается религіи, то, по словамъ

---

[1]) См. напр. «Protocol der im Yahre 1905 in Mitau abgehaltenen Kurländieschen Provinzial Synode». § 31 стр. 19.

[2]) «Deutsch protestantische Kämpfe in den Baltischen Provinzen Russlands».

знатока края кн. С. В. Шаховского, она всегда служила для прибалтійскихъ рыцарей лишь политическимъ орудіемъ для проведенія своихъ сословныхъ и національныхъ стремленій. То же высказываетъ и К. П. Побѣдоносцевъ въ приводимой нами ниже запискѣ.

10. Заключеніе.

Мы считаемъ необходимымъ, на основаніи приведенныхъ ниже подлинныхъ документовъ, извлеченій изъ сочиненія современнаго изслѣдователя этого вопроса г. Ландера, а также изъ изданной еще въ 1871 г. книги Ю. Самарина, сдѣлать сами собой напрашивающіеся выводы.

Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе составъ борящихся сторонъ.

Съ одной стороны, правительство громадной Имперіи и признанная основными законами государства господствующая церковь; съ другой—небольшая часть населенія этой Имперіи (всего въ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ нынѣ насчитывается 240 тысячъ нѣмцевъ [1]), но проникнутая общимъ духомъ своихъ сословныхъ и національныхъ привилегій и дѣйствующая твердо, систематично и неуклонно, какъ въ общей массѣ, такъ и въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей, изъ которыхъ не мало было и въ числѣ высшихъ представителей мѣстной администраціи.

Русское общество выступало въ этой борьбѣ лишь въ лицѣ отдѣльныхъ дѣятелей, каковы, напримѣръ, Ю. Самаринъ и отчасти кн. С. В. Шаховской, поскольку онъ дѣйствовалъ за собственный страхъ.

Русское же общество, въ его цѣломъ, и до сихъ поръ мало освѣдомленное относительно сущности этой борьбы, черпаетъ свѣдѣнія о ней изъ такихъ сомнительныхъ источниковъ, какъ приведенная въ началѣ статья г. Ландера. Отсюда проистекаетъ настоятельная необходимость широко познакомить русское общество со всѣми

---

[1]) И то лишь офиціально, не принимая въ расчетъ, что среди этого числа очень много латышей и эстонцевъ, пожелавшихъ считаться нѣмцами или вынужденныхъ къ тому обстоятельствами.

перипетіями борьбы, чтобы отнять возможность у противной стороны извращать факты и опорачивать дѣйствія правительства и господствующей церкви.

Цѣлью этой продолжительной борьбы явилось стремленіе достигнуть преобладающаго вліянія на латышей и эстовъ. Эти племена, общая численность которыхъ теперь въ Прибалтійскомъ краѣ достигаетъ почти 2½ милл., то есть величины въ десять разъ большей, чѣмъ населяющіе тотъ же край нѣмцы, совершенно чужды, и по своему быту и по своему духу и по племенному сродству, нѣмцамъ, искавшимъ всегда лишь матеріальнаго и духовнаго ихъ порабощенія. Напротивъ, латыши и эсты очень близки намъ, русскимъ. Славянскія племена издревле жили съ эстами—финнами въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ, часто сливаясь съ ними. Только германскія народности, шведы въ Финляндіи и нѣмцы въ Прибалтійскомъ краѣ, стремились всегда возстановить финновъ противъ русскихъ. Что же касается латышей, то послѣдніе, представляя племя родственное литовцамъ, вмѣстѣ съ ними составляли древнюю вѣтвь одной съ нами славянской семьи. Народныя латышскія пѣсни отразили въ себѣ эту племенную близость.

Въ трудную минуту своей жизни, латыши и эстонцы, когда въ 1840 г. ихъ, и безъ того разоренныхъ и обездоленныхъ притѣсненіями нѣмецкихъ помѣщиковъ и нѣмецкихъ пасторовъ, бывшихъ для нихъ такими же угнетателями, какъ и помѣщики (см. официальное дознаніе Липранди), засталъ страшный голодъ, невольно потянулись къ православію, къ которому имѣли давнюю склонность.

Тутъ то нѣмецкіе рыцари и забили въ набатъ. Долго имъ удавалось обманывать русское правительство увѣреніями въ своей лойяльности, крѣпко держа въ то же время весь Прибалтійскій край въ своемъ порабощеніи. Ихъ пасторы имѣли дерзость приводить латышей и эстонцевъ къ присягѣ на вѣрность не только Императору, но и прибалтійскому дворянству (см. дѣло пастора Дебнера и другихъ).

Высшимъ выразителемъ этихъ ультра-прибалтійскихъ нѣмецкихъ стремленій явился лифляндскій генералъ-суперъ-интендентъ Вальтеръ, который, при открытіи въ 1864 г. Лифляндскаго

ландтага[1]), въ произнесенной имъ проповѣди напоминалъ лифляндскимъ дворянамъ, что права и преимущества, которыми они пользуются, творя судъ въ своемъ краѣ, выбирая судей изъ своей среды, облагая землю податями на содержаніе церквей и школъ, и вообще представляя собою страну, составляютъ наслѣдіе, завѣщанное имъ предками, и что они должны приготовить для своихъ потомковъ сколь можно лучшую жатву. Онъ увѣщевалъ ихъ твердо помнить, что они протестанты по религіи, нѣмцы по происхожденію, и что въ ихъ краѣ господствующею церковью должна быть протестантская, а господствующею народностью должна быть нѣмецкая, наконецъ, что въ Лифляндіи могутъ и должны быть только нѣмцы. (См. записку о церковныхъ дѣлахъ въ Лифляндской губ., составленную въ 1888 г. въ Департаментѣ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій).

И дѣйствительно, гг. прибалтійскіе дворяне, при всякомъ удобномъ случаѣ заявлявшіе о своей «лойяльности», на самомъ дѣлѣ никогда не дорожили высокой честью, дарованной имъ Русскими Государями, принадлежать къ числу россійскихъ дворянъ. Они были не первыми слугами Русскаго Государства, а стремились создать свое собственное нѣмецкое государство.

Въ своей запискѣ по поводу домогательствъ предводителя лифляндскаго дворянства бар. Мейендорфа, К. П. Побѣдоносцевъ писалъ: «Правительство, довѣряя горячимъ заявленіямъ представительныхъ классовъ о своей преданности Престолу, легальности и искреннихъ религіозныхъ побужденіяхъ . . . . . предоставило имъ не только необходимыя, но даже излишнія средства къ тому (къ успокоенію народа), но подъ условіемъ не сходить съ почвы закона; но, по мѣрѣ развитія дѣятельности этихъ классовъ, правительство болѣе и болѣе убѣждалось въ излишнемъ своемъ довѣріи къ нему и затѣмъ ясно видѣло, что оно обмануто, что подъ формою религіозныхъ интересовъ кроются побужденія и цѣли иного рода, что данныя средства употребляются на угнетеніе совѣсти». И далѣе: «При существующемъ въ средѣ

---

[1]) Въ 1910 г. при открытіи ландтага окружный генералъ-суперъинтендентъ вновь напомнилъ въ своей рѣчи высокопамятную для нѣмцевъ рѣчь пастора Вальтера.

представительныхъ классовъ, идущемъ отъ рыцарскихъ временъ, смѣшеніи политики съ религіей, власти духовной съ мірскою, при извѣстныхъ упорныхъ стремленіяхъ этихъ классовъ въ отношеніи русскаго государства, при укоренившейся системѣ суда, полиціи, крестьянскихъ учрежденій, при безземельности крестьянъ, наконецъ, при нетерпимости къ православію, нѣтъ никакой возможности рѣшать вопросъ объ убѣжденіи и свободѣ (такъ называемыхъ) отпадающихъ изъ православія въ лютеранство» (см. гл. II отдѣла документовъ). Вотъ настоящій аттестатъ пресловутой лойяльности прибалтійскихъ бароновъ, никогда не цѣнившихъ чести принадлежать къ первому сословію Русскаго Государства, не цѣнящихъ этой чести и по сіе время и ратующихъ за свою нѣмецкую замкнутость и корпоративность, вмѣсто того, чтобы идти во главѣ своего края къ сближенію съ коренной Россіей, къ изученію государственнаго языка, русской литературы и исторіи.

Всякій мыслящій русскій человѣкъ, мы увѣрены, прочтетъ съ интересомъ приведенные въ этомъ изданіи документы и вынесетъ твердое убѣжденіе въ необходимости стойко, сплоченно и систематично бороться за цѣлость, крѣпость и единство Русскаго Государства.

Б. Добрышинъ.

ДОКУМЕНТЫ.

I. Записка барона Мейендорфа о положеніи дѣлъ въ 1886 году.

Въ 1886 году предводитель Лифляндскаго дворянства баронъ Мейендорфъ обратился къ тогдашнему Министру Внутреннихъ Дѣлъ, графу Д. А. Толстому, съ жалобой на распоряженіе Лифляндскаго губернатора Зиновьева, пытавшагося прекратить самовольное записываніе православныхъ въ число лютеранъ. Приложенную къ письму записку, съ изложеніемъ точки зрѣнія прибалтійскихъ нѣмцевъ, приводимъ полностью.

«Лифляндское губернское начальство издало за послѣднее время нѣсколько распоряженій (циркуляръ Губернатора, отъ 5 Мая 1886 г., № 4629, циркуляръ Губернатора,отъ 30 Августа 1886 г., №8251), коими предписывается считать каждое лицо, записанное въ метрическія книги православныхъ церквей, принадлежащимъ къ православному вѣроисповѣданію и поступать съ нимъ сообразно съ этимъ.

«Этимъ распоряженіемъ высшій представитель правительства въ губерніи отлучаетъ многія тысячи жителей края всѣхъ сословій отъ лютеранской церкви, къ которой они принадлежали не только по внутреннему убѣжденію, но имѣли основаніе считать себя принадлежащими къ ней и передъ закономъ [1]).

«Хотя вышеупомянутыя распоряженія и относятся непосредственно только къ опредѣленнымъ обстоятельствамъ, а именно къ приведенію къ присягѣ должностныхъ лицъ, избираемыхъ волостными обществами, и къ сбору повинностей къ лютеранской церкви, но въ нихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно и категорически выра-

[1]) Интересно прослѣдить, насколько измѣняется взглядъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, когда дѣло идетъ о формальномъ пріобщеніи къ лютеранству лицъ, перешедшихъ въ православіе, сравнительно съ прежней ихъ точкой зрѣнія.

Прим. составителя.

женъ принципъ, по которому простой фактъ занесенія въ метрическую книгу окончательно устраняетъ вопросъ о томъ, не перемѣнило ли данное лицо впослѣдствіи свою вѣроисповѣданность?

«Населенію края извѣстно, что, съ изданіемъ Высочайшаго повелѣнія отъ 26 іюля 1885 г., имѣетъ прекратиться то снисходительное примѣненіе закона, которымъ пользовался край въ продолженіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій, но лютеранская часть населенія твердо увѣрена, что факты, совершившіеся за этотъ промежутокъ времени, не могутъ быть признаны несуществующими и неимѣющими юридическихъ послѣдствій; она, напротивъ того, убѣждена въ томъ, что если-бы Государю Императору благоугодно было примѣнить всю строгость закона къ совершившимся фактамъ, къ тому же безмолвно терпимымъ правительствомъ, то таковая Высочайшая воля получила бы опредѣленное выраженіе въ Высочайшемъ повелѣніи 26 іюля 1885 г., тогда какъ въ немъ говорится лишь о возобновленіи силы ст. 67 т. X ч. I Свод. Зак.

«Въ виду этого въ нижеслѣдующемъ будетъ изложено:

«во первыхъ—почему населеніе края имѣло основаніе думать, что правительство допускало возвращеніе въ лютеранскую церковь и признавало правовыя послѣдствія такого дѣйствія;

«во вторыхъ—что примѣненіе точки зрѣнія, принятой губернскимъ начальствомъ, привело бы къ такимъ чрезвычайнымъ послѣдствіямъ, которыя не могутъ соотвѣтствовать видамъ правительства.

«Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ обстоятельствъ, при которыхъ въ 40-хъ годахъ совершился переходъ латышскихъ и эстонскихъ крестьянъ въ православную церковь; обстоятельства эти достаточно извѣстны. Не менѣе того извѣстно, что вскорѣ возникла реакція, выразившаяся обратными переходами изъ православной церкви въ лютеранскую. Въ началѣ этого движенія лютеранскіе пасторы, въ виду уголовныхъ законовъ, отказывали тысячамъ лицъ, просившихъ о принятіи ихъ обратно въ лютеранскую церковь, совершать для нихъ какія либо требы.

«Къ началу шестидесятыхъ годовъ, однако, просьбы крестьянъ сдѣлались столь настоятельными, и условія приняли вообще такой оборотъ, при которомъ пасторы не рѣшались долѣе оставлять мольбы эти безъ вниманія. Къ тому же оказалось, что отказъ люте-

ранскихъ пасторовъ не удерживалъ въ православной церкви отступившихъ отъ нее. [1])

«Все болѣе и болѣе возрастало число случаевъ, въ которыхъ желавшіе возвратиться къ лютеранству добивались обманомъ, въ чужихъ приходахъ и подъ чужими именами, совершенія бракосочетанія, причащенія Св. Таинъ и крещенія своихъ дѣтей по лютеранскому обряду. Когда же это имъ не удавалось, они сами совершали крещеніе на-скоро надъ своими дѣтьми, вовсе не занося ихъ въ списки. Еще опаснѣе представлялось приращеніе числа незаконныхъ сожительствъ, особливо послѣ того, какъ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 12 іюля 1863 г. было разрѣшено крестить по лютеранскому обряду дѣтей, прижитыхъ въ сожительствѣ отъ лицъ смѣшанныхъ вѣроисповѣданій.

«Всеподданнѣйшій докладъ, представленный въ Бозѣ почившему Императору Александру II Свиты Его Величества генералъ-маіоромъ графомъ Бобринскимъ, командированнымъ въ 1864 г. съ спеціальнымъ назначеніемъ изслѣдовать положеніе этого дѣла въ Лифляндіи, служитъ неоспоримымъ доказательствомъ тому, что обратное движеніе изъ православной церкви въ лютеранскую, охватившее значительную часть населенія, зародилось самостоятельно и не было вызвано пропагандическою дѣятельностью лютеранскаго духовенства [2]). Населеніе не могло не замѣтить, что тогда, какъ въ первые годы послѣ перехода въ православіе, власти прибѣгали къ содѣйствію полиціи для принужденія уклоняющихся, въ особенности къ причастію Св. Таинъ, впослѣдствіи этого не дѣлали; кромѣ того, усилія къ обращенію въ православіе все болѣе и болѣе ослабѣвали, и даже православное духовенство молча допускало поголовное отступленіе отъ православія лицъ, занесенныхъ въ метрическія книги. Когда, наконецъ, въ слѣдующемъ году ст. 67 т. X, ч. I Свод. Зак. была изъята изъ

---

[1]) Еще бы! Вѣдь помѣщики не давали своимъ православнымъ крестьянамъ ни земли, ни работы! *Прим. составителя.*

[2]) Объ этомъ докладѣ изложено выше. Ю. Самаринъ достаточно охарактеризовалъ его. И надо только удивляться послѣдовательности и умѣнію прибалтійскихъ нѣмцевъ пользоваться обстоятельствами. *Прим. составителя.*

примѣненія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, то въ краѣ утвердилось убѣжденіе, что хотя правительство и не находитъ удобнымъ отмѣнить карательные законы, воспрещающіе возвращеніе въ лютеранскую церковь, оно тѣмъ не менѣе, въ виду особыхъ условій края, негласно прекращаетъ ихъ дѣйствіе.

«Такое убѣжденіе является основательнымъ, если принять во вниманіе, что съ 1865—1873 гг. въ сельскихъ приходахъ и мѣстечкахъ Лифляндской губерніи 6,770 дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, заключенныхъ до 1865 г., т. е. съ подписаніемъ реверса, были крещены по лютеранскому обряду; кромѣ того, 5.391 лицо, рожденныя отъ смѣшанныхъ браковъ, посѣщали конфирматское ученіе и были допущены къ Св. Причастію; наконецъ, 8,903 взрослыхъ лица, крещенныя или миропомазанныя православными священниками, добились совершенія для нихъ церковныхъ требъ лютеранскими пасторами. Все это совершалось завѣдомо для всѣхъ, не вызывая, однако, какого либо законнаго преслѣдованія лицъ, возвратившихся въ лютеранскую церковь. Только въ нѣсколькихъ единичныхъ случаяхъ правительство привлекало къ отвѣтственности лютеранскихъ пасторовъ за совершеніе требъ для отступившихъ, тогда какъ изъ числа 107 сельскихъ пасторовъ были лишь немногіе, которые не совершили бы какого-либо дѣянія по должности, противорѣчащаго строгой буквѣ закона. Когда-же и эти судебныя преслѣдованія были окончательно прекращены по Высочайшему повелѣнію отъ 22 іюля 1874 г., то не могло остаться никакого сомнѣнія о намѣреніи правительства признать всѣ послѣдствія такой терпимости. Конечно, съ того времени не прекратилось обратное движеніе изъ православной церкви въ лютеранскую церковь. Результаты этого движенія, которые трудно опредѣлить численно, признаны совершившимся фактомъ какъ со стороны населенія, такъ и со стороны всѣхъ властей.

«На дѣлѣ—лица, возвратившіяся въ лютеранскую церковь, признавались лютеранами не только въ церковномъ отношеніи, но и въ отношеніи всѣхъ вопросовъ общественнаго и частнаго права. Если бы, тѣмъ не менѣе, предполагалось примѣнить теперь къ этимъ многимъ тысячамъ лицъ всю строгость закона съ обратнымъ дѣйствіемъ, то строгій смыслъ закона требуетъ, чтобы всѣ они,

или ихъ родители и опекуны и причастные къ дѣлу пасторы, подверглись наказанію; но отнюдь нельзя допустить, чтобы фактъ возвращенія въ лютеранскую церковь былъ признанъ несуществующимъ, какъ это дѣлается вышеупомянутымъ циркуляромъ Губернатора. Статья 185 уложенія о наказаніяхъ, изданія 1866 г., опредѣляетъ, какъ слѣдуетъ поступить съ лицами «отступившими отъ христіанской вѣры православнаго или другого исповѣданія въ вѣру нехристіанскую»; статья 188 опредѣляетъ мѣру наказанія для отступившихъ отъ православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что самое отступленіе можетъ дѣйствительно совершиться. Въ многочисленныхъ другихъ постановленіяхъ уложенія, между прочимъ, въ статьяхъ 187, 192, 193 и 196, также говорится объ отступленіи и совращеніи отъ православія къ другому вѣроисповѣданію или ученію, тогда какъ нигдѣ такое отступленіе не признается недѣйствительнымъ.

«Тутъ законъ ясно связываетъ съ понятіемъ отступленія отъ православной церкви вступленіе въ другую церковь, и это слово обозначаетъ совершившійся фактъ, возможный и выполнимый, а именно совершаемый причащеніемъ Св. Таинъ по обряду иного вѣроисповѣданія [1]). Взглядъ, проведенный въ циркулярѣ губернатора, противорѣчитъ также и рѣшеніямъ высшей судебной инстанціи Имперіи, Правительствующаго Сената, который, между прочимъ, указомъ отъ 11 Февраля 1874 г., за № 160, по слѣдственному дѣлу крестьянина Яна Свиргедина, обвинявшагося въ кровосмѣшеніи, дозволилъ Лифляндскому Гофгерихту учинить новый приговоръ, такъ какъ обвиняемый доказалъ впослѣдствіи, что, до совершенія упомянутаго преступленія, онъ со всѣмъ своимъ семействомъ возвратился изъ православной церкви въ лютеранскую, занесенъ въ соотвѣтственную церковную книгу и допущенъ къ причастью Св. Таинъ по лютеранскому обряду, а потому не имѣются условія для кровосмѣшенія, такъ какъ браки въ той

---

[1]) Почему же прибалтійскіе нѣмцы иначе смотрѣли на переходъ въ православіе и требовали запретительныхъ циркуляровъ?

Прим. составителя.

степени родства, въ которой онъ находился съ женою, воспрещаются только для лицъ православнаго исповѣданія.

«Если случаи въ родѣ приведеннаго, въ которыхъ дѣло касается лицъ, возвратившихся въ лютеранскую церковь, рѣдко служили поводомъ къ спеціальнымъ судебнымъ приговорамъ, то это объясняется тѣмъ, что судебное преслѣдованіе такихъ лицъ составляетъ рѣдкое исключеніе. Тѣмъ не менѣе присутственнымъ мѣстамъ часто приходилось рѣшать вопросъ, считать ли такія лица въ правовомъ отношеніи принадлежащими къ православной или къ лютеранской церкви. Въ особенности часто приходилось при судебныхъ разбирательствахъ приводить къ присягѣ свидѣтелей, принадлежащихъ къ числу возвратившихся въ лютеранство. Эти лица неизмѣнно приводились къ присягѣ въ судѣ, согласно предписанной Лифляндскимъ Губернскимъ Правленіемъ въ 1860 г., за № 117, формулѣ присяги, а не по формулѣ, установленной циркуляромъ Лифляндскаго Губернскаго Правленія, отъ 24 Апрѣля 1836 г., для лицъ православныхъ, приводимыхъ къ присягѣ священникомъ въ православной церкви. Этотъ порядокъ не признавался противозаконнымъ ни мѣстными фискалами, ни прокурорами, ни губернаторами, ни наконецъ Сенатомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда подобныя дѣла подлежали его разсмотрѣнію.

«Возвратившіеся въ лютеранскую церковь подвергались, въ случаѣ надобности, церковному покаянію со стороны лютеранскаго духовенства и подлежали въ бракоразводныхъ дѣлахъ юрисдикціи лютеранскихъ консисторій.

«Административныя учрежденія и власти также примѣняли къ лицамъ разсматриваемой категоріи законы, относящіеся къ лютеранамъ; такъ напримѣръ, въ слѣдующихъ случаяхъ:

«Статья 326 Высочайше утвержденнаго, 13 Ноября 1860 г., Лифляндскаго крестьянскаго уложенія постановляетъ, чтобы въ случаяхъ, когда $^1/_4$ часть членовъ сельскаго общества принадлежитъ къ православному исповѣданію, засѣдатель волостного суда и его замѣститель были избираемы изъ ихъ числа; тамъ же, гдѣ половина или болѣе православныхъ, тамъ и предсѣдатель долженъ быть православный. При примѣненіи этого предписанія, лица, возвратившіяся въ лютеранскую церковь, всегда разсматривались и считались

за лютеранъ. Приходскіе суды утверждали выборы, произведенные на этомъ основаніи, члены сельскихъ обществъ, принадлежащіе къ православной церкви, не протестовали противъ такихъ выборовъ, и губернское начальство никогда ничего не имѣло замѣтить по этому поводу [1]).

«То же самое относится къ приведенію къ присягѣ должностныхъ лицъ, избираемыхъ крестьянскими обществами.

«Согласно статьямъ 335 и 336 Лифляндскаго крестьянскаго уложенія, эти лица приводились къ присягѣ «въ день, назначенный приходскимъ судомъ, послѣ богослуженія, въ церкви и духовнымъ лицомъ того исповѣданія, къ которому они принадлежатъ».

«По строгому смыслу этого закона нельзя было усумниться въ томъ, что лица, возвратившіяся въ лютеранскую церковь, не могли присягать въ православной церкви, къ которой они болѣе не принадлежатъ. Противъ такого взгляда до сихъ поръ губернское начальство ничего не возражало.

«Точно также не представлялось сомнительнымъ и то, что возвратившіяся во лютеранскую церковь лица должны были участвовать во всѣхъ повинностяхъ какъ личныхъ, такъ и реальныхъ, въ пользу этой церкви установленныхъ, наравнѣ со всѣми остальными лютеранами.

«Статья 587 Лифляндскаго крестьянскаго уложенія, изданія 1860 года, опредѣляетъ вообще:

«Всѣ личныя повинности крестьянъ въ пользу церкви и духовенства, состоящія въ сборахъ за требы и въ добровольныхъ взносахъ на церковныя нужды, взимаются со всѣхъ членовъ крестьянскаго общества только въ пользу церкви и духовенства его вѣроисповѣданія».

«Примѣчаніе 1 къ статьѣ 608 (463) Свод. Зак., ч. 1, т. XI освобождаетъ отъ повинностей въ пользу лютеранской церкви и ея духовенства только тѣхъ лицъ, «которыя по вѣроисповѣданію своему не принадлежатъ къ лютеранской церкви».

«Казалось совершенно невозможнымъ дать этому закону такое толкованіе, по которому лица, возвратившіяся въ лютеранскую

[1]) Или потому, что оно бездѣйствовало, или же находилось подъ вліяніемъ прибалтійскихъ нѣмцевъ. *Прим. составителя.*

церковь, занесенныя въ установленныя для лютеранъ церковныя книги, пользующіяся, какъ лютеране, всѣми требами и церковными отправленіями, совершаемыми лютеранскимъ духовенствомъ, тѣмъ не менѣе причислялись бы къ тѣмъ, «которыя по вѣроисповѣдности своей не принадлежатъ къ протестантской церкви». Высочайше утвержденное, 14 мая 1886 г., рѣшеніе Комитета Министровъ, предписывающее строгое примѣненіе вышеприведеннаго законоположенія, запрещаетъ лишь, чтобы отъ лицъ православнаго исповѣданія «взимались какіе либо повинности или сборы въ пользу протестантскихъ церквей, духовенства или учрежденій»; оно поэтому не даетъ ни малѣйшаго повода къ предписанію губернатора, которымъ освобожденіе отъ упомянутыхъ повинностей и сборовъ обусловлено единственно тѣмъ обстоятельствомъ, что данное лицо занесено въ метрическую книгу, независимо отъ того, что лицо это, можетъ быть, уже въ продолженіе десятилѣтій по вѣроисповѣдности своей принадлежитъ не къ православной, а къ лютеранской церкви. Такое предписаніе отнюдь не можетъ считаться «разъясненіемъ» существующаго закона, но должно быть признано самостоятельнымъ законодательнымъ актомъ, находящимся даже въ противорѣчіи съ постановленіями уложенія о наказаніяхъ. Это истекаетъ изъ того соображенія, что если лицо, занесенное въ метрическую книгу православной церкви, фактическое отступленіе коего въ лютеранскую церковь несомнѣнно доказано, считается, тѣмъ не менѣе, правительственными органами какъ «лицо православнаго исповѣданія», то къ такому лицу не могутъ быть примѣнены уголовные и гражданскіе законы, гласящіе о лицахъ, отступившихъ отъ православія къ другому христіанскому вѣроисповѣданію, какъ, напримѣръ, статья 188.

«При этомъ надо имѣть въ виду, что какъ въ разсматриваемомъ предписаніи губернатора, такъ и въ другомъ, установляющемъ правило о приведеніи къ присягѣ должностныхъ лицъ, говорится не о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ вѣроисповѣдность сомнительна, а устанавливается общій принципъ, по которому каждое лицо, занесенное въ метрическую книгу, считается навсегда принадлежащимъ къ православной церкви.

«Мы не будемъ разсматривать вопроса о всѣхъ практическихъ послѣдствіяхъ примѣненія этого принципа къ приведенію къ присягѣ волостныхъ должностныхъ лицъ. Многія изъ нихъ не будутъ утверждены, вслѣдствіе отказа присягнуть въ православной церкви, къ которой они не принадлежатъ. Другія, уже находящіяся въ должности, должны будутъ сложить съ себя свое званіе. И тѣ и другіе возвысятся въ глазахъ своихъ единовѣрцевъ лютеранъ, составляющихъ большинство сельскаго населенія. Иные же будутъ ставить званіе выше вѣры, согласятся на принесеніе присяги въ православной церкви и на возвращеніе въ лоно этой церкви. Конечно, для лютеранской церкви такой ясный выходъ изъ ея среды столь нерадивыхъ членовъ не будетъ потерей. Но очевидно также, что такое измѣненіе вѣроисповѣданія изъ чисто свѣтскихъ побужденій, къ которымъ надо причислить и желаніе сохранить должность, не можетъ не подорвать уваженія сельскаго населенія къ своимъ должностнымъ лицамъ, а такой подрывъ весьма нежелателенъ».

«Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ вопросъ объ освобожденіи отъ повинностей въ пользу лютеранской церкви. Можно почти навѣрное предположить, что лютеранская церковь, матеріальное положеніе которой и теперь значительно стѣснено, потерпитъ, вслѣдствіе этого распоряженія, немалые денежные убытки. Многіе крестьяне не въ состояніи будутъ взвѣсить всѣ дальнѣйшія послѣдствія этого предписанія, въ которомъ они усмотрятъ лишь странное право, дарованное всѣмъ лицамъ, возвратившимся изъ православія въ лютеранскую церковь, а именно право оставаться попрежнему въ лютеранской церкви, освобождаясь притомъ отъ повинностей въ пользу этой церкви, наравнѣ съ лицами, принявшими православіе. Надо полагать, что этимъ уменьшится для нихъ искушеніе присоединиться къ православной церкви, такъ какъ устраняется одинъ изъ несомнѣнныхъ мотивовъ присоединенія, а именно матеріальныя выгоды, связанныя съ освобожденіемъ отъ значительныхъ повинностей въ пользу лютеранской церкви. Впрочемъ, такое дѣйствіе предписанія не имѣетъ важнаго значенія для лютеранской церкви. Но несомнѣнно и безспорно весьма важное значеніе принципа, лежащаго въ основѣ разсматриваемаго распоряженія. Здѣсь не мѣсто разсматривать вопросъ о томъ, допускаетъ

ли догматъ православной церкви возможность отступленія отъ нея, но несомнѣнно и выше доказано, что законъ признаетъ возможность такого дѣянія, хотя онъ и запрещаетъ отступленіе отъ православія къ лютеранскому вѣроисповѣданію. Церковное право лютеранской церкви, вошедшее въ составъ Свода Законовъ Имперіи, не оставляетъ никакого сомнѣнія по этому вопросу. Если же признать начало, выраженное упомянутыми распоряженіями Лифляндскаго губернатора, по которому причащеніе Св. Таинъ не установляетъ принадлежности къ лютеранской церкви, то этимъ самымъ отвергается святость и значеніе Святыхъ Даровъ, т. е. отвергается священный характеръ таинствъ этой церкви. Сначала разсмотримъ, однако, только практическія послѣдствія такого взгляда въ примѣненіи къ возвратившимся въ лютеранскую церковь лицамъ. Какъ было упомянуто выше, всѣми властями лица этой категоріи разсматривались какъ лютеране, и, за исключеніемъ приходскихъ судовъ, орднунгсгерихтеровъ и волостныхъ правленій, это отношеніе не измѣнится. Такимъ образомъ, возникаетъ такая несообразность, что приходскій судъ, напримѣръ, въ качествѣ административнаго учрежденія будетъ приводить ихъ къ присягѣ въ православной церкви, руководствуясь циркуляромъ губернатора, а то же учрежденіе при своей судебной дѣятельности обязано привести къ присягѣ то же самое лицо, какъ лютеранина.

«Всѣ прочія уголовныя и гражданскія судебныя мѣста будутъ поступать точно также. Если бы они поступали иначе, то это привело бы къ правовымъ недѣйствительностямъ. Если же этотъ установившійся порядокъ былъ бы отмѣненъ закономъ, то пришлось бы признать за недѣйствительныя всѣ показанія, данныя за послѣднія десятилѣтія подъ присягою при упомянутыхъ условіяхъ, т. е. не въ присутствіи православнаго священника. Съ признаніемъ недѣйствительности этихъ присягъ, возникаетъ еще вопросъ о значеніи вѣрноподданнической и служебной присяги, принесенной тысячами лицъ, возвратившимися въ лютеранскую церковь».

«Даже, если бы всѣ присяги, которыя были учинены доселѣ при вышеизложенныхъ обстоятельствахъ, были признаны неоспоримыми, а требовались бы лишь въ будущемъ присяги въ пра-

вославной церкви, то и тогда не устраняются затрудненія. Возвратившіяся въ лютеранскую церковь лица не могли бы, конечно, воспротивиться приведенію ихъ къ присягѣ по закономъ установленнымъ формамъ; но несомнѣнно, что съ этимъ насиліемъ связано лишнее искушеніе къ учиненію ложныхъ присягъ. Дѣйствительно, для массы народа присяга теряетъ свою святость, когда она учиняется по принужденію въ церкви, не признаваемой ими мѣстомъ своего богослуженія. «Именно, въ виду этого соображенія наше законодательство признаетъ по отношенію къ присягѣ особенности всѣхъ вѣроисповѣданій (т. X, ч. 2, ст. 381 и 382) и даже освобождаетъ вовсе отъ присяги лицъ, принадлежащихъ къ нѣкоторымъ сектамъ, отвергающимъ ее».

«Еще серьезнѣе представляются послѣдствія принципа, установленнаго губернскимъ начальствомъ въ примѣненіи къ такимъ правовымъ отношеніямъ, которыя основываются на совершеніи извѣстныхъ церковныхъ таинствъ. Это особенно важно по отношенію къ тѣмъ многочисленнымъ случаямъ, гдѣ бракъ между лицами, возвратившимися въ лютеранскую церковь, заключенъ только по лютеранскому обряду. Если принять принципъ, по которому совершившееся отступленіе этихъ лицъ въ лютеранскую церковь признается недѣйствительнымъ, то такой бракъ не можетъ считаться законнымъ, и всѣ родившіяся отъ него дѣти должны быть признаны незаконнорожденными, на основаніи ст. 132 п. 4, ч. I, т. X Св. Зак. При этомъ надо имѣть въ виду, что во многихъ случаяхъ бракъ даже не можетъ быть узаконенъ впослѣдствіи черезъ вторичное присоединеніе къ православной церкви: это, конечно, будетъ невозможно въ случаѣ послѣдовавшей смерти одного или обоихъ супруговъ, а при жизни ихъ—въ случаѣ, если супруги находятся въ степени родства, не допускаемаго православною церковью, но не служащаго препятствіемъ къ браку между лютеранами Въ подобныхъ случаяхъ дѣти лютеранскихъ матерей пользовались бы правомъ, дарованнымъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 12 Іюля 1863 г., и потому могли бы оставаться безпрепятственно въ лютеранской церкви; съ остальными же, а равно и съ упомянутыми 6770 дѣтьми, крещенными по лютеранскому обряду въ 1865—73 годахъ, родители которыхъ вступили

въ бракъ до прекращенія требованія росписки, пришлось бы поступить согласно статьѣ 190 уложенія о наказаніяхъ, тогда какъ, на основаніи той-же статьи, всѣхъ родителей пришлось бы заключить въ тюрьму на время отъ одного мѣсяца до одного года и четырехъ мѣсяцевъ. Конечно, этимъ не исчерпываются уголовныя послѣдствія этого вопроса.

«Въ заключеніе, остается еще указать на безчисленныя правовыя недѣйствительности, долженствующія возникнуть, особенно въ области права наслѣдственнаго и права о состояніяхъ, съ того момента, какъ будетъ признанъ принципъ, по которому лицо, разъ занесенное въ метрическую книгу православной церкви, не перестаетъ передъ закономъ принадлежать къ православному вѣроисповѣданію, хотя бы оно и отступило отъ этой церкви.

«Указаніе на правовыя послѣдствія этого принципа были необходимы потому, что, если высшее правительство признаетъ толкованіе, данное закону въ вышеупомянутыхъ распоряженіяхъ Лифляндскаго губернскаго начальства, соотвѣтствующимъ «точному смыслу закона», то нельзя будетъ предоставить на благоусмотрѣніе отдѣльныхъ административныхъ или судебныхъ должностныхъ лицъ разрѣшеніе вопроса: въ какихъ случаяхъ этотъ принципъ долженъ примѣняться, въ какихъ нѣтъ.

«Прежде всего необходимо разъяснить именно тѣ послѣдствія принципа, которыя касаются семейнаго права, такъ какъ это суть основные и важнѣйшіе вопросы. Всѣ они сводятся къ одному вопросу: имѣютъ ли святыя таинства, совершенныя по обряду лютеранской церкви, а именно крещеніе и причащеніе съ исповѣдью, то дѣйствіе, что лицо иной вѣроисповѣданности или вовсе некрещенное, надъ которымъ совершено это дѣйствіе, этимъ самымъ пріобщается къ лютеранской церкви и не перестаетъ принадлежать къ ней, пока оно не отступится отъ нея, вступивъ въ другую церковь или секту? Если на этотъ вопросъ отвѣтить отрицательно по отношенію къ лицамъ православнаго вѣроисповѣданія, и къ дѣтямъ православныхъ родителей, но крещенныхъ по лютеранскому обряду, то вышеизложенныя послѣдствія должны быть признаны неизбѣжными и вполнѣ доказанными. Если же на вопросъ отвѣтить утвердительно, то необходимо допустить, что эти лица отступили отъ пра-

вославной церкви, такъ какъ никто не можетъ принадлежать одновременно къ двумъ церквамъ. Слѣдовательно, эти лица должны были бы быть исключены изъ метрическихъ книгъ православныхъ церквей. Само собою разумѣется, что точно также лица, присоединившіяся къ православной церкви, должны быть исключены изъ метрическихъ книгъ лютеранскихъ церквей. Сомнительные случаи, т. е. такіе, въ которыхъ возникаетъ вопросъ о томъ, совершено ли въ дѣйствительности надъ лицомъ православнаго вѣроисповѣданія святое таинство, и не возвратилось ли оно впослѣдствіи въ православіе, не могутъ представлять затрудненія; но они не могутъ быть разрѣшены, пока не рѣшенъ основной принципіальный вопросъ.

«Все лютеранское населеніе никогда не имѣло ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что на вышепоставленный вопросъ долженъ послѣдовать безусловно утвердительный отвѣтъ. Оно убѣждено, что взглядъ этотъ согласенъ съ закономъ, съ правомъ и съ справедливостью. Оно поэтому считало своимъ долгомъ отклонить отъ себя вредныя послѣдствія распоряженій губернскаго начальства, которое оно приписываетъ ошибочному разъясненію закона, и, во избѣжаніе новыхъ недоразумѣній, вызываемыхъ частными случаями, ходатайствуетъ о томъ:

«чтобы изъ метрическихъ книгъ православныхъ церквей были исключены тѣ лица, относительно которыхъ доказано ихъ отступленіе отъ православной церкви къ церкви лютеранской, а также и тѣ лица, надъ которыми никогда не совершались святыя таинства по обряду православной церкви, такъ напримѣръ, дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ, крещенныя по лютеранскому обряду.

«Относительно вопроса о томъ, слѣдуетъ ли примѣнять статьи уложенія о наказаніяхъ къ лицамъ, возвратившимся изъ православной церкви въ лютеранскую церковь, и къ лицамъ, причастнымъ къ этому, то не подлежитъ сомнѣнію, что соотвѣтственныя статьи уложенія вполнѣ примѣнимы. Противъ такого примѣненія можно привести только то соображеніе, что вслѣдствіе фактическаго отношенія правительства къ этому вопросу въ продолженіе десятилѣтій, въ особенности же послѣ 1874 г., когда въ Бозѣ почившій Императоръ соизволилъ повелѣть прекратить преслѣдованія лютеран-

скихъ пасторовъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности по такимъ дѣламъ, населеніе находилось въ убѣжденіи, что возвращеніе въ лютеранскую церковь перестало разсматриваться, какъ нарушеніе дѣйствующаго закона».

II. Записка К. П. Побѣдоносцева, излагающая правительственную точку зрѣнія.

Съ вышеприведенной запиской барона Мейендорфа интересно сопоставить полное изложеніе дѣла въ запискѣ, составленной по ея поводу по указанію К. П. Побѣдоносцева.

«Г. Предводитель Лифляндскаго дворянства съ рѣшительностью ставитъ правительству такой вопросъ, который въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ много разъ со всѣмъ тщаніемъ обсуждаемъ былъ въ правительственныхъ сферахъ, получилъ множество частныхъ разъясненій и указаній, не говоря уже о прямомъ смыслѣ подлежащихъ статей закона, но признанъ неудобнымъ для разрѣшенія коренного по причинѣ тѣхъ условій, въ которыхъ находится остзейскій край. Эти условія заключаются главнымъ образомъ въ политическихъ стремленіяхъ представительныхъ классовъ края, противныхъ интересамъ государства,—въ смѣшеніи религіозной совѣсти съ этими политическими стремленіями, наконецъ—въ положеніи судовъ, полиціи и крестьянскихъ управленій, находящихся исключительно въ рукахъ тѣхъ же классовъ, которые такимъ образомъ оказались бы сами судьями своего столь спорнаго и труднаго дѣла. До тѣхъ поръ, пока эти условія будутъ продолжаться, всякая попытка къ коренному разрѣшенію предлагаемаго барономъ Мейендорфомъ вопроса принесла бы государству лишь вредъ неисчислимый. Дѣло совѣсти религіозной должно быть чуждо страстей, въ особенности политическихъ, при которыхъ оно теряетъ свое значеніе, становится лишь орудіемъ мірскихъ цѣлей и даетъ только обратные результаты, религіозно-нравственные и политическіе. Баронъ Мейендорфъ поднимаетъ этотъ вопросъ именно среди вновь возбужденныхъ въ краѣ страстей и ставитъ его въ связи съ этими страстями.

«Въ теченіе всего прошлаго царствованія правительство усиленно заботилось объ изысканіи способовъ къ постепенному мирному

разрѣшенію этого вопроса. Всѣмъ извѣстны благія искреннія намѣренія по этому дѣлу въ Бозѣ почившаго Государя Императора; внѣ всякаго сомнѣнія горячее усердіе, во имя свободы совѣсти въ Остзейскомъ краѣ, тогдашнихъ представителей власти въ этомъ краѣ и государственныхъ людей, вѣдавшихъ это дѣло. Результаты извѣстны. Вопросъ объ отпадавшихъ отъ православія, о которыхъ вовсе не слышно было въ царствованіе Императора Николая, изъ простого, всюду неизбѣжнаго дѣла превратился въ трудную политическую задачу; каждый шагъ къ разрѣшенію его въ духѣ предъявленныхъ остзейскимъ дворянствомъ требованій вызывалъ только новыя осложненія въ немъ, затрудненія къ разрѣшенію его, и, наконецъ, оказалось, что на этой почвѣ злополучный вопросъ не можетъ быть никоимъ образомъ разрѣшенъ къ выгодѣ всѣхъ сторонъ, особенно въ интересахъ государства. Только кроткая снисходительность въ отношеніи къ такъ называемымъ отпавшимъ отъ православія, осторожное и благоразумное употребленіе въ отношеніи ихъ юридическихъ мѣръ, наконецъ, усиленіе вліянія на нихъ со стороны православнаго духовенства могутъ поставить правительство въ спокойное ожиданіе того времени, когда, вслѣдствіе перемѣны нѣкоторыхъ условій въ краѣ, появится возможность надлежащаго разрѣшенія этого вопроса. Таково было послѣднее рѣшеніе правительства въ прошлое царствованіе, когда прекращено было какъ преслѣдованіе пасторовъ за совершеніе требъ для православныхъ, такъ и всѣ старанія къ разрѣшенію вопроса.

«Ходатайство барона Мейендорфа представляетъ попытку вывести дѣло изъ этой относительно спокойной для правительства колеи и поставить вопросъ вновь въ болѣе рѣшительномъ видѣ. Распоряженія г. Лифляндскаго Губернатора, послужившія для него поводомъ, касаются только двухъ случаевъ въ отношеніи къ отпавшимъ отъ православія, требующихъ неотложнаго удовлетворенія, указываемаго въ законѣ, но они вовсе не касаются кореннаго рѣшенія вопроса во всѣхъ его подробностяхъ. Баронъ Мейендорфъ, напротивъ, именно въ корнѣ беретъ вопросъ, ставитъ его въ цѣломъ видѣ и ищетъ формальнаго разрѣшенія его во всѣхъ подробностяхъ.

«Какіе же доводы представляетъ онъ въ пользу такой постановки и такого разрѣшенія вопроса? Этихъ доводовъ въ двухъ

запискахъ его собрано немалое число. Почти каждый изъ нихъ имѣетъ свою исторію, то въ отдѣльности, то въ связи съ другими подобными былъ разсматриваемъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, изслѣдованъ на мѣстѣ, получилъ разъясненія, не говоря уже объ указаніяхъ закона. Прискорбно опять и опять встрѣчать то же невнимательное забвеніе этихъ указаній и опять повторять ихъ. Но поелику ближайшія къ крестьянамъ власти избираются изъ того же класса, который служитъ источникомъ вышеупомянутыхъ стремленій, и хранителемъ ихъ, и ходатаемъ о нихъ, и толкователемъ для народа правительственныхъ дѣйствій, поелику эти низшіе органы власти проникнуты, какъ то прямо видно изъ записки барона Мейендорфа, духомъ мѣстныхъ юридическихъ понятій и всякій актъ правительственнаго воздержанія готовы признать за согласіе съ ихъ произвольными дѣйствіями,—то еще долго будетъ настоять надобность для правительства вновь и вновь разъяснять, внушать, побуждать.

«Сущность ходатайства г. Предводителя лифляндскаго дворянства состоитъ въ томъ, чтобы тѣ православныя лица изъ крестьянъ, которыя продолжительное время обращались за христіанскими требами къ пасторамъ и послѣдними внесены въ лютеранскія метрическія книги, признаны были юридически лютеранами и исключены изъ православныхъ метрическихъ книгъ, какъ окончательно отпавшія отъ православія.

«Прежде всего, любопытно знать, сколько этихъ лицъ въ краѣ. Баронъ Мейендорфъ показываетъ ихъ по одной Лифляндской губерніи отъ 45 до 50 тыс. душъ.

«Допустимъ достовѣрность этой цифры. Въ періодъ наибольшаго напряженія извѣстныхъ политическихъ стремленій представительныхъ классовъ Остзейскаго края, тѣсно совпадающій съ временемъ вооруженнаго польскаго мятежа, т. е. въ 1863 и 1864 гг., число отпавшихъ отъ православія и будто бы умолявшихъ правительство о признаніи ихъ лютеранами показывалось въ разныхъ петиціяхъ и донесеніяхъ далеко больше. Въ Апрѣлѣ 1864 г. графъ Бобринскій,

командированный по Высочайшему повелѣнію для изслѣдованія этого вопроса на мѣстѣ, призналъ, что «изъ 140 тыс.» значившихся въ то время по православнымъ спискамъ въ Лифляндіи эстовъ и латышей «едва $^1/_{10}$ часть, можетъ быть, дѣйствительно исповѣдуетъ православную вѣру, остальные же никогда душою не были православными» и «со слезами», «на колѣняхъ» умоляютъ правительство о признаніи ихъ лютеранами. Въ послѣдующихъ затѣмъ заявленіяхъ и ходатайствахъ отъ имени дворянства и духовенства отпаденіе отъ православія признавалось поголовнымъ. Нынѣ самъ г. Предводитель дворянства, при значительно увеличившемся числѣ православныхъ, насчитываетъ всего до 50 тыс. отпавшихъ отъ православія. Гдѣ же остальные? Нужно признать одно изъ двухъ: или они постепенно раскаялись въ своемъ заблужденіи и стали вѣрными православію, или же число ихъ въ то время слишкомъ преувеличивалось. Если вѣрно первое, то почему же не допустить, что и это столь уменьшившееся, число отпавшихъ отъ православія, при той же кроткой снисходительности къ нимъ со стороны правительства и церкви православной, при огражденіи ихъ отъ притѣсненій и при поддержкѣ ихъ собственныхъ желаній, постепенно возвратится въ православіе? Если же вѣрно второе, то нѣтъ причины не допустить, что и настоящее заявленіе барона Мейендорфа о числѣ отпавшихъ отъ православія сдѣлано слишкомъ поспѣшно.

«Дѣйствительно, эта поспѣшность видна изъ показаній самого барона. Онъ говоритъ, что цифру отпавшихъ отъ православія получилъ отъ Лифляндской лютеранской консисторіи и затѣмъ дополнилъ ее по собственнымъ соображеніямъ, и такимъ образомъ получена общая цифра 45—50 тыс. душъ. По свѣдѣніямъ консисторіи, число такихъ лицъ «доходитъ въ настоящее время до 33,905 обоего пола». Но изъ 14 приходовъ свѣдѣнія не получены, а также изъ Эзельскаго уѣзда и изъ приходовъ, принадлежащихъ рижскому суперъ-интендентству. На о. Эзелѣ православіе стоитъ всего тверже, и никогда не было тамъ никакихъ затрудненій по поводу отпаденій отъ православія. Къ рижскому суперъ-интендентству принадлежатъ всего 4 прихода, и неизвѣстно, почему бы г. суперъ-интендентъ безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ между членами консисторіи заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, не доставилъ свѣдѣній по своимъ

собственнымъ приходамъ. Тѣмъ не менѣе, баронъ Мейендорфъ полагаетъ на всѣ эти приходы отъ 11 до 16 тыс. отпавшихъ отъ православія. Такимъ образомъ, общая цифра отпавшихъ слишкомъ гадательна.

«Съ другой стороны, на какомъ основаніи баронъ Мейендорфъ довѣряетъ въ этомъ дѣлѣ только лютеранской консисторіи и пасторамъ, т. е. той сторонѣ, которая, въ теченіе многихъ уже лѣтъ, подвергается другою стороною, т. е. православнымъ духовенствомъ и народомъ, нареканіямъ въ крайнемъ произволѣ, соблазнахъ, подговорахъ, насиліяхъ, вообще агитаціяхъ противъ православныхъ, что подтверждается какъ многочисленными разслѣдованіями въ прежнее время, такъ и немалымъ числомъ дознаній въ послѣдніе годы, когда до 12 пасторовъ состояло подъ слѣдствіемъ, а пастора Брандта правительство вынуждено было выслать изъ края? Такая односторонность и даже явное пристрастіе сами собою отнимаютъ всякое значеніе собранныхъ консисторіей по этому предмету свѣдѣній. Баронъ Мейендорфъ свидѣтельствуетъ, что «въ этомъ исчисленіи выключены всѣ сколько нибудь сомнительные случаи». Итакъ, сомнительные случаи въ средѣ признаваемыхъ пасторами отпавшихъ были. Кто же былъ судьею этихъ случаевъ? Тѣ же пасторы. Гдѣ же порука, что и въ числѣ случаевъ несомнѣннаго отпаденія, признанныхъ тѣми же пасторами, не осталось немалое число и случаевъ дѣйствительно сомнительныхъ?

«Далѣе: что служило для пасторовъ и лютеранской консисторіи основаніемъ для означеннаго исчисленія? Баронъ Мейендорфъ не указываетъ этого основанія прямо, но изъ обѣихъ записокъ его видно, что отпавшими отъ православія признаются тѣ лица, которыя внесены пасторами въ лютеранскія метрическія книги, по случаю совершенія надъ ними таинствъ или какихъ либо христіанскихъ требъ по лютеранскому обряду. Извѣстно, что правительствомъ дозволено внесеніе въ лютеранскія метрическія книги только случаевъ крещенія дѣтей отъ православныхъ браковъ «по нуждѣ», какъ дозволено и само крещеніе такихъ дѣтей, но при этомъ пояснено, что такая запись допускается «по неповторяемости крещенія» и «только для того, чтобы самый фактъ крещенія впослѣдствіи не могъ подлежать сомнѣнію», причемъ «православная церковь ни-

сколько не теряетъ права считать такое лицо принадлежащимъ къ этой церкви», и «на обязанности православнаго духовенства остается убѣждать родителей приносить таковыхъ дѣтей своихъ для миропомазанія» (Инструкція лютеранскимъ консисторіямъ и пасторамъ, утвержденная Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ Декабрѣ 1865 г.). Между тѣмъ, оказывается, что пасторы, совершая противозаконно и всѣ другія таинства и требы для православныхъ лицъ, по всѣмъ этимъ случаямъ признаютъ таковыхъ лицъ отпавшими отъ православія и вносятъ ихъ въ лютеранскія метрическія книги. Не имѣя для этого основанія въ законѣ, пасторы, очевидно, произвольно составляютъ эти записи, какъ произвольно понимаютъ и случаи обращенія къ нимъ за требами, произвольно такимъ образомъ рѣшаютъ, кто отпалъ отъ православія. Всѣ такіе случаи, на основаніи закона, должны бы подлежать преслѣдованію, а между тѣмъ баронъ Мейендорфъ признаетъ эти записи абсолютно рѣшающими вопросъ объ отпаденіяхъ отъ православія и настойчиво приглашаетъ правительство стать на ту же точку, съ увольненіемъ всѣхъ такихъ лицъ изъ православія въ лютеранство.

«Оказывается, однако, что тѣ же лица значатся и въ православныхъ метрическихъ спискахъ. Одно это обстоятельство способно поставить каждаго безпристрастнаго наблюдателя въ полное недоумѣніе въ отношеніи дѣйствительно содержимаго этими лицами исповѣданія, тѣмъ болѣе принадлежности ихъ къ лютеранской церкви. Баронъ Мейендорфъ старается устранить это недоумѣніе слишкомъ радикальнымъ способомъ: безусловно и безъ всякихъ объясненій довѣряя метрическимъ записямъ въ отношеніи спорныхъ лицъ, пасторовъ, онъ въ то-же время безусловно отвергаетъ достовѣрность православныхъ метрическихъ книгъ. Въ доказательство такой недостовѣрности, онъ прилагаетъ копію отношенія Икскульскаго православнаго священника въ мѣстное волостное управленіе. Священникъ проситъ сообщить ему свѣдѣнія о числѣ православныхъ, проживающихъ въ предѣлахъ волости: что въ этомъ отзывѣ страннаго и какимъ образомъ это обстоятельство бросаетъ тѣнь на достовѣрность православныхъ метрическихъ записей въ отношеніи, такъ называемыхъ, отпадающихъ отъ православія? Когда православный приходъ раскинутъ на протяженіи отъ 15 до 40 и болѣе верстъ, когда

населеніе, въ огромномъ большинствѣ безземельное, не имѣющее недвижимой собственности, не прикрѣпленное къ своему мѣсту, весьма часто мѣняется, причемъ далеко не каждый изъ православныхъ жителей успѣетъ заявить священнику къ данному времени о своемъ переселеніи въ его приходъ, если не имѣлъ еще нужды въ церковной требѣ, тѣмъ болѣе о своемъ выбытіи къ этому времени изъ прихода, то справка съ волостными списками, въ которые подобные случаи вносятся своевременно, становится неизбѣжною для точности метрическихъ списковъ. Пасторы, при существующемъ устройствѣ лютеранскихъ приходовъ, по которому они располагаютъ непосредственными услугами и волостныхъ властей, и вотчинной полиціи, и школьныхъ учителей, получающихъ отъ волостей списки лютеранъ школьнаго района, могутъ не имѣть нужды въ подобныхъ формальныхъ отзывахъ въ волостныя управленія; но отношеніе тѣхъ же властей и полиціи къ православному священнику совершенно иное, тутъ нуженъ документъ, формальное оправданіе. Отъ сличенія метрическихъ записей съ волостными списками точность числа жителей того или другаго исповѣданія въ данное время только выигрываетъ. Если лицо, не успѣвшее заявить священнику о своемъ поселеніи или выселеніи изъ прихода, имѣло смѣлость, при существующей непріязни къ православнымъ со стороны сельскихъ властей, заявить въ волости, что онъ православный, то принадлежность его къ православію не подлежитъ сомнѣнію, и что же тутъ предосудительнаго, если священникъ внесетъ такое лицо въ православный списокъ и включитъ его тотчасъ въ свое показаніе о числѣ православныхъ лицъ, проживающихъ въ эту пору въ его приходѣ? Вопросъ о солдатахъ, вызвавшій смѣлое предположеніе барона Мейендорфа, будто бы православные священники всѣхъ безъ исключенія солдатъ вносятъ въ свои списки только потому, что они—солдаты, рѣшается просто, а именно: по формѣ, установленной для православныхъ списковъ, военныя лица показываются подъ отдѣльною рубрикою, такъ же какъ отдѣльныя рубрики существуютъ въ нихъ для «духовныхъ», для «купцовъ», «мѣщанъ» и т. п., для «крестьянъ» и т. д., а потому священникъ, запрашивая волостное управленіе о числѣ православныхъ вообще, проситъ въ числѣ ихъ отдѣльно показать солдатъ (т. е. только православныхъ). Просьба того же священника относительно

брачнаго состоянія такихъ лицъ также при этомъ неизбѣжна, какъ и о самомъ существованіи ихъ въ предѣлахъ прихода. Что касается умершихъ и похороненныхъ безъ священника, то и эти случаи въ Остзейскомъ краѣ не должны вызывать недоумѣнія, такъ какъ пасторы слишкомъ пріучили крестьянъ къ погребеніямъ безъ ихъ участія, и среди православныхъ неофитовъ имѣется еще не мало такихъ обычаевъ, изъ числа общихъ, привычныхъ для лютеранъ, которые исправляются только постепенно, иногда только въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, что всегда и вездѣ наблюдается между неофитами, какъ естественный законъ всякаго совершенствованія.

«Бывали случаи—утверждаетъ далѣе баронъ Мейендорфъ—что большинство православныхъ лицъ, якобы принадлежащихъ къ данному сельскому обществу, совершенно неизвѣстно всѣмъ членамъ общества, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ къ этому обществу не принадлежатъ, тогда какъ лица, несомнѣнно принадлежащія къ православной церкви, отъ которой никогда не отступали, не значатся въ спискѣ православныхъ». Явленіе возможное въ Остзейскомъ краѣ при преобладающемъ классѣ населенія передвижного, т. е. безземельныхъ арендаторовъ, батраковъ, ремесленниковъ и т. д., что лицо, давно выбывшее изъ общества и слишкомъ недолго прожившее въ немъ, притомъ въ скромной долѣ, продолжаетъ числиться въ спискѣ священника. Но чтобы оказывалось гдѣ нибудь «большинство» такихъ лицъ, о которыхъ «совершенно неизвѣстно всѣмъ членамъ общества, это такой фактъ, который не можетъ вызывать довѣрія, пока онъ не указанъ опредѣленно и не разслѣдованъ, и желательно, чтобы г. Предводитель лифляндскаго дворянства поименовалъ приходы, въ которыхъ онъ нашелъ эти случаи.

«Если сравнить весь этотъ отзывъ барона Мейендорфа о спискахъ православныхъ съ его безусловнымъ довѣріемъ къ записямъ лютеранскимъ, въ пользу которыхъ онъ не считаетъ даже нужнымъ представить какое бы то ни было доказательство, то нельзя не усмотрѣть въ семъ отзывѣ нѣкотораго пристрастія, и показанное имъ число отпавшихъ изъ православія въ лютеранство теряетъ значеніе. Если сравнить это число съ числомъ не бывшихъ у исповѣди и причастія Св. Таинъ по православнымъ спискамъ, то оно становится

даже загадочнымъ и страннымъ. По вѣдомостямъ за 1886 г., всѣхъ не исполнившихъ этого святаго долга «по уклоненію» было въ цѣлой епархіи, а не въ одной только Лифляндской губерніи, 18.816 душъ обоего пола. Это «уклоненіе» могло бы быть признано лучшимъ указателемъ числа отпавшихъ отъ православія, если бы: а) въ каждомъ исповѣданіи не существовало лицъ холодныхъ въ вѣрѣ, б) прекратились бы въ краѣ тѣ соблазны, притѣсненія и насилія, по которымъ православные слабодушные отпугиваются отъ своей церкви и стараются казаться лютеранами. Допустивъ, однако, и это число отпавшихъ въ лютеранство, какъ несомнѣнное, остается только радоваться успѣхамъ православія, если припомнить, что гр. Бобринскій, показывая между числящимися по спискамъ православными только $^1/_{10}$ часть, свидѣтельствовался въ томъ лично будто бы данными ему показаніями самихъ священниковъ,—остается терпѣливо ожидать обращенія и этихъ остатковъ отъ прежнихъ ста и болѣе тысячъ.

«Каковы въ дѣйствительности, въ собственной совѣсти и убѣжденіи, эти, такъ называемые, отпавшіе отъ православія въ лютеранство?

«Въ самой запискѣ барона Мейендорфа имѣется не мало данныхъ для сужденія по этому предмету. Прежде всего, нигдѣ въ этой запискѣ не упоминается, ни прямо, ни косвенно, чтобы сами «отпавшіе» протестовали по поводу распоряженій Губернатора и сами ходатайствовали о признаніи ихъ лютеранами. Инициатива и самое исполненіе этого протеста и этого ходатайства принадлежитъ, по той и по другой запискѣ, самому дворянству и пасторамъ. Но далѣе баронъ Мейендорфъ прямо выражаетъ опасеніе за твердость и даже за искренность ихъ въ лютеранствѣ. а) По поводу распоряженія Губернатора относительно присяги такихъ лицъ, онъ выражаетъ опасеніе, что найдутся между ними такіе, которые «согласятся на принесеніе присяги въ православной церкви и на возвращеніе въ лоно этой церкви». б) По поводу другого распоряженія объ освобожденіи этихъ же лицъ, какъ числящихся по спискамъ православной церкви, отъ повинностей въ пользу лютеранской церкви и духовенства, баронъ Мейендорфъ прямо сознается, что всѣ эти лица перестанутъ исполнять эти повинности. «Можно—продолжаетъ онъ—почти навѣрноэ

предположить, что лютеранская церковь, матеріальное положеніе которой и теперь значительно стѣснено, потерпитъ, вслѣдствіе этого распоряженія, не малые денежные убытки». Итакъ несомнѣнно, было бы слишкомъ преждевременнымъ считать этихъ лицъ лютеранами и исключать ихъ изъ списковъ православной церкви. Что это за лютеране, которые по одному только предписанію Губернатора, притомъ единственно въ отношеніи присяги и отбыванія повинностей, готовы вернуться въ лоно православной церкви!

Самыя сѣтованія г. Предводителя дворянства даютъ основаніе заключить, что подобные лютеране суть остатки отъ той смутной для православія въ Остзейскомъ краѣ поры, когда, съ одной стороны, дворянство и пасторы громко провозглашали о поголовномъ стремленіи православныхъ эстовъ и латышей къ отпаденію отъ православія и настойчиво ходатайствовали о формальномъ признаніи ихъ лютеранами,—съ другой стороны, эти самые отпадающіе отъ православія горько жаловались на крайнія притѣсненія ихъ со стороны дворянъ и пасторовъ и на принужденія къ возвращенію въ лютеранство. Всѣмъ извѣстны обстоятельства того времени (послѣдствія крымской войны, польское возстаніе, освобожденіе крестьянъ, появленіе соціализма), когда правительство вынуждено было ослабить строгость своего вниманія къ дѣйствіямъ дворянства и пасторовъ въ отношеніи православныхъ эстовъ и латышей, когда дѣйствительно многія тысячи ихъ, не вынося стѣсненій, спѣшили заявлять пасторамъ и лютеранскимъ властямъ о своей рѣшимости вернуться въ лютеранство, представляли дѣтей для крещенія и конфирмаціи по лютеранскому обряду, исполняли у пасторовъ христіанскія требы,—когда голосъ православныхъ священниковъ въ защиту этихъ людей терялся въ хаосѣ страстей, волновавшихъ край,—когда, наконецъ, по совершенной невозможности справедливаго разслѣдованія преступленій пасторовъ посредствомъ лютеранскихъ властей, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о прекращеніи преслѣдованія ихъ за совершеніе требъ для православныхъ (отъ 22 Іюля 1874 г.). Времена измѣняются, православные крестьяне находятъ защиту и поддержку со стороны правительственныхъ властей, и что тутъ удивительнаго или ненормальнаго, если и послѣдніе остатки, такъ называемыхъ, отпавшихъ

отъ православія мало по малу ободрятся и станутъ возвращаться въ православіе!

«Признавая и съ своей стороны эти послѣдствія неизбѣжными, г. Предводитель лифляндскаго дворянства не хочетъ признать столь естественнаго хода дѣлъ, но напередъ осуждаетъ тѣхъ лицъ, которыя дѣйствительно пожелаютъ возвратиться въ православіе, и при этомъ—къ крайнему прискорбію—выражаетъ такое свое мнѣніе, что корысть вообще служитъ «однимъ изъ несомнѣнныхъ мотивовъ присоединенія» (къ православію). Онъ утверждаетъ, что тѣ изъ числа такихъ лицъ, которыя «согласятся на принесеніе присяги въ православной церкви и на возвращеніе въ лоно этой церкви», поступятъ такъ только изъ «желанія сохранить должность» и будутъ «ставить званіе выше вѣры».Что же въ такомъ случаѣ дала имъ лютеранская вѣра, если они дѣйствительно исповѣдывали ее доселѣ? Чему научила ихъ? Какъ воспитала ихъ совѣсть? Баронъ Мейендорфъ ограничивается только простымъ признаніемъ ихъ «нерадивыми членами лютеранской церкви». Гораздо точнѣе будетъ сказать, что они удерживались въ лютеранствѣ не внутреннимъ убѣжденіемъ, а внѣшними узами, быть можетъ, даже угнетеніемъ со стороны низшихъ властей, приводившихъ ихъ въ прежнее время къ присягѣ. Самъ баронъ Мейендорфъ свидѣтельствуетъ, что въ 1860 г. Губернское Правленіе составило для такихъ лицъ особую фрмулу присяги и что по этой именно формулѣ, а не по формѣ, установленной для православныхъ въ 1836 г., эти лица приводимы были къ присягѣ доселѣ и административными и судебными учрежденіями,—что первыя по необходимости подчинятся распоряженію Губернатора, но послѣднія будутъ попрежнему требовать присяги отъ этихъ лицъ по той же формулѣ Губернскаго Правленія. По какому праву Губернское Правленіе въ 1860 г. отмѣнило для этихъ лицъ форму присяги 1836 г. и принуждало ихъ исполнять присягу по иной формулѣ, это, безъ сомнѣнія, будетъ разслѣдовано мѣстнымъ Губернаторомъ. Для насъ здѣсь важенъ признанный фактъ, что, такъ называемые, отпавшіе отъ православія не добровольно исполняли присягу не по православному обряду.— Баронъ Мейендорфъ, далѣе, выражаетъ опасеніе, что подобные случаи возвращенія въ православіе могутъ «подорвать уваженіе

сельскаго населенія къ своимъ должностнымъ лицамъ». Но вѣдь населеніе само избираетъ этихъ должностныхъ лицъ и оно знаетъ, кого избираетъ. Опасенія барона напрасны.

«Далѣе: баронъ Мейендорфъ выражаетъ опасеніе, что отпавшіе усмотрятъ въ предписаніи Губернатора объ освобожденіи ихъ отъ повинностей въ пользу лютеранской церкви «лишь странное право, дарованное всѣмъ лицамъ, возвратившимся изъ православія въ лютеранскую церковь, а именно право оставаться попрежнему въ лютеранской церкви, освобождаясь притомъ отъ повинностей въ пользу этой церкви, наравнѣ съ лицами, принявшими православіе». Опасенія преждевременны. Предписаніе Губернатора воспрещаетъ властямъ требовать отъ этихъ лицъ исполненія повинностей въ пользу лютеранской церкви, но оно не воспрещаетъ и не можетъ воспретить этимъ лицамъ отбывать такія повинности добровольно. Добрая воля была бы въ этомъ случаѣ однимъ изъ признаковъ свободнаго и сердечнаго расположенія ихъ къ лютеранству. Баронъ Мейендорфъ не имѣетъ, однако, надежды на такое расположеніе ихъ и, ходатайствуя объ отмѣнѣ предписанія Губернатора, тѣмъ самымъ приглашаетъ Правительство заставить этихъ сомнительныхъ лютеранъ быть, по крайней мѣрѣ, исправными, если не истинными, лютеранами и преградить для нихъ возможность какъ уклоненія отъ повинностей, такъ и самаго напоминанія о томъ, что они состоятъ въ спискахъ православной церкви, которая, не будучи предъ ними въ чемъ нибудь повинною и не возлагая на нихъ никакихъ тягостей, терпѣливо ожидаетъ возвращенія ихъ въ лоно свое.

«Остается еще одно опасеніе барона Мейендорфа по разсматриваемому предмету, но оно вызываетъ только сожалѣніе о томъ, что представитель рыцарскаго сословія въ краѣ не только держится такого мнѣнія, но и заявляетъ оное передъ высшимъ правительствомъ. Онъ заявляетъ, что, съ увольненіемъ означенныхъ лицъ отъ отбыванія повинностей въ пользу лютеранской церкви, «уменьшится для нихъ искушеніе присоединиться къ православной церкви, такъ какъ устраняется одинъ изъ несомнѣнныхъ мотивовъ присоединенія, а именно матеріальныя выгоды, связанныя съ освобожденіемъ отъ значительныхъ повинностей». Взглядъ традиціонный

въ средѣ остзейскаго дворянства, не поддающійся вліянію очевидныхъ фактовъ, не вразумляющійся воплями православныхъ крестьянъ, несущихъ за свое расположеніе къ православію только разореніе и бѣдность! Баронъ Мейендорфъ не замѣчаетъ, что въ его собственныхъ аргументахъ по настоящему дѣлу «матеріальныя выгоды» служатъ однимъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ къ закрѣпленію означенныхъ лицъ за лютеранскою церковью, при томъ хотя бы принудительнымъ способомъ. Отъ временъ перваго завоеванія Лифляндіи религіознымъ орденомъ, отъ временъ Ливонскаго рыцарства, черезъ всѣ послѣдующіе вѣка проходитъ этотъ взглядъ на духовенство (сперва католическое, потомъ лютеранское), какъ на владѣльцевъ совѣсти туземцевъ, и на туземцевъ — какъ на данниковъ, обязанныхъ въ своемъ повиновеніи своимъ церковнымъ господамъ (Kirchenherr) всѣми условіями законнаго порядка. На этой точкѣ уклоненія туземца въ иное исповѣданіе есть нарушеніе «правъ» лютеранской церкви и матеріальный убытокъ для нея. Вотъ почему присоединеніе эстовъ и латышей къ православію съ перваго же момента своего вызвало громкіе протесты дворянства и пасторовъ противъ нарушенія «правъ» лютеранской церкви и противъ «разоренія» матеріальныхъ средствъ ея. Вся борьба представительныхъ сословій съ православіемъ есть борьба за исключительное право ихъ на совѣсть и религіозное чувство туземцевъ, какъ и вообще на исключительное господство въ краѣ, а также за неприкосновенность матеріальныхъ средствъ лютеранской церкви, истекающую изъ этого самаго права. Въ силу этого основанія, переходъ въ православіе, лишающій лютеранскую церковь части дани и обращающій ее въ собственность бывшаго данника ея, признается дѣломъ корысти, также какъ и «нарушеніемъ общественнаго порядка», «возбужденіемъ противъ господствующихъ (или «владѣльческихъ») классовъ», даже «элементомъ революціоннымъ» (выраженія эти взяты нами изъ подлинныхъ «меморій», «петицій», «адресовъ», «записокъ» и другихъ документовъ, поступавшихъ къ правительству отъ дворянства и лютеранскаго духовенства, съ 1845 и доселѣ, во множествѣ). Опытъ показалъ, что никакія разъясненія и указанія не могутъ поколебать этого взгляда въ средѣ представительныхъ классовъ, потому что онъ господ-

ствуетъ въ этой средѣ уже до 600 лѣтъ, и только измѣненіе подлежащихъ общественныхъ отношеній въ краѣ, усиленіе правительственнаго авторитета, поддержка дѣйствительной свободы совѣсти противъ лютеранской исключительности и твердая защита православныхъ неофитовъ, на какой бы степени совершенства въ православіи они ни находились, могутъ постепенно перевоспитывать этотъ историческій взглядъ означенныхъ классовъ на церковное дѣло въ краѣ.

«Такимъ образомъ, изъ самой записки барона Мейендорфа явствуетъ, что неопредѣленное число, такъ называемыхъ, отпавшихъ отъ православія готово подчиниться распоряженію Губернатора о присягѣ по формулѣ для православныхъ и въ православной церкви, что нѣкоторые изъ нихъ въ силу даже этого распоряженія возвратятся въ лоно православія, что всѣ они охотно перестанутъ отбывать повинности въ пользу лютеранской церкви, хотя это обстоятельство неизбѣжно поставитъ ихъ въ непріязненныя отношенія къ пасторамъ. Словомъ, отпавшіе отъ православія не заявляютъ себя, по мнѣнію Предводителя дворянства, вѣрными и надежными лютеранами, а потому—очевидно—было бы слишкомъ преждевременнымъ считать ихъ погибшими для православія и формально прикрѣплять ихъ къ лютеранству.

«Г. Предводитель лифляндскаго дворянства настаиваетъ, однако, на совершенно противномъ, именно на формальномъ зачисленіи ихъ въ лютеране и, такимъ образомъ, на прегражденіи для нихъ способовъ вліянія со стороны православія и самаго напоминанія имъ о томъ, что православная церковь не исключаетъ ихъ изъ числа своихъ чадъ, смотритъ на нихъ какъ на заблудшихъ, готова подать имъ руку помощи и терпѣливо ждетъ возвращенія ихъ въ домъ свой. Какія же доказательства приводитъ онъ въ пользу этой мѣры? Этихъ доказательствъ собрано въ его двухъ запискахъ не мало. Перебирать всѣ ихъ нѣтъ надобности. Остановимся только на главныхъ, болѣе вѣскихъ, по мнѣнію самого барона Мейендорфа.

«Первое и главнѣйшее доказательство выводится исторически изъ обзора правительственныхъ отношеній къ совращеніямъ и отпаденіямъ въ Остзейскомъ краѣ съ 1845 г. Баронъ Мейен-

дорфъ утверждаетъ, что движеніе въ православіе возбуждено было «корыстными видами», а наступившее потомъ «обратное движеніе изъ православной церкви въ лютеранство зародилось самостоятельно и не было вызвано пропагандистическою дѣятельностью лютеранскаго духовенства». Дворянство и мѣстныя власти, по словамъ барона, не принимали никакого участія въ этомъ обратномъ движеніи, а пасторы, «изъ боязни уголовныхъ преслѣдованій», воздерживались отъ всякихъ сношеній съ отпадающими. Послѣдніе добровольно устремились къ пасторамъ тысячами, умоляли о принятіи ихъ въ лютеранство, а при отказѣ «обманомъ добивались въ чужихъ приходахъ и подъ чужими именами совершенія бракосочетанія, причащенія Св. Таинъ и крещенія своихъ дѣтей по лютеранскому обряду». Первоначально противъ отступниковъ принимаемы были полицейскія мѣры. Баронъ Мейендорфъ утверждаетъ, что полиція влекла этихъ лицъ даже и «въ особенности къ причастію Св. Таинъ». Но затѣмъ полицейскія мѣры прекращены, и движеніе къ православію прекратилось, «православное духовенство молча допускало поголовное отступленіе отъ православія». Съ отмѣною предбрачныхъ подписокъ «въ краѣ утвердилось убѣжденіе, что хотя правительство и не находитъ удобнымъ отмѣнить карательные законы, воспрещающіе переходъ въ лютеранскую церковь, оно тѣмъ не менѣе, въ виду особыхъ условій края, негласно прекращаетъ ихъ дѣйствіе». Послѣ сего совращенія пошли «завѣдомо для всѣхъ, не вызывая, однако, какого либо законнаго преслѣдованія лицъ, возвратившихся въ лютеранскую вѣру», и самыхъ совратителей, такъ какъ «изъ числа 107 сельскихъ пасторовъ были лишь немногіе, которые не совершали бы какого либо дѣянія по должности», но привлеченіе къ отвѣтственности происходило «лишь въ нѣсколькихъ единичныхъ случаяхъ». Когда же и эти «преслѣдованія» пасторовъ были прекращены, на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 22 Іюля 1874 г., тогда «не могло остаться никакого сомнѣнія въ намѣреніи правительства признать всѣ послѣдствія такой терпимости». И дѣйствительно, «результаты этого движенія (обратнаго) признаны совершившимся фактомъ, какъ со стороны населенія, такъ и со стороны властей». Выводъ: правительство, допустившее всѣ эти явленія и молчаливо

признававшее послѣдствія ихъ, обязано теперь открыто признать ихъ и утвердить въ законодательномъ порядкѣ.

«Этотъ доводъ у барона Мейендорфа—существенный, основной: всѣ другіе доводы вытекаютъ изъ него; онъ составляетъ точку зрѣнія на всѣ законы, распоряженія и дѣйствія правительства по этому предмету и на всѣ факты дѣла. Можно бы ограничиться только указаніемъ на то обстоятельство, что таково вообще свойство всякаго историческаго упорнаго противленія правительству—во всемъ винить только правительство, пользоваться всѣми его дѣйствіями, въ особенности мѣрами снисходительности и терпѣнія, только для усиленія и оправданія своего упорства, закрывать глаза на ясныя требованія закона и безпощадно унижать и чернить всякое благопріятное правительству движеніе мѣстное. Царство Польское совершило полный циклъ этихъ стремленій и пріемовъ, Остзейскій край требуетъ еще и еще разъясненій. Разсмотримъ существенные элементы этого довода барона Мейендорфа, оставляя въ сторонѣ такія показанія его, какъ напр.: полиція влекла отпавшихъ въ церкви «въ особенности къ причастію Св. Таинъ»,—отпадающіе «обманомъ добивались» у пасторовъ совершенія надъ дѣтьми ихъ крещеній, конфирмацій, бракосочетаній,—«священники молча допускали поголовное отступленіе отъ православія» и др.

«Прежде всего, не вѣрны соображенія барона Мейендорфа съ ссылкою на статьи Уложенія о наказаніяхъ 185, 187, 188, 192, 193 и 196, о томъ, что вообще законъ, «допуская возможность отступленія отъ православія» въ иную вѣру, тѣмъ самымъ «ясно связываетъ съ понятіемъ отступленія отъ православной церкви вступленіе въ другую церковь, и это слово означаетъ совершившійся фактъ, возможный и выполнимый, а именно совершаемый причащеніемъ Св. Таинъ». Баронъ опускаетъ при этомъ ст. 190 о дѣтяхъ, крещеныхъ родителями въ иную вѣру, которая необходима для полноты смысла всѣхъ этихъ статей. Смыслъ закона таковъ: правительство караетъ посягающихъ на совѣсть православныхъ членовъ, совратителей и насилующихъ къ иной вѣрѣ; но внутренняго убѣжденія совращаемыхъ не судитъ, а предоставляетъ этотъ судъ церкви. О признаніи совершившагося факта тутъ не можетъ быть и рѣчи. Ссылка на указъ Правительствующаго Сената отъ 11 Фев-

раля 1874 г., за № 160, по дѣлу крестьянина Яна Свиргедина также не вѣрна. Подлинное дѣло архива Рижской православной консисторіи показываетъ слѣдующее. Православный крестьянинъ Симеонъ Звирздинь (такъ онъ именуется и прозывается во всѣхъ актахъ дѣла духовнаго и гражданскаго вѣдомства) вступилъ въ связь съ сестрою своей жены, лютеранкою, бывшею въ замужествѣ за солдатомъ православнаго исповѣданія Петромъ Дарзинемъ, находившимся долгое время по службѣ въ отсутствіи изъ края. Въ деревнѣ говорили, что плодомъ этой связи былъ уже ребенокъ, котораго сама мать задушила и тайно похоронила. Толки эти угрожали самому Звирздиню судомъ за прелюбодѣяніе. Тогда мѣстный помѣщикъ, баронъ фонъ-Вольфъ, приступилъ къ нему съ совѣтами принять лютеранство, по правиламъ котораго сожительство съ сестрою жены (свойство второй степени) не считается ни кровосмѣшеніемъ, ни прелюбодѣяніемъ. Онъ простеръ свое усердіе въ этомъ дѣлѣ до того, что лично вызвался ходатайствовать предъ рижскимъ епископомъ Веніаминомъ о дозволеніи ему вернуться въ лютеранство и затѣмъ сообщилъ ему, что Преосвященный хотя и не разрѣшаетъ возвращенія, но выразился, что теперь за этотъ поступокъ «не преслѣдуютъ». Затѣмъ баронъ фонъ-Вольфъ отправился съ Звирздинемъ къ мѣстному священнику. Не успѣвъ склонить священника, обратились къ пастору, и въ Августѣ 1870 г. Звирздинь присоединенъ былъ къ лютеранству. Звирздинь былъ человѣкъ зажиточный и вліятельный въ волости; долгое время онъ былъ судьею и даже предсѣдателемъ волостного суда. Цѣлый составъ волостного суда принялъ участіе въ его обращеніи въ лютеранство и, въ видѣ крестныхъ отцовъ, торжественно провожалъ его въ первый разъ въ лютеранскую церковь. «Очевидно—доносилъ священникъ въ консисторію—все было сдѣлано въ надеждѣ увлечь и другихъ, но, благодареніе Господу, православные хозяева настолько оказались твердыми, что не только не увлеклись примѣромъ Звирздиня, но и при выборѣ судей его, какъ отступника, судьей не выбрали».—Въ Мартѣ 1871 г. явился на родину мужъ Дарзинь, засталъ жену свою беременною и подалъ просьбу о разводѣ съ нею, а священникъ, признавая Звирздиня православнымъ, а не лютераниномъ, возбудилъ

дѣло о кровосмѣшеніи и прелюбодѣяніи его, такъ какъ Дарзинь созналась, что беременна отъ него. Рижскій гофгерихтъ, не рѣшаясь открыто признать его въ лютеранствѣ, отъ 4 Іюля 1872 г., за № 3380, постановилъ: Звирздиня и любовницу его Дарзинь освободить отъ суда по обвиненію въ прелюбодѣяніи, такъ какъ жена Звирздиня не приноситъ на своего мужа жалобы за упомянутое преступленіе и мужъ Маи Дарзинь рѣшительно заявилъ, что онъ не требуетъ никакого наказанія своей женѣ за ея прелюбодѣяніе, а, на основаніи ст. 1585 Свод. Зак. о Наказ.,—наказаніе за прелюбодѣяніе допускается только вслѣдствіе жалобы той половины брачныхъ, честь которой оскорблена; Маю Дарзинь освободить и отъ суда за кровосмѣшеніе, какъ лютеранку; обвиненіе въ прижитіи ею съ Звирздинемъ и убійствѣ прежняго ребенка признать недоказаннымъ; Звирздиня подвергнуть отвѣтственности за кровосмѣшеніе, если онъ православный. При объявленіи этого приговора въ Венденскомъ ландгерихтѣ, Звирздинь заявилъ, что онъ считаетъ себя лютераниномъ и потому не подлежитъ суду за кровосмѣшеніе. На основаніи этого заявленія, рижскій гофгерихтъ поручилъ Венденскому ландгерихту произвести разслѣдованіе по этому заявленію и, по полученіи этого дознанія, состоявшаго въ личномъ объясненіи самаго Звирздиня, отмѣнилъ прежнее свое о немъ постановленіе, постановилъ новый приговоръ въ смыслѣ признанія подсудимаго лютераниномъ и оба приговора представилъ въ Правительствующій Сенатъ. Сенатъ, признавая первый приговоръ не вступившимъ въ силу, а второй подлежащимъ разъясненію, «предоставилъ упомянутому гофгерихту вновь разсмотрѣть возводимыя по этому вопросу на Симеона Звирздиня обвиненія», о чемъ далъ знать гофгерихту указомъ отъ 11 Февраля 1874 г., за № 160.

«Вотъ, въ чемъ именно состояло рѣшеніе Сената по этому дѣлу. О признаніи Симеона Звирздиня въ лютеранствѣ на основаніи этого рѣшенія не можетъ быть и рѣчи, и Сенатъ вообще не могъ принять на себя рѣшеніе въ такомъ вопросѣ.

«Продолжимъ это дѣло. Получивъ указъ Сената, рижскій гофгерихтъ, по собраніи дополнительныхъ свѣдѣній, не сносясь съ православнымъ вѣдомствомъ, 10 Іюля 1874 г. призналъ Звирздиня въ лютеранствѣ и освободилъ его отъ всякой отвѣтственности

по обвиненію въ кровосмѣшеніи [1]). Дѣло Петра Дарзиня о разводѣ его съ женою тянулось 12 лѣтъ, пока исполнены мѣстными судебными учрежденіями всѣ формальности, и только 4 Ноября 1883 г. Святѣйшій Синодъ могъ постановить рѣшеніе о расторженіи этого брака. О признаніи или непризнаніи Симеона Звирздиня въ лютеранствѣ по православному духовному вѣдомству не состоялось никакого опредѣленія, и дѣло это вошло въ разрядъ многихъ другихъ дѣлъ, по которымъ православная церковь смотритъ на такихъ лицъ, какъ на заблудшихъ чадъ своихъ, терпѣливо ожидая ихъ возвращенія въ лоно свое.

«Вообще же все это дѣло, неосторожно приведенное барономъ Мейендорфомъ, слишкомъ внушительно говоритъ не въ пользу его показаній. Подобныхъ дѣлъ не единицы и не десятки, но сотни и тысячи были. Многія были въ слѣдственномъ производствѣ, но огромное большинство отозвалось только воплемъ со стороны православныхъ священниковъ и ихъ вѣрныхъ прихожанъ, успокоившимся на архивныхъ полкахъ. Не только обратное движеніе въ лютеранство не самостоятельно зародилось и производилось, но дворянство и пасторы, главнымъ образомъ, повинны въ возбужденіи его и поддержаніи.

«Были, дѣйствительно, случаи увольненія въ лютеранство лицъ, числившихся по спискамъ православными. Но эти случаи разрѣшены были не Сенатомъ, не свѣтскимъ правительственнымъ учрежденіемъ, но Святѣйшимъ Синодомъ и притомъ по обстоятельствамъ, не оставлявшимъ сомнѣнія въ непринадлежности этого рода лицъ къ православію. Это было въ 1857 г. по случаю пересмотра первоначальныхъ записей въ православіе (1845—1846 гг.), когда крестьяне бросились тысячами для этихъ записей. Въ краѣ было тогда едва достаточное для русскихъ число священниковъ, нѣсколько священниковъ командировано было въ разные пункты для составленія списковъ желающихъ принять православіе, но они не знали народнаго языка и не были близко знакомы съ народными обычаями и мѣстными законными порядками. По Высочайшему повелѣнію, священники должны были производить каждую запись не иначе,

[1]) Постановленіе это утверждено исправл. должность Губернатора, Вице-Губернаторомъ барономъ фонъ-Икскулемъ. *Прим. составителя.*

какъ въ присутствіи одного изъ мѣстныхъ чиновниковъ, который обязанъ былъ служить при этомъ переводчикомъ, наблюдать порядокъ, повѣрять показанія о личности просителей, блюсти за исполненіемъ законовъ и т. д. Всякая запись, произведенная безъ участія чиновника, считалась недѣйствительною. Несмотря на такую строгость, при огромномъ наплывѣ желающихъ, неизбѣжно вкралось въ записи нѣсколько неточностей. Слишкомъ извѣстный тогда въ краѣ суперъ-интендентъ Вальтеръ поднялъ вопросъ о пересмотрѣ этихъ записей. Рижскій архіепископъ Платонъ, съ своей стороны, вполнѣ сочувственно отнесся къ этому дѣлу. Управляющій Департаментомъ исповѣданій графъ Сиверсъ принялъ дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ, а Генералъ-Губернаторъ князь Суворовъ оказывалъ свое содѣйствіе въ немъ. По вліянію Вальтера, появилось много просьбъ объ исключеніи изъ православныхъ списковъ по невѣрности первоначальныхъ записей. Но, по ближайшемъ изслѣдованіи ихъ, дѣйствительныхъ неточностей оказалось 44, а затѣмъ еще 2, и всѣ эти лица Святѣйшимъ Синодомъ тогда же исключены изъ православныхъ списковъ. То не были метрическіе списки, а именно записи первоначальныя, сдѣланныя въ присутствіи чиновниковъ, обязанныхъ слѣдить за точностью показаній и удостовѣреніемъ личности просителей. Оказалось, однако, что за этимъ простымъ дѣломъ скрывались стремленія, не имѣющія ничего общаго съ религіей и способныя только злоупотребить дѣломъ совѣсти. Появились затѣмъ массы жалобъ на невѣрное внесеніе въ первоначальные списки. Просители, бывавшіе у исповѣди и причастія Св. Таинъ, всегда исполнявшіе требы у православныхъ священниковъ—и такіе даже писали, что они никогда не являлись къ священникамъ для записей въ православіе, что ихъ записали родственники или односельцы, безъ ихъ вѣдома и согласія, или что они являлись къ священнику съ просьбами совсѣмъ иного рода, а ихъ приняли за просителей православія и внесли въ записи, и т. д. Все это оказывалось плодомъ того гнета, который наступилъ тогда въ краѣ и быстро увеличивался для православныхъ во имя неприкосновенности «правъ и привилегій» остзейскаго дворянства и лютеранской церкви. Усердіе въ этомъ дѣлѣ помѣщиковъ, вотчинной полиціи, ближайшихъ къ крестьянамъ властей, духъ и направленіе всей дѣятельности представительныхъ

классовъ въ отношеніи государственныхъ требованій до очевидности раскрыли полное смѣшеніе дѣла совѣсти съ дѣломъ политическихъ страстей, при которомъ правительство лишено всякой возможности произнести такой судъ, которымъ не злоупотребили бы на мѣстѣ и который не обращенъ былъ бы только на питаніе этихъ самыхъ страстей. Съ каждымъ годомъ правительство болѣе и болѣе убѣждалось, что хотя вопросъ объ отпадающихъ, безъ кореннаго разрѣшенія его, представляетъ для текущихъ дѣлъ многочисленныя затрудненія, но, при напряженіи въ краѣ страстей, при существованіи полиціи, суда, крестьянскихъ учрежденій въ рукахъ дворянства, при притязаніяхъ лютеранской церкви на исключительное господство надъ совѣстью туземцевъ, всякая попытка коренного разрѣшенія этого вопроса вызоветъ только коренныя затрудненія для государства въ краѣ. Личныя намѣренія въ этомъ дѣлѣ въ Бозѣ почившаго Государя внѣ всякихъ сомнѣній, искреннія расположенія лицъ, ближайшимъ образомъ исполнявшихъ волю Его (кн. Суворовъ, гр. Шуваловъ, Валуевъ, гр. Сиверсъ и друг.), извѣстны въ Остзейскомъ краѣ. Но сила вещей сильнѣе всякой личной воли: остзейскія стремленія и порядки полагали рѣшительныя препятствія искреннимъ намѣреніямъ и стараніямъ самой либеральной поры правительства, и оно твердо рѣшилось отклонять коренное рѣшеніе вопроса объ отпадающихъ и соблюдать въ отношеніи къ нимъ существо закона, но окончательный судъ надъ ними и надъ совратителями отложить до болѣе благопріятной поры, когда возможно будетъ точное разслѣдованіе каждаго случая. Въ это время на очередь поставлены были вопросы о преобразованіи суда и крестьянскихъ учрежденій въ Остзейскомъ краѣ, равно о земскихъ собраніяхъ и полиціи,—вопросы, какъ извѣстно, встрѣтившіе рѣшительное препятствіе со стороны остзейскаго дворянства въ пользу мѣстнаго statu quo.

«Вотъ истинная точка зрѣнія на положеніе, принятое тогда правительствомъ въ отношеніи отпадающихъ въ лютеранство, а не та, которую произвольно, по своимъ видамъ, составляло о немъ представительство края и которую теперь г. Предводитель лифляндскаго дворянства пытается поставить какъ основной доводъ въ пользу кореннаго разрѣшенія вопроса объ отпавшихъ согласно видамъ дворянства.

Были ошибки и увлеченія со стороны исполнителей этой мысли правительства; но самая мысль такъ была очевидна, что сословіе, претендующее на политическое значеніе въ краѣ, не можетъ отказываться отъ надлежащаго пониманія ея и извращать ее, не рискуя собственнымъ достоинствомъ въ дѣлахъ внутренней политики.

«Обратимся къ частнымъ разъясненіямъ этой мысли правительственной и къ частнымъ положеніямъ довода барона Мейендорфа.

«Оставляемъ въ сторонѣ отзывъ барона о корыстныхъ побужденіяхъ къ обращенію въ православіе и самостоятельномъ зарожденіи обратнаго движенія въ лютеранство, такъ какъ онъ достаточно въ глазахъ правительства отвергнутъ силою вещей и такими многочисленными признаніями самихъ остзейскихъ органовъ, въ родѣ постановленія рижскаго гофгерихта, такъ откровенно изложившаго побужденія Звирздиня къ переходу въ лютеранство и такъ рѣшительно санкціонировавшаго ихъ. Дѣлъ, подобныхъ дѣлу Звирздиня, тысячи въ разныхъ учрежденіяхъ края. По донесеніямъ рижскаго епископа (отъ 17 Декабря 1884 г.), такихъ незаконныхъ сожитій, благословлено пасторами до 650 паръ въ теченіе 1866—1879 г.г., съ единственною цѣлью привлечь такихъ лицъ въ лютеранство. Мы не говоримъ уже о доказанныхъ невольныхъ побужденіяхъ къ возврату въ лютеранство, о притѣсненіяхъ и насиліяхъ, главнымъ образомъ возбудившихъ это печальное движеніе въ народѣ, которое мѣстное дворянство и пасторы поспѣшили представить «поголовнымъ стремленіемъ къ лютеранству», какимъ и теперь старается представить его г. Предводитель лифляндскаго дворянства. Значительное успокоеніе въ средѣ народа, цифры бывающихъ у исповѣди и пріобщенія Св. Таинъ, примѣры православной ревности, смѣемъ сказать—даже мученичества между неофитами и тысячи новыхъ обращеній въ православіе, ничто не убѣждаетъ этотъ классъ въ истинномъ положеніи дѣла. А, между тѣмъ, традиціонные способы совращеній и попытокъ снова произвести это «обратное поголовное движеніе» въ средѣ православныхъ продолжается со всею энергіей. Достаточно здѣсь указать на слѣдствіе, произведенное 19—22 Сентября прошлаго года (т. е. въ то самое время, когда баронъ Мейендорфъ готовилъ свою записку о корыстныхъ побужденіяхъ къ переходу въ православіе и самостоятельно зародившемся и продолжав-

шемся добровольномъ обратномъ движеніи въ лютеранство) ревельскимъ вице-губернаторомъ о злоупотребленіяхъ въ Фикельскомъ приходскомъ судѣ». Всѣ возникшія въ Вигальскомъ приходѣ дѣла, по отзыву вице-губернатора, крайне серьезнаго и политическаго характера, доказываютъ всякаго рода притѣсненія, чинимыя православнымъ крестьянамъ со стороны власть имущихъ бароновъ—лютеранъ. Означенныя лица не только не остановились предъ нарушеніемъ обрядовъ и формъ судопроизводства, но и предъ превышеніемъ власти, и рядомъ энергическихъ, быстрыхъ и послѣдовательныхъ мѣръ старались всѣми силами закрѣпить все незаконно сдѣланное».

«Когда (въ 1865 г.) была изъята изъ примѣненія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ ст. 67 т. X, ч. I Свод. Зак., то въ краѣ утвердилось убѣжденіе, что хотя правительство и не находитъ удобнымъ отмѣнить карательные законы, воспрещающіе возвращеніе въ лютеранскую церковь, оно тѣмъ не менѣе, въ виду особыхъ условій края, негласно прекращаетъ ихъ дѣйствіе». Дѣйствительно, изъ донесеній священниковъ въ теченіе Апрѣля и Мая 1865 г. видно, что помѣщики, мызное начальство и разные агенты ихъ увѣряли православныхъ крестьянъ, а пасторы даже съ церковной каѳедры провозглашали, что съ отмѣною предбрачныхъ подписокъ прекращаются преслѣдованія за возвращеніе изъ православія въ лютеранство. Но на ландтагахъ хорошо было извѣстно, что ничего подобнаго эта мѣра не заключаетъ въ себѣ и не даетъ никакого основанія къ такому предположенію. Когда приготовлялось распоряженіе о предбрачныхъ подпискахъ, въ это время (въ Мартѣ 1865 г.) лифляндскій ландтагъ былъ въ полномъ сборѣ и радостно ожидалъ извѣстія о подписаніи указа. Въ день утвержденія его, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Валуевъ сообщилъ объ этомъ рижскому Генералъ-Губернатору графу Шувалову. Отъ 22 Марта гр. Шуваловъ телеграфировалъ Министру: «Ландтагъ кончается въ субботу. Не будетъ ли разрѣшено сообщить ему, что существующія преграды для свободы совѣсти при заключеніи смѣшанныхъ браковъ устранены». Министръ отвѣтилъ: «Сомнѣваюсь, чтобы разрѣшено было объявить: нежелательно громкости». Тѣмъ не менѣе гр. Шуваловъ неофиціально сообщилъ членамъ ландтага о послѣдовавшемъ измѣненіи. Какъ же отнеслись къ этому извѣстію члены ландтага? Они увидѣли, что

цѣль ихъ не достигнута, что возвращеніе въ лютеранство не разрѣшается и что дѣйствіе законовъ по этому предмету, ни гласно, ни негласно, не прекращается. Болѣе рьяные изъ членовъ разъѣхались по помѣстьямъ, самовольно объясняя значеніе состоявшагося повелѣнія, но другіе остались и рѣшились войти немедленно съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ тѣхъ статей Свода Законовъ, которыя ограничиваютъ дѣйствіе лютеранской церкви въ отношеніи церкви православной, именно первыхъ 78 ст. X т. Свод. Зак. Предводитель дворянства кн. Ливенъ тотчасъ отправился въ Петербургъ и представилъ правительству меморію по этому предмету. Одновременно и Предводитель курляндскаго дворянства гр. Кайзерлингъ представилъ меморію объ отмѣнѣ всѣхъ статей введенія I ч. XI т. Свод. Зак. Но ходатайство предводителей осталось безъ всякаго движенія. Между тѣмъ, еще 2 Апрѣля Высочайше одобрена была секретная инструкція рижскимъ генералъ-губернаторамъ, въ которой повелѣвалось: пунктомъ I—«всегда и безусловно отказывать» въ просьбахъ о дозволеніи перехода или возвращенія въ лютеранство; пунктомъ 2 предписывалась снисходительность къ отпадающимъ «негласно»; пунктомъ 3 требовалось, чтобы «строгость была правиломъ, а снисходительность исключеніемъ» въ отношеніи къ «совершенію пасторами требъ для православныхъ, съ большею или меньшею гласностью, или даже попытки къ поощренію отпаденій отъ православія». Невозможно допустить, чтобы оба предводителя тогда же, вмѣсто отвѣта на меморіи, не поставлены были въ извѣстность объ этой инструкціи, и чтобы гр. Шуваловъ, бывшій въ близкихъ отношеніяхъ съ членами ландтага и постоянно нудимый ими къ новымъ и новымъ ходатайствамъ въ пользу лютеранства, не ознакомилъ ихъ съ содержаніемъ инструкціи. Широкая извѣстность этой инструкціи въ средѣ дворянъ и лютеранскаго духовенства открывается въ тогдашнихъ заграничныхъ корреспонденціяхъ изъ Остзейскаго края, видѣвшихъ въ ней лишь гоненіе на лютеранство, въ прямыхъ ходатайствахъ по этому предмету со стороны представительныхъ сословій. Отъ 25 Сентября 1865 г. вице-президентъ генеральной евангелической консисторіи Ульманъ представилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ меморію лифляндской консисторіи, въ которой, между прочимъ, изложено было ходатайство о дозволеніи пасторамъ совершать требы для православ-

ныхъ, что воспрещено и должно быть строго преслѣдуемо по § 3 инструкціи. Но и на это ходатайство послѣдовалъ отказъ. Затѣмъ, самъ баронъ Мейендорфъ свидѣтельствуетъ, что нѣкоторые пасторы привлекаемы были къ отвѣтственности за совершеніе требъ для православныхъ и за совращенія. Такимъ образомъ, дворянству и пасторамъ хорошо извѣстна была точка зрѣнія правительства, и не въ цѣляхъ политики—скрывать ее отъ классовъ, пользующихся политическимъ значеніемъ въ краѣ, напротивъ—необходимо знакомить ихъ съ нею возможно ближе и точнѣе. Вся ошибка тогдашняго правительства состояла въ широкомъ довѣріи къ легальности представительныхъ классовъ края, о которой сами они постоянно свидѣтельствовали въ своихъ адресахъ, меморіяхъ, запискахъ и т. д., а также въ надеждѣ на политическій тактъ ихъ, въ силу давней политической роли ихъ въ краѣ. Теперь самъ Предводитель лифляндскаго дворянства свидѣтельствуетъ о той степени легальности и политическаго такта, какую обнаружило дворянство вслѣдствіе этого довѣрія: «въ краѣ утвердилось убѣжденіе», обратное яснымъ и прямымъ требованіямъ правительства, точно этимъ убѣжденіемъ руководилъ не господствовавшій въ то время классъ, а невѣжественная и неблагонамѣренная толпа, и это «убѣжденіе» теперь пытается стать основою для оправданія множества тогдашнихъ преступныхъ дѣйствій по совращенію изъ православія въ лютеранство и для санкціонированія произведенныхъ ими результатовъ!

Какія это дѣйствія и результаты ихъ? «Съ 1865—1873 гг., свидѣтельствуетъ баронъ Мейендорфъ, въ сельскихъ приходахъ и мѣстечкахъ Лифляндской губерніи 6770 дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, заключенныхъ до 1865 г., т. е. съ подписаніемъ реверса, были крещены по лютеранскому обряду; кромѣ того, 5391 лицо, рожденныя отъ смѣшанныхъ браковъ, посѣщали конфирматское ученіе и были допущены къ Св. Причастію; наконецъ, 8903 взрослыхъ лицъ, крещенныхъ или миропомазанныхъ православными священниками, добились совершенія для нихъ церковныхъ требъ лютеранскими пасторами. Все это совершалось завѣдомо для всѣхъ, не вызывая, однако, какого либо законнаго преслѣдованія лицъ, возвратившихся въ лютеранскую церковь». Эти 21064 души показываютъ только число преступленій со стороны пасторовъ и крестьянскихъ

властей, а не число отпадшихъ отъ православія въ лютеранство, и степень напряженія преступной дѣятельности первыхъ, а не свойство и силу убѣжденія послѣднихъ,—число жертвъ, а не «самостоятельно зародившагося движенія въ лютеранство».

«Эти 6770 дѣтей—какіе это «совратившіеся»? Инструкція, изданная въ Декабрѣ 1865 г. въ руководство пасторовъ въ отношеніи дѣтей православныхъ и отъ смѣшанныхъ браковъ дѣйствительно предоставляла имъ довольно широкія права: «совершать требы и преподавать ученіе дѣтямъ отъ смѣшанныхъ браковъ» (§ 1); крестить дѣтей отъ незаконныхъ сожитій лицъ православныхъ (§ 2); крестить дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, заключенныхъ до 1865 г. «по нуждѣ». Но въ этой инструкціи съ особенною силою выразилась не уступка лютеранству на почвѣ закона, но только степень довѣрія къ политическому и религіозному такту и благоразумію со стороны представительныхъ классовъ края. Обстоятельства, при которыхъ издана эта инструкція, были самыя тяжелыя для правительства въ этотъ періодъ довѣрія къ означеннымъ классамъ. Это былъ единственный случай, когда правительство увидѣло себя въ опасности посягнуть, ради удовлетворенія пасторовъ и бароновъ, на основные каноны православной церкви,—когда духовенство рижской епархіи просило, для точнаго исполненія Высочайшаго повелѣнія объ отмѣнѣ предбрачныхъ подписокъ, разрѣшить совѣсть его, а Святѣйшій Синодъ не могъ удовлетворить этой просьбѣ въ виду церковныхъ каноновъ. Православное духовенство непосредственно видѣло, куда направляютъ мѣстные дѣятели Высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ предбрачныхъ подписокъ, и просило освободить его отъ вѣнчанія такихъ браковъ, по примѣру греческой церкви. Дворянство и пасторы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы выставить православное духовенство, какъ ослушниковъ Высочайшей воли и возмутителей общественнаго порядка. Рисовались при этомъ картины незаконныхъ сожитій между православными, дѣтей безъ крещенія и безъ обученія, затрудненія родителей въ спѣшной нуждѣ крещенія и т. п. Шли вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайства о дозволеніи пасторамъ совершать въ необходимыхъ случаяхъ требы для такихъ лицъ, но безъ присоединенія ихъ къ лютеранской церкви. Въ этомъ именно смыслѣ поступило ходатайство рижской евангелическо-лютеранской консисторіи

чрезъ генеральную консисторію. Представляя правительству это ходатайство, вице-президентъ послѣдней Ульманъ, съ своей стороны, просилъ (отъ 25 Октября 1865 г.): 1) принять рѣшительныя мѣры противъ православнаго духовенства въ дѣлѣ о смѣшанныхъ бракахъ, 2) предоставить пасторамъ совершать требы для православныхъ, но самъ же при этомъ призналъ, что такое совершеніе требъ онъ не разумѣетъ въ смыслѣ присоединенія къ лютеранству, а какъ временную мѣру, «*пока*, вслѣдствіе измѣненія обстоятельствъ, *окажется возможнымъ разрѣшить крестьянамъ формальный переходъ въ лютеранскую вѣру*». Правительство, однако, не нашло возможнымъ разрѣшить пасторамъ исполненіе требъ для всѣхъ православныхъ, но только для дѣтей и единственно отъ смѣшанныхъ браковъ, притомъ въ нѣкоторыхъ затруднительныхъ случаяхъ, но не предоставило при этомъ никакого права считать эти случаи присоединеніемъ къ лютеранской церкви, а напротивъ, довѣряя религіознымъ побужденіямъ, обѣщаніямъ и благоразумію пасторовъ, ожидало отъ нихъ въ этомъ дѣлѣ полнаго уваженія къ интересамъ православной церкви. Такимъ образомъ, напр., по 2 § изданной въ Декабрѣ того же года инструкціи пасторамъ на эти случаи, пасторы, получая право крестить дѣтей отъ незаконныхъ сожитій, обязывались при этомъ «убѣждать сожителей къ исполненію обряда вѣнчанія по правиламъ православной церкви». По 3 § дозволяется крестить дѣтей отъ браковъ, заключенныхъ съ подписками, только «по нуждѣ». При этомъ даже дозволено вносить эти случаи въ метрическія лютеранскія книги, но единственно «по неповторяемости крещенія» и притомъ «только для того, чтобы самый фактъ крещенія впослѣдствіи не могъ подлежать сомнѣнію», и «православная церковь нисколько не теряетъ права считать такое лицо принадлежащимъ къ этой церкви». Если даже по этому важнѣйшему обряду даны были такія предостереженія пасторамъ, то смыслъ дозволенія по § 1-му той же инструкціи «совершать духовныя требы и преподаваніе ученія дѣтямъ отъ смѣшанныхъ браковъ» понятенъ самъ собою.— Повторяемъ, что то былъ только актъ довѣрія правительства къ легальности, политическому и религіозному такту представительныхъ сословій и ихъ готовности, о которой сами они тогда постоянно твердили, содѣйствовать ему въ его благихъ намѣреніяхъ, что законъ

при содѣйствіи этихъ сословій будетъ соблюденъ тѣмъ точнѣе къ обоюдной выгодѣ и къ соблюденію чистаго религіознаго интереса, именно, чтобы въ трудныхъ случаяхъ дѣти не лишались христіанскихъ требъ. Оказывается теперь вся неискренность этихъ сословій въ этомъ дѣлѣ по отношенію къ правительству. Множество донесеній, поступавшихъ, вслѣдъ за изданіемъ этой инструкціи, отъ православныхъ священниковъ, и жалобъ отъ православныхъ крестьянъ болѣе и болѣе раскрывало, что пасторы посредствомъ своихъ приходскихъ агентовъ особенно повивальныхъ бабокъ достигали насильственнаго крещенія православныхъ дѣтей по лютеранскому обряду, подъ предлогомъ болѣзненнаго состоянія новорожденнаго, «по нуждѣ», и не только не внушали при этомъ родителямъ, что «православная церковь нисколько не теряетъ права считать такое лицо принадлежащимъ къ этой церкви», но, напротивъ, подъ страхомъ внушали родителямъ, что дитя принадлежитъ исключительно лютеранской церкви. Вмѣсто внушенія незаконнымъ сожителямъ исполнить обрядъ вѣнчанія въ православной церкви, пасторы, напротивъ, благословляли такія противозаконныя сожитія. Каждую исполненную для дитяти и даже взрослыхъ требу считали фактомъ присоединенія его къ лютеранской церкви, а каждую отмѣтку въ своихъ метрическихъ записяхъ—формальнымъ доказательствомъ дѣйствительной принадлежности къ этой церкви!

«Не будемъ останавливаться на значеніи совершенныхъ пасторами надъ православными юношами и дѣвицами конфирмацій—обряда, провозглашающаго полноправнымъ членомъ церкви лицо, уже принадлежавшее ей, но не пользовавшееся еще правами въ церковно-общественныхъ дѣлахъ. Обратимся къ важнѣйшему таинству христіанской церкви, Св. Причащенію. Баронъ Мейендорфъ, покидая вопросъ о правѣ или неправѣ пасторовъ совершать требы для православныхъ и самую почву «утвердившагося въ краѣ убѣжденія», переходитъ на почву догматическую и на ней произноситъ самое вѣское, по его мнѣнію, слово. Онъ утверждаетъ, что *вступленіе въ другую церковь совершается причащеніемъ Св. Таинъ по обряду* этой церкви и что причащеніе Св. Таинъ по обряду лютеранской церкви *устанавливаетъ принадлежность* къ этой церкви. Считать православныхъ, причастившихся въ лютеран-

ской церкви, принадлежащими церкви православной—значитъ, по его мнѣнію, *отвергать святость и значеніе Св. Даровъ, т. е. отвергать священный характеръ таинствъ этой церкви.*—Это было бы единственное въ цѣлой запискѣ барона Мейендорфа серьезное возраженіе, если бы рядомъ съ нимъ не стояло у него печальное увѣреніе, будто бы отпадающіе отъ православія привлекаемы были посредствомъ полиціи къ совершенію православныхъ требъ, «въ особенности къ причащенію Св. Таинъ», т. е. если бы онъ самъ не позволялъ себѣ столь неуважительнаго отзыва о совершеніи Св. Причастія православными священниками, чѣмъ невольно заставляетъ подозрѣвать возможность чего либо подобнаго въ дѣятельности пасторовъ и ихъ агентовъ. Не будемъ обращаться здѣсь къ символическимъ книгамъ самой лютеранской церкви, къ ея ученію о существѣ этого Св. Таинства и о достойномъ или недостойномъ пріобщеніи Св. Таинъ. Приведемъ примѣръ изъ практики этой самой церкви. Ссыльные протестанты обращались къ священникамъ съ просьбою о пріобщеніи ихъ Св. Таинъ. Священники подавали имъ причастіе и записывали ихъ, какъ присоединившихся къ православію. Но являлись потомъ пасторы, разыскивали подобныхъ лицъ, протестовали противъ зачисленія ихъ въ число православныхъ въ силу только причащенія по православному обряду и относились къ нимъ, какъ къ членамъ протестантской церкви. Возраженія со стороны священниковъ привели къ тому, что генеральная евангелическо-лютеранская консисторія обратилась по этому дѣлу съ запросомъ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Это было въ 1847 г. Дѣло поступило на заключеніе Святѣйшаго Синода, который, указомъ отъ 21 Сентября 1848 г., подтвердилъ всѣмъ православнымъ священникамъ «исполнять въ точности данное Святѣйшимъ Синодомъ въ 1833 г. на подобные случаи наставленіе». Это наставленіе дано было священникамъ арміи и флота и состояло въ томъ, чтобы «священники не допускали къ исповѣди и причастію Св. Таинъ военныхъ чиновъ иностранныхъ исповѣданій безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ православной церкви». Для насъ важно въ этомъ случаѣ то, что обѣ церкви, и православная, и лютеранская, понимаютъ два эти дѣйствія, присоединеніе къ церкви и пріобщеніе Св. Таинъ, раздѣльно. Минуя догматическія

различія въ ученіи одной и другой церкви о Таинствѣ Причащенія, замѣтимъ только, что православная церковь съ большимъ правомъ поступила бы, если бы признала неотъемлемымъ членомъ своимъ того иновѣрца, который пріобщился Св. Таинъ по обряду ея. Но и она не считаетъ его таковымъ, если онъ пріобщился по недоразумѣнію, не имѣя твердаго намѣренія присоединиться къ ней и не исполнивъ предварительно этого намѣренія. Она считаетъ долгомъ таковое лицо наставлять, вразумлять, убѣждать, но не насилуетъ доброй воли его и отпускаетъ съ миромъ (мнѣніе Митрополита Филарета по этому предмету въ дѣлѣ Святѣйшаго Синода). Лютеранская церковь, какъ показываетъ вышеприведенный нами примѣръ, по своимъ воззрѣніямъ на Таинство Причащенія также не считаетъ его само по себѣ актомъ присоединенія къ церкви. Такимъ образомъ, мнѣніе барона Мейендорфа о томъ, что «фактъ вступленія въ другую церковь совершается причащеніемъ Св. Таинъ по обряду инаго вѣроисповѣданія», противорѣчитъ мнѣнію самой лютеранской церкви, а его опасеніе, будто бы распоряженіями губернатора относительно, такъ называемыхъ, возвратившихся въ лютеранство «отвергается святость и значеніе Св. Даровъ, т. е. отвергается священный характеръ таинствъ этой (лютеранской) церкви», не имѣетъ никакого основанія.

«Итакъ, мнѣніе барона Мейендорфа, что совершеніе пасторами требъ для православныхъ свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ присоединеніи ихъ къ лютеранской церкви, не имѣетъ значенія, а мнѣніе его о томъ, что правительственныя мѣропріятія 1865—1874 гг. внушали убѣжденіе въ прекращеніи силы закона, воспрещающаго переходъ изъ православія въ лютеранство, и, въ признаніи совершившихся фактовъ такого перехода, сполна противорѣчитъ этимъ самымъ мѣропріятіямъ и изданнымъ къ нимъ разъясненіямъ. Поэтому и толкованіе Высочайшаго повелѣнія отъ 22 Іюля 1874 г. въ смыслѣ намѣренія признать присоединеніе къ лютеранству совершенно произвольно. Это Высочайшее повелѣніе, какъ мы уже замѣтили въ своемъ мѣстѣ, имѣло единственнымъ основаніемъ своимъ то убѣжденіе, что, при условіяхъ, въ какихъ находятся въ Остзейскомъ краѣ судъ, полиція, составъ и значеніе ландтаговъ, наконецъ, крестьянскія учрежденія, нѣтъ никакой возможности

разобраться въ дѣлахъ этого рода, что при этихъ условіяхъ разбирательство пасторскихъ проступковъ противъ интересовъ православной церкви доставляетъ только торжество этимъ проступкамъ и производитъ только большій соблазнъ въ народѣ. Взглядъ правительства на недѣйствительность присоединеній къ лютеранству въ силу только совершенія обрядовъ пасторами для православныхъ вполнѣ дозволялъ правительству временно прекратить эту мѣру, пока (съ преобразованіемъ судовъ, полиціи и проч.) настанетъ возможность произвести разборъ дѣлъ этого рода вполнѣ цѣлесообразно. Война на Балканскомъ полуостровѣ и послѣдствія ея отвлекли вниманіе правительства отъ хода этого дѣла, а тотъ же представительный классъ края, который призванъ былъ къ участію въ дѣлѣ, своею рѣшительною оппозиціею въ пользу своего statu quo затормозилъ это дѣло. Вообще всѣ мѣропріятія и все направленіе политики прошлаго царствованія въ отношеніи Остзейскаго края, въ особенности дѣлъ религіозныхъ, приводятъ къ одному, единственно безпристрастному и вѣрному, взгляду: правительство, довѣряя горячимъ заявленіямъ представительныхъ классовъ о своей преданности престолу, легальности и искреннимъ религіознымъ побужденіямъ, разсчитывая на политическій тактъ ихъ въ силу особеннаго давняго значенія въ краѣ, предоставило имъ значительную долю участія въ заботахъ, между прочимъ, объ успокоеніи народа, взволнованнаго, по рѣшительнымъ заявленіямъ ихъ же самихъ, въ своей религіозной совѣсти и близкаго къ отчаянію изъ-за принужденій въ вѣрѣ; оно допускало, что горячіе проповѣдники свободы совѣсти окажутъ горячее содѣйствіе къ прекращенію насилій надъ совѣстью и водворенію свободы ея; оно предоставило имъ не только необходимыя, но даже излишнія средства къ тому, но подъ условіемъ не сходить съ точки закона; но, по мѣрѣ развитія дѣятельности этихъ классовъ, правительство болѣе и болѣе убѣждалось въ излишнемъ своемъ довѣріи къ нимъ и затѣмъ ясно видѣло, что оно обмануто, что подъ формой религіозныхъ интересовъ кроются побужденія и цѣли иного рода, что данныя средства употребляются на угнетеніе совѣсти и, что, наконецъ, тѣ же классы полагаютъ рѣшительныя препятствія къ тому, чтобы разобраться въ дѣлѣ отпадающихъ сообразно съ дѣйствительнымъ убѣжденіемъ

и чистою совѣстью каждаго изъ нихъ; вслѣдствіе этого, правительство рѣшило прекратить заботы о религіозномъ вопросѣ въ Остзейскомъ краѣ впредь до открытія возможности надлежащаго рѣшенія его.

«Здѣсь мы встрѣчаемся, наконецъ, съ основнымъ элементомъ въ этомъ вопросѣ, составляющимъ поворотный пунктъ въ немъ, распутывающимъ гордіевъ узелъ дѣла. Что именно служитъ основою для рѣшенія вопроса объ отпадающихъ въ другое исповѣданіе? Убѣжденіе въ совѣсти при свободной волѣ. Въ этомъ, какъ мы видѣли, согласны обѣ церкви, и православная и лютеранская. Но въ этомъ то элементѣ и вся суть затрудненій. При существующемъ въ средѣ представительныхъ классовъ, идущемъ отъ рыцарскихъ временъ, смѣшеніи политики съ религіей, власти духовной съ мірскою, при извѣстныхъ упорныхъ стремленіяхъ этихъ классовъ въ отношеніи русскаго государства, при укоренившейся системѣ суда, полиціи, крестьянскихъ учрежденій, при безземельности крестьянъ, наконецъ, при нетерпимости къ православію, нѣтъ никакой возможности рѣшить вопросъ объ убѣжденіи и свободѣ (такъ называемыхъ) отпадающихъ изъ православія въ лютеранство. Кто будетъ испытывать это убѣжденіе и эту совѣсть и кто будетъ произносить приговоръ? Нельзя же допустить въ этомъ дѣлѣ ту сортировку ихъ, какую предлагаетъ баронъ Мейндорфъ, т. е. по записямъ въ лютеранскихъ спискахъ или по продолжительности исполненія обрядовъ, хотя и потому, что самъ же онъ признаетъ, что многіе изъ нихъ находятся въ состояніи нерѣшительности и нѣкоторые способны, по одному предписанію губернатора о присягѣ, вернуться въ лоно православной церкви», а всѣ могутъ опереться на другое предписаніе губернатора и перестать платить дани и отбывать повинности въ пользу лютеранской церкви, т. е. стать въ сомнительныя отношенія къ этой церкви. Испытанія совѣсти и убѣжденія неизбѣжны; но одно ожиданіе ихъ произвело бы такую борьбу страстей, которая способна въ корнѣ испортить это дѣло и произвести только великій соблазнъ въ населеніи, затруднивши всякую возможность должнаго испытанія и обративъ дѣло Божіе въ людское позорище. А самыя испытанія, а судъ? Не прибѣгнуть ли для этого къ смѣшаннымъ коммисіямъ изъ пасторовъ и священниковъ? . . Можно бы употребить иной пріемъ, напримѣръ,

уволить теперь только такихъ лицъ, которыя заявили себя предъ обѣими сторонами фанатиками лютеранства. Но это подняло бы только форму агитаціи и повело бы только къ болѣе печальнымъ пріемамъ деморализаціи народа. Пока въ народѣ нѣтъ надлежащей устойчивости понятій, нѣтъ увѣренности въ торжествѣ правительственной силы, способной поддержать его въ отношеніи противной силы, пока онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ только органами этой послѣдней силы, дотолѣ люди съ слабою волею (а таковы всѣ эти возвращающіеся въ лютеранство) въ подобныхъ случаяхъ останутся только игрушкою чужихъ страстей. Можно бы еще, напримѣръ, уволить тѣхъ лицъ, которыя, будучи крещены въ православіе, съ дѣтства попали въ науку лютеранскую, воспитаны въ лютеранствѣ, конфирмованы и продолжаютъ вести себя лютеранами. Но это значило бы санкціонировать наименѣе нравственные способы уловленія этихъ лицъ въ лютеранство—въ періодъ наибольшихъ увлеченій, при тѣхъ обстановкахъ, какія представляютъ въ деревняхъ конфирмаціи съ сборищемъ дѣвицъ и парней въ самой первой порѣ юности, въ теченіе шести недѣль, съ увеселеніями, усердно устраиваемыми отъ мызъ именно со времени возникновенія страстной заботы о возвращеніи въ лютеранство. Вообще, какой бы ни былъ избранъ способъ для коренного или даже для частнаго рѣшенія вопроса объ «отпавшихъ», результатъ выйдетъ одинъ—вопросъ спутается далеко болѣе и только осложнитъ тѣ затрудненія, какія онъ представляетъ теперь. Опытъ прошлаго царствованія слишкомъ поучителенъ. Что могло быть проще увольненія изъ православнаго вѣдомства нѣсколькихъ десятковъ лицъ, попавшихъ въ православные списки по недоразумѣнію, которое легко было провѣрить? Между тѣмъ, это простое дѣло послужило набатомъ къ возбужденію такихъ страстей, которыя взволновали умы въ народѣ и съ которыми правительство 20 лѣтъ боролось безплодно. Слишкомъ достаточно выяснилось въ этотъ періодъ, что забота объ «отпадающихъ» прикрываетъ только мірскія стремленія представительныхъ классовъ и питаетъ только политическія страсти ихъ, что всякія уступки въ этомъ вопросѣ только увеличиваютъ притязанія, что прямая цѣль ихъ—поголовное возвращеніе всѣхъ эстовъ и латышей изъ православія въ лютеранство. Съ другой стороны,

выяснилось, что отпадающіе—невольныя жертвы этихъ страстей. Тѣ же толпы, которыя «на колѣняхъ», «со слезами» умоляли графа Бобринскаго объ увольненіи ихъ въ лютеранство, чрезъ три мѣсяца потомъ умоляли архіепископа Платона объ огражденіи ихъ отъ насилій и притѣсненій за вѣру со стороны владѣльческихъ и правящихъ классовъ въ краѣ. «Мызники поступаютъ съ нами весьма тяжко . . за принятіе православной вѣры . . . Намъ, единовѣрцамъ Государя, весьма тяжко»—говоритъ архіепископу выбранный тысячною толпою, явившеюся, подъ предводительствомъ полицейской власти, просить объ увольненіи ея въ лютеранство, и затѣмъ вся толпа бросилась цѣловать руки архіепископа, прося его благословенія, а чиновники полицейскіе бросились отгонять ее отъ архипастыря. Приходятъ около 40 человѣкъ изъ другихъ мѣстъ и просятъ архіепископа отпустить ихъ въ лютеранство». «А знакома вамъ лютеранская вѣра»? спрашиваетъ ихъ архіепископъ. Нѣкоторые молча думали и сказали: «Не знаемъ». Орднунгсрихтеръ настойчиво проситъ утомленнаго архіепископа выйти и выслушать народъ, собравшійся на дворѣ. Едва появился онъ предъ народомъ, какъ изъ толпы выступаетъ крестьянинъ и кричитъ: «вы меня можете разрубить на куски, но я не хочу оставаться въ русской вѣрѣ». «Было видно, замѣчаетъ при этомъ очевидецъ, что это лицо подкуплено врагами православія». По дорогѣ 14-ти-лѣтній мальчикъ умильно глядитъ на архіепископа и обращаетъ на себя его вниманіе. Узнавъ, что онъ православный, архіепископъ спрашиваетъ его, не желаетъ ли и онъ перейти въ лютеранство? «Мальчикъ, улыбаясь, отвѣчалъ утвердительно», замѣчаетъ тотъ же очевидецъ. Пасторъ скрывается въ толпѣ и возбуждаетъ ее съ крикомъ о возвращеніи въ лютеранство, а узнанный и выданный самою толпою дерзко обращается къ архіепископу и требуетъ указать, кто выдалъ его, а орднунгсрихтеръ сталъ угрожать наказаніемъ тѣмъ лицамъ, которыя указали пастора. Въ толпѣ присутствуютъ лютеране и, выдавая себя жертвами православія, кричатъ о возвращеніи ихъ въ лютеранство [1]). Въ этихъ примѣрахъ—живой отвѣтъ на всѣ способы, которые могли бы быть употреблены

[1]) Изъ записокъ Полякова, напечат. въ Прибалтійск. Сборникѣ Т. III, стр. 335—345.

для оцѣнки убѣжденій «отпадающихъ». И эта простодушная толпа, и этотъ подкупленный фанатикъ, и этотъ мальчикъ веселый, и эти подставные православные, желающіе вернуться въ лютеранство, все это слишкомъ убѣдительно, чтобы повторять подобные пріемы.

«Въ настоящую пору, когда, по случаю вновь возникшаго обращенія въ православіе массами, снова разгораются въ краѣ старыя страсти, было бы едва ли не опаснѣе ставить вопросъ объ отпавшихъ. Жалобы на притѣсненія православныхъ съ особенною силою возобновились, намѣренія угнетателей становятся упорнѣе и смѣлѣе. Слѣдствіе, произведенное ревельскимъ вице-губернаторомъ, доказываетъ, что эти угнетенія—не вспышка, но система, не плодъ захолустнаго дворянскаго произвола, но расчетъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, занимающихъ высокое положеніе. До 12 пасторовъ уже привлекаемо было къ отвѣтственности за проступки противъ православія, а пасторъ Брандтъ высланъ изъ края. Иностранные евангелическіе союзы получаютъ изъ края побужденіе къ вмѣшательству въ дѣла его и уже на дѣлѣ открывается это вмѣшательство. Евангелическія газеты въ Европѣ поднимаютъ всевозможныя клеветы на правительство и на православіе. Все это достаточно говоритъ, что было бы крайне неполитично въ настоящее время ставить вопросъ объ отпадающихъ отъ православія—въ общемъ ли его составѣ, или въ частномъ видѣ.

«Что касается нѣкоторыхъ затрудненій, вызываемыхъ распоряженіями губернатора объ отпадающихъ отъ православія, то надобно полагать, что та же администрація, которая встрѣтится съ этими затрудненіями, не преминетъ или дать соотвѣтственныя разъясненія подчиненнымъ ей властямъ, или войдетъ съ ходатайствомъ къ высшему правительству о разъясненіи и разрѣшеніи того или другого отдѣльнаго случая».

III. Записка президента евангелическо-лютеранской генеральной консисторіи, излагающая точку зрѣнія прибалтійскихъ нѣмцевъ.

Борьба взглядовъ на дѣло обратнаго перехода въ лютеранство продолжалась и въ 1891 году. Президентъ евангелическо-лютеранской консисторіи, по порученію тогдашняго Министра Внутрен-

нихъ Дѣлъ И. Н. Дурново, составилъ особую записку съ изложеніемъ всего вопроса. Она приводится ниже полностью.

«Высочайшими повелѣніями 26 Іюля и 8 Августа 1885 г. господство православной церкви возстановлено въ полной силѣ, наравнѣ съ остальными частями Имперіи, также и въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской. Несомнѣнно, что всѣ вѣрноподданные—и православныя власти, и протестантскіе учрежденія и пасторы—обязаны твердо и неуклонно слѣдовать по пути, указанному этими Высочайшими повелѣніями. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по чрезвычайной важности этого дѣла, необходимо разъяснить возникающія на практикѣ весьма серьезныя сомнѣнія и недоразумѣнія, при существованіи которыхъ едва ли возможно точное исполненіе Монаршей воли [1]).

«Сомнѣнія эти обусловливаются прежними мѣропріятіями правительства по упомянутому предмету.

«Какъ извѣстно, въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, значительное число лютеранъ прибалтійскихъ губерній, преимущественно Лифляндской, присоединилось къ православію. Но затѣмъ, вскорѣ послѣ присоединенія, въ средѣ присоединившихся стало обнаруживаться стремленіе къ возвращенію къ евангелическо- лютеранской вѣрѣ. Правительство примѣняло къ нимъ первоначально во всей строгости общіе законы Имперіи о господствѣ православной церкви, ограждаемой, между прочимъ, безусловнымъ воспрещеніемъ отступленія отъ православія и обязанностью крестить и воспитывать въ правилахъ православной церкви всѣхъ вообще дѣтей, рождающихся отъ лицъ православнаго исповѣданія или отъ смѣшанныхъ ихъ браковъ съ лицами другихъ исповѣданій. Вскорѣ, однако, правительство стало отступать отъ этой строгости. Послабленія эти выражались сначала въ видѣ отдѣльныхъ частныхъ разрѣшеній крестить и воспитывать дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ по обрядамъ лютеранскаго исповѣданія. Независимо отъ сего, въ 1863 г. (П. С. З., № 39706), было

---

[1]) Такъ всегда бывало, что исполненіе Высочайшей воли въ Прибалтійскомъ краѣ встрѣчало непреодолимыя препятствія. Объ этомъ много свѣдѣній дано еще Самаринымъ въ его «Окраинахъ Россіи». *Прим. составителя.*

разъяснено, что въ Прибалтійскихъ губерніяхъ незаконнорожденные младенцы должны быть окрещиваемы по обряду того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежатъ лица, долженствующія, по закону или по собственному желанію, имѣть о нихъ попеченіе. Затѣмъ, послѣ командировки въ Прибалтійскій край, для разслѣдованія въ немъ религіознаго вопроса, Свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіора графа Бобринскаго, 15 Марта 1865 г. въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: при совершеніи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ браковъ между лицами православнаго и протестантскаго исповѣданій, впредь не требовать установленныхъ ст. 67 ч. I т. X Свод. Зак. предбрачныхъ подписокъ на счетъ крещенія и воспитанія дѣтей, отъ сихъ браковъ рожденныхъ, въ правилахъ православнаго исповѣданія. Значеніе этого Высочайшаго повелѣнія, само по себѣ существенное, было еще усилено инструкціею, данною въ 1866 г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Статсъ-Секретаремъ Валуевымъ, протестантскому духовенству Прибалтійскихъ губерній, для точнаго руководства упомянутымъ повелѣніемъ. Въ инструкціи этой было, между прочимъ, сказано: «дѣти, происходящія отъ браковъ, заключенныхъ въ Остзейскихъ губерніяхъ между лицами православнаго и протестантскаго вѣроисповѣданій, могутъ быть, по желанію родителей, крещены протестантскими проповѣдниками по обряду евангелической церкви и воспитываемы въ правилахъ сей вѣры. При этомъ пасторы не должны опасаться взысканій, опредѣленныхъ законами за исправленіе какой либо изъ духовныхъ требъ и наставленіе въ иновѣрческомъ исповѣданіи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ иновѣрцами, потому что заключающіяся въ законахъ о семъ постановленія къ вышеозначеннымъ бракамъ, въ губерніяхъ Остзейскихъ совершеннымъ, не имѣютъ болѣе примѣненія».

«Высочайшее повелѣніе 1865 г. касалось непосредственно одного только вопроса о крещеніи и воспитаніи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ. Но и къ самому возвращенію въ протестантскую церковь тѣхъ мѣстныхъ прибалтійскихъ жителей, съ ихъ потомствомъ, которые присоединились къ православію, центральное Правительство и мѣстные Генералъ-Губернаторы: кн. Суво-

ровъ, баронъ Ливенъ, Альбединскій, графъ Барановъ и, въ особенности, графъ Петръ Шуваловъ относились такъ мягко, что въ снисходительности этой, въ связи съ духомъ Высочайшаго повелѣнія 1865 г., нельзя было не усматривать косвеннаго правительственнаго разрѣшенія на уклоненіе упомянутыхъ лицъ отъ православія. Затѣмъ, въ 1874 г., это косвенное разрѣшеніе облеклось въ положительную и совершенно несомнѣнную форму. Въ семидесятыхъ годахъ новый прибалтійскій Генералъ-Губернаторъ кн. Багратіонъ, не раздѣлявшій взглядовъ своихъ предмѣстниковъ, возбудилъ нѣсколько дѣлъ противъ лифляндскихъ пасторовъ за совершеніе требъ надъ уклонявшимися отъ православія. лифляндская консисторія отказала въ привлеченіи этихъ пасторовъ къ отвѣтственности. Вопросъ переданъ былъ на разсмотрѣніе генеральной консисторіи, которая, съ своей стороны, признавала отказъ лифляндской консисторіи неосновательнымъ и неправильнымъ. Но прежде чѣмъ таковое заключеніе генеральной консисторіи было приведено въ исполненіе, въ Бозѣ почившему Государю Императору благоугодно было, согласно съ заключеніемъ особаго совѣщанія, созваннаго подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Адъютанта графа Петра Шувалова, 22 Іюля 1874 г. Всемилостивѣйше повелѣть: прекратить всѣ дѣла о преслѣдованіи евангелическо-лютеранскихъ пасторовъ за совершеніе требъ надъ уклонявшимися отъ православія латышами и эстами, возникшія или начатыя производствомъ до 22 Іюля 1874 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было впредь не давать хода подобнымъ дѣламъ безъ особаго, каждый разъ, разрѣшенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; разрѣшеній же Министерствомъ до восьмидесятыхъ годовъ даваемо не было.

«По затруднительности предмета, во всѣхъ вышеуказанныхъ постановленіяхъ Правительства и косвенной его терпимости заключалось, конечно, немало недомолвокъ и неясностей. Но, если сдѣлать изъ нихъ общій безпристрастный выводъ, то нельзя не придти къ заключенію, что съ шестидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія само Правительство признавало, что въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ видѣ изъятія изъ общаго правила о господствѣ православной церкви, дозволялось протестантамъ, присоединив-

шимся къ православію, возвращаться съ ихъ потомствомъ къ исповѣданію протестантской вѣры, а также крестить и воспитывать по протестантскому исповѣданію какъ своихъ нисходящихъ, такъ и дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ.

«Съ 1883 г. направленіе Правительства стало измѣняться. Сперва въ этомъ и послѣдующихъ годахъ нѣсколько прибалтійскихъ пасторовъ привлечено было вновь къ отвѣтственности за совершеніе требъ надъ уклоняющимися отъ православія; затѣмъ 26 Іюля 1885 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, которымъ возстановлена также и для Прибалтійскихъ губерній въ полной силѣ ст. 67 ч. I т. X Свод. Зак., о предбрачныхъ подпискахъ; наконецъ, Высочайшимъ повелѣніемъ 8 Августа того же года отмѣнена инструкція, данная въ 1866 г. Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ для руководства Высочайшимъ повелѣніемъ 1865 г., и предписано объявить духовенству Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерній, что совершеніе браковъ безъ соблюденія правилъ о предбрачныхъ подпискахъ и нарушеніе этихъ подписокъ, внесеніемъ въ лютеранскія метрическія книги дѣтей, происходящихъ отъ смѣшанныхъ браковъ, будетъ преслѣдуемо по Уложенію о Наказаніяхъ. Эти Высочайшія повелѣнія касаются непосредственно одного только вопроса о совершеніи смѣшанныхъ браковъ и крещенія дѣтей, отъ нихъ рождающихся. Но если сопоставить ихъ съ вышеизложеннымъ, то нельзя не признать, что смыслъ ихъ шире и заключается въ окончательной отмѣнѣ всѣхъ изъятій и снисхожденій, которыя допускались съ шестидесятыхъ годовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, эти повелѣнія понимаются и примѣняются. Возражать противъ правильности примѣненія ихъ на будущее время въ этомъ именно смыслѣ, было бы, очевидно, недопустимо, потому что такова основная мысль Верховнаго Правительства съ начала нынѣшняго царствованія. Но возможно ли вмѣстѣ съ тѣмъ отнимать у прежнихъ поколѣній то, что въ свое время уже даровано имъ волею въ Бозѣ почившаго Государя Императора? Иными словами, возможно ли придавать нынѣшнимъ мѣропріятіямъ *обратную* силу, воспрещая и преслѣдуя, напр., какъ уже неоднократно случалось, крещеніе по протестантскому обряду дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, заключенныхъ

до 1885 г., безъ выдачи предбрачныхъ подписокъ, или же совершеніе по этому обряду браковъ и другихъ требъ надъ такими прибалтійскими жителями, которые сами или родители которыхъ *до* 1885 г., т. е. при дѣйствіи прежнихъ, допускавшихся самимъ Правительствомъ порядковъ, возвратились уже въ лютеранскую церковь? По всей справедливости, подобныя нарушенія дарованныхъ правъ едва ли могутъ быть допускаемы. Это противорѣчило бы какъ духу основныхъ законовъ (ст. 60), не придающихъ вновь изданнымъ узаконеніямъ обратной силы, такъ и бывшему уже въ законодательствѣ нашемъ примѣру по вопросу, вполнѣ тождественному съ настоящимъ и указанному въ примѣчаніи къ ст. 67 ч. I т. X о бракахъ разновѣрныхъ лицъ въ Западныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ. До 1832 г., дѣтей отъ этихъ браковъ слѣдовало крестить и воспитывать на основаніи условій брачнаго контракта, при отсутствіи же таковыхъ: сыновей—по вѣрѣ, къ которой принадлежалъ отецъ, а дочерей—по вѣрѣ матери. Затѣмъ, указомъ 23 Ноября 1832 г., распространена была также и на эти браки сила общихъ дѣйствующихъ въ Имперіи узаконеній. Тѣмъ не менѣе, въ 1834 г. Святѣйшимъ Синодомъ разъяснено, что сила указа 1832 г. простирается на тѣ только браки, которые заключены *послѣ* распубликованія этого указа; относительно же крещенія и воспитанія дѣтей отъ браковъ, совершенныхъ *прежде* обнародованія помянутаго правительственнаго распоряженія, сохраняютъ силу прежнія правила. Такимъ образомъ, съ одной стороны—справедливость, а съ другой—основной нашъ законъ и даже разъясненіе Святѣйшаго Синода побуждаютъ разрѣшить возникшія по настоящему вопросу сомнѣнія въ томъ смыслѣ, что Высочайшія повелѣнія 1885 г. не должны имѣть обратной силы. Къ тому же выводу приводятъ и соображенія практическія, обусловливающія возможность исполненія закона.

«По Уложенію о Наказаніяхъ, за отступленіе отъ православія подлежатъ преслѣдованію не только священнослужители, соучаствовавшіе въ совершеніи отступленія, но и лица, на которыхъ было возложено по закону наблюденіе за отступившими,—ихъ родители, мужья, опекуны и т. д., а также сами отступившіе. Эти послѣдніе должны быть отсылаемы къ православному духовному

начальству, для увѣщанія, вразумленія и поступленія съ ними по правиламъ церковнымъ; впредь до возвращенія отступившихъ въ православіе, имъ должно быть воспрещаемо жительство въ имѣніяхъ ихъ, населенныхъ православными, самыя же имѣнія подлежатъ опекѣ; если у отступившихъ есть малолѣтніе дѣти, то о мѣрахъ къ охраненію православія ихъ должно быть представляемо Его Императорскому Величеству; въ случаѣ же отступленія родителей отъ обязанности крестить и воспитывать дѣтей своихъ въ вѣрѣ православной, дѣти должны быть отдаваемы на воспитаніе родственникамъ православнаго исповѣданія или за неимѣніемъ таковыхъ, назначаемымъ для сего опекунамъ также православной вѣры, родители же—подвергаемы заключенію въ тюрьмѣ (Улож. о Наказ., ст. 188 и 190; Уст. пр. и пр. Прест., ст. 38 и 39).

Примѣненіе этихъ требованій закона къ единичнымъ случаямъ возможно безъ существенныхъ затрудненій; относительно же многихъ тысячъ оно способно вызвать непреоборимыя трудности. Между тѣмъ, въ одной Лифляндской губерніи насчитывается болѣе 35.000 лицъ, до 1885 г., на вышеуказанныхъ основаніяхъ, уклонившихся отъ православія. Изслѣдованіемъ, произведеннымъ въ 1886 г. лифляндскою консисторіею, число ихъ опредѣлено въ 35.165; свѣдѣніями же, собранными въ 1890 г. лифляндскимъ Губернаторомъ, ихъ насчитано лишь 18.803. Но противорѣчіе это только кажущееся. Свѣдѣнія Губернатора почерпнуты изъ метрическихъ книгъ и исповѣдныхъ росписей православныхъ церквей, въ которыхъ могутъ содержаться данныя объ уклоненіи отъ православія лишь такихъ лицъ, которыя уже приняли православіе; консисторія же имѣла въ виду также и дѣтей, рожденныхъ отъ уклонившихся отъ православія или отъ смѣшанныхъ браковъ, дѣти же эти, съ самаго рожденія окрещенныя по обряду протестантской вѣры, значатся лишь въ книгахъ протестантскихъ церквей, въ православныя же метрики никогда вносимы не были, вслѣдствіе чего православные священники не могли имѣть о нихъ никакихъ свѣдѣній. Лицъ первой категоріи консисторія насчитала 18.848, а Губернаторъ—18.803. Это почти полное согласіе цифръ, почерпнутыхъ изъ разныхъ источниковъ, служитъ ручательствомъ ихъ достовѣрности тѣмъ болѣе, что незначительная

разница въ 45 лицъ можетъ быть объяснена не только единичными ошибками, всегда возможными въ подобномъ дѣлѣ, но и перемѣнами, послѣдовавшими въ промежутокъ времени между обоими переписями, т. е. съ 1886 по 1890 г. Засимъ и принимая во вниманіе, что лицъ второй категоріи, т. е. дѣтей, крещенныхъ по протестантскому обряду, консисторія насчитала 16.317, нельзя не прійти къ безошибочному заключенію, что число уклонившихся отъ православія должно быть въ одной Лифляндской губерніи опредѣлено въ 35.000. Къ этой цифрѣ слѣдуетъ еще присоединить лицъ, до 1885 г. отступившихъ отъ православія въ Эстляндской и Курляндской губерніяхъ, число которыхъ, впрочемъ, не особенно значительно.

«При такой крупной численности уклонившихся, изъ коихъ большинство десятками лѣтъ, а многіе съ самаго рожденія открыто и съ соизволенія [1]) Правительства исповѣдывали протестантскую вѣру, очевидно, что понужденіе ихъ нынѣ принять ученіе церкви православной могло бы быть сопряжено съ тѣмъ большими трудностями, что и въ правилахъ православной церкви и въ предписаніяхъ закона, начало господства этой церкви неразрывно связано съ указаніями о недопущеніи какихъ либо съ ея стороны непосредственныхъ принужденій. Если, какъ сказано въ ст. 70 Уст. пред. и прес. прест., господство православной церкви въ Россіи выражается въ томъ, что она одна имѣетъ право въ предѣлахъ государства убѣждать непринадлежащихъ къ ней подданныхъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ, то, съ другой стороны, въ той же статьѣ оговорено: «но сія вѣра порождается благодатію Господнею, поученіемъ, кротостію и болѣе всего добрыми примѣрами. Посему Господствующая Церковь не дозволяетъ себѣ ни малѣйшихъ понудительныхъ средствъ при обращеніи послѣдователей иныхъ исповѣданій и вѣръ къ православію, и тѣмъ изъ нихъ, кои приступить къ нему не желаютъ, отнюдь ничѣмъ не угрожаетъ, поступая по образу проповѣди Апостольской».

---

[1]) См. записку К. П. Побѣдоносцева, изъ коей явствуетъ, что «соизволенія правительства» никогда никакого не было.

Прим. составителя.

«Если, согласно съ приведенною статьею закона, Правительство будетъ воздерживаться отъ понудительныхъ средствъ къ возвращенію вышеуказанныхъ лицъ къ православію, но въ то же время не разъяснитъ, что лица эти могутъ, не боясь преслѣдованій, оставаться протестантами, то возникнутъ затрудненія другого рода, не менѣе существенныя. До сихъ поръ мѣстные пасторы совершали для этихъ лицъ требы. Коль скоро, однако, будетъ твердо установлено, что всѣ эти лица и ихъ потомство должны быть несомнѣнно признаваемы православными, то отношеніе къ нимъ пасторовъ вѣроятно измѣнится. Слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что пасторы, при такомъ положеніи дѣла, памятуя свою обязанность точно соблюдать существующій законъ и волю Правительства, перестанутъ исправлять для указанныхъ лицъ духовныя требы. Но если, съ одной стороны, этимъ установится въ дѣятельности пасторовъ полная законность, столь желательная и необходимая, то съ другой—болѣе 35.000 лицъ и ихъ нисходящіе останутся безъ всякаго церковнаго призрѣнія. Они будутъ вступать въ брачныя сожительства безъ благословенія церкви; дѣти ихъ будутъ лишены правъ законнорожденныхъ и святого крещенія, или же надъ ними будетъ лишь совершаемъ лицомъ свѣтскимъ обрядъ, такъ называемаго, крещенія *по нуждѣ;* устраняемыя отъ причащенія Св. Таинъ и другихъ священнодѣйствій лица эти, и послѣ смерти, будутъ, подобно самоубійцамъ, лишены христіанскаго погребенія, такъ какъ протестантскіе проповѣдники не будутъ въ правѣ совершать надъ ними этого обряда. Очевидно, что подобное полное разобщеніе многихъ тысячъ людей съ церковью не могло бы не вызвать пагубныхъ послѣдствій не только въ религіозномъ, но и въ государственномъ отношеніи.

«Такимъ образомъ, не въ однихъ лишь интересахъ справедливости. но и въ видахъ государственной предусмотрительности представляется въ высшей степени желательнымъ разрѣшить возникшее сомнѣніе въ смыслѣ устраненія обратной силы Высочайшихъ повелѣній 1885 года.

«Въ заключеніе, остается еще выяснить вопросъ о наиболѣе цѣлесообразномъ и удобномъ способѣ осуществленія сего.

«Въ 1888 г., при разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ дѣла о предоставленіи Министру Внутреннихъ Дѣлъ права временно удалять отъ должности лицъ лютеранскаго духовенства, высказано было, между прочимъ, предположеніе о возложеніи на Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ видахъ устраненія существующихъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ религіозныхъ недоразумѣній, обязанности новой регистраціи жителей этихъ губерній по вѣроисповѣданіямъ. Но, для означенной цѣли, въ подобной новой регистраціи, во всякомъ случаѣ весьма сложной и способной вызвать напрасные волненія и соблазны, едва ли представляется надобность. Всякое принятіе въ протестантскую церковь, какимъ бы способомъ оно ни совершалось,—крещеніемъ, конфирмаціею, причащеніемъ Св. Тайнъ, совершеніемъ брака или простымъ разрѣшеніемъ [1]) свѣтскаго начальства на изъявленное намѣреніе перехода въ упомянутую церковь,—вносится въ подлежащія протестантскія церковныя книги, съ точнымъ обозначеніемъ времени перехода. Засимъ, въ каждомъ данномъ случаѣ дѣйствительность возвращенія подлежащаго лица въ протестантскую церковь или крещенія ребенка по обряду той церкви до 8 Августа 1885 г. и при условіяхъ, соотвѣтствующихъ изъятіямъ, допускавшимся до этого времени, можетъ быть точно провѣрена на основаніи указанныхъ книгъ. Точно также заключеніе до 8 Августа 1885 г. смѣшаннаго брака безъ выдачи предбрачной подписки можетъ быть несомнѣнно удостовѣрено православнымъ духовнымъ начальствомъ, такъ какъ выдаваемыя подписки представляются епархіальному архіерею. Въ виду сего, для устраненія обратной силы Высочайшихъ повелѣній 1885 г., казалось бы достаточнымъ разъяснить, что дѣйствіе подлежащихъ статей Уложенія о наказаніяхъ, сила которыхъ возстановлена въ 1885 г. также и для Прибалтійскихъ губерній, не распространяется на тѣ уклоненія, которыя, по удостовѣренію церковныхъ книгъ и духовнаго начальства, послѣдовали до 8 Августа 1885 г. на основаніи допускавшихся въ то время изъятій. Подобное разъясненіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ подать повода къ злоупотребленіямъ. Запись въ проте-

[1]) Интересно сравнить эти «способы» возвращенія до разрѣшенія свѣтскаго начальства (изъ прибалтійцевъ?) съ изложеніемъ К. П. Побѣдоносцева.

Прим. составителя.

стантскія книги заднимъ числомъ немыслима уже изъ за одной строгости наказаній за подлоги. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду вышеуказаннаго согласія цифръ, почерпнутыхъ изъ православныхъ и протестантскихъ церковныхъ книгъ, предполагать между ними разнорѣчіе трудно; а если бы даже оно, тѣмъ не менѣе, въ единичныхъ случаяхъ и могло встрѣтиться, то судъ, на разборъ котораго дѣло поступитъ, всегда имѣлъ бы полную возможность установить время и условія уклоненія. Невозможно ожидать отъ предлагаемаго разъясненія также и злоупотребленій въ смыслѣ подстрекательствъ къ уклоненію отъ православія и отговоровъ отъ присоединенія въ нему, такъ какъ, для предупрежденія ихъ, достаточно, при редактированіи разъясненія, соблюсти грань, строго отдѣляющую по Уложенію о наказаніяхъ всѣ случаи совращенія изъ православнаго вѣроисповѣданія и препятствованія кому либо присоединиться къ нему добровольно, отъ простого допущенія православныхъ, по собственному желанію, къ причащенію или другимъ священнодѣйствіямъ, совершаемымъ по обряду протестантской церкви. И до Высочайшихъ повелѣній 1885 г. дозволялось только подобное допущеніе; всѣ же виды совращенія изъ православія и препятствованія кому либо присоединиться къ нему были и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ столь же мало терпимы Правительствомъ *до* 1885 г., какъ и послѣ того. Засимъ изъ предполагаемаго разъясненія слѣдовало бы выдѣлить всѣ статьи Уложенія, касающіяся случаевъ послѣдняго рода; за оставленіемъ же этихъ статей карательнаго закона въ полной силѣ не только на будущее, но и за прошлое время, отпадало бы само собою предположеніе, что разъясненіе могло бы въ чемъ либо поколебать твердость убѣжденія, что и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ протестантской церкви и ея членамъ всегда строго воспрещались и воспрещаются и впредь всѣ виды прозелитизма.

На основаніи приведенныхъ соображеній казалось бы необходимымъ разъяснить, что дѣйствіе статей 188, 190, 192, 193, 194, 1575 и 1576 ст. Ул. о нак. не распространяется:

1) на тѣхъ жителей Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній протестантскаго исповѣданія, которые, присоединившись къ православію, впослѣдствіи, но не позднѣе 8 Августа

1885 г., возвратились снова, по удостовѣренію церковныхъ книгъ, къ протестантскому вѣроисповѣданію;

2) на нисходящихъ ихъ, окрещенныхъ по протестантскому обряду, а также на дѣтей, родившихся отъ смѣшанныхъ браковъ лицъ православнаго и протестантскаго исповѣданій, заключенныхъ въ упомянутыхъ губерніяхъ, по удостовѣренію православнаго духовнаго начальства, до 8 Августа 1885 г., безъ выдачи предбрачныхъ подписокъ, установленныхъ 67 ст. 1 ч., X т., и

3) на протестантскихъ проповѣдниковъ указанныхъ губерній и такихъ ихъ жителей, на коихъ были возложены закономъ наблюденіе и попеченіе за лицами, означенными въ предыдущихъ двухъ пунктахъ, если ими оказано содѣйствіе къ отступленію этихъ лицъ отъ православія или окрещенію ихъ по протестантскому обряду, или же не принято зависящихъ отъ нихъ по закону мѣръ для воспрепятствованія сему, но въ тѣхъ только случаяхъ, когда, на основаніи вышеизложеннаго, самыя лица, въ предыдущихъ пунктахъ указанныя, не подлежатъ отвѣтственности».

IV. Письмо И. Н. Дурново кн. С. В. Шаховскому объ отмѣнѣ его циркуляра въ огражденіе православія, отъ 12 Ноября 1893 г., за № 6526.

И. Н. Дурново, какъ это извѣстно изъ книги «Изъ архива кн. С. В. Шаховскаго», сталъ на точку зрѣнія примирительной политики съ прибалтійскими нѣмцами во чтобы то ни стало; это и выразилось, между прочимъ, въ его письмѣ къ кн. Шаховскому, который, въ качествѣ Эстляндскаго Губернатора, издалъ коммисарамъ циркуляръ слѣдующаго содержанія:

Циркуляръ г. Эстляндскаго Губернатора гг. коммисарамъ по крестьянскимъ дѣламъ Эстляндской губерніи.

«Архіепископъ Рижскій и Митавскій Арсеній, отношеніемъ отъ 29 Сентября с. г.[1]), за № 5557, увѣдомилъ меня, что Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ 12 Марта 1891 г. въ кассаціонномъ порядкѣ дѣло Валкскаго пастора Леціуса, признаннаго С.-Петербург-

[1]) 1893 г.

скою судебною палатою виновнымъ въ томъ, что 20 Марта 1888 г. въ г. Валкѣ совершилъ бракосочетаніе по обрядамъ лютеранской церкви между Иваномъ Петерсономъ и Евдокіею Пооля—лицами, принадлежащими въ силу закона къ православному исповѣданію, при дальнѣйшемъ обсужденіи этого дѣла, разъяснилъ слѣдующія руководящія начала: 1) что, на основаніи 162 ст. улож., вина отпавшихъ отъ православія въ иное христіанское вѣроисповѣданіе не показывается давностью, какъ безпрерывно продолжающаяся, доколѣ они не обратятся къ долгу; что, согласно этой статьѣ, наше законодательство смотритъ на отступленіе отъ православія, какъ на состояніе не только незаконное, но и преступное, и что присоединеніе православнаго къ другому вѣроисповѣданію, являясь дѣйствительно преступнымъ, какъ со стороны присоединяющаго, такъ и присоединеннаго, не можетъ создать законной принадлежности послѣдняго къ этому вѣроисповѣданію со всѣми проистекающими изъ этой принадлежности законными послѣдствіями; 2) что, по силѣ 1, 25, 31 и другихъ статей т. X, ч. 1 и ст. 26 уст. дух. конс., законные браки между лицами православнаго вѣроисповѣданія, или между православными и другого вѣроисповѣданія должны быть совершаемы православными священниками; 3) что, на основаніи ст. 26 уст. дух. конс., считается недѣйствительнымъ бракъ православнаго съ иновѣрнымъ, какъ скоро онъ не былъ совершенъ православнымъ священникомъ; 4) что браки, совершаемые пасторами между означенными лицами, не только недѣйствительны, но и преступны и совершаются съ явнымъ злоупотребленіемъ власти. Соображенія приведенныхъ законоположеій и мотивовъ сенатскаго рѣшенія явно свидѣтельствуютъ: 1) что совершенные или совершаемые пасторами браки между лицами православнаго вѣроисповѣданія не могутъ быть принимаемы какимъ либо учрежденіемъ за дѣйствительные, имѣющіе законную силу, но даже должны быть почитаемы за преступные; 2) что дѣти отъ такихъ браковъ, какъ браковъ недѣйствительныхъ, преступныхъ, должны обозначаться подъ именами (фамиліями) матерей, т. е. внѣбракорожденными, если только отцами ихъ не приняты какія либо другія, кромѣ вступленія въ законный дѣйствительный бракъ, мѣры къ присвоенію дѣтямъ своихъ именъ. Между тѣмъ, при сравненіи Гайнажскимъ, Лифлянд-

ской губерніи, священникомъ Метусомъ въ Оренгофскомъ волостномъ правленіи, Перновскаго уѣзда, въ присутствіи писаря и помощника волостного старшины, 16 минувшаго Августа, волостныхъ списковъ со списками Гайнажскаго прихода, оказалось, какъ доноситъ о. Метусъ Рижской духовной консисторіи въ рапортѣ отъ 2 Сентября сего года, за № 129, что правленіе волости Оренгофъ держится иного взгляда: браки, кои Правительствующій Сенатъ признаетъ не только недѣйствительными, но и преступными, означенное волостное правленіе признаетъ за дѣйствительные и законные, что явствуетъ изъ слѣдующаго: крестьяне Георгій Пеетовъ Генникъ, православнаго исповѣданія, и Анна Прицова Эйкенъ обозначены въ волостныхъ спискахъ женатыми, имѣющими троихъ дѣтей,—между тѣмъ означенныя лица въ православной церкви не повѣнчаны; крестьянка Елена Андреева Кохвъ и крестьянинъ Михаилъ Іоанновъ Адамсонъ, оба православнаго исповѣданія, значатся въ спискахъ волости женатыми, имѣющими законныхъ дѣтей,—но лица эти повѣнчаны не православнымъ священникомъ, а лютеранскимъ пасторомъ, и т. д. до 20 случаевъ. Что волостное правленіе, держась такого рода порядка записей, руководствуется не удобствомъ какимъ либо, а намѣреніемъ, вопреки основнымъ государственнымъ законамъ, придавать въ глазахъ крестьянъ характеръ законности тѣмъ бракамъ, кои не только недѣйствительны, но и преступны, видно изъ слѣдующаго: 1) дѣтей, родившихся отъ означеннаго рода незаконныхъ сожительствъ, правленіе записываетъ не подъ именемъ матери, какъ слѣдовало, а отца, хотя послѣднимъ и не принято другихъ, помимо вступленія въ законный, дѣйствительный бракъ, мѣръ къ присвоенію дѣтямъ своихъ именъ; подъ именемъ отца же дѣтямъ этимъ выдаются паспорты и призываются они къ отправленію воинской повинности; 2) женщинамъ, находящимся въ незаконномъ сожительствѣ, правленіе присваиваетъ имена (фамиліи) мужчинъ, наравнѣ съ происходящимъ при вступленіи въ бракъ законный; такъ напримѣръ, вышеобозначенная дѣвица Елена Андреевна Кохвъ въ спискахъ волости значится уже не подъ таковымъ именемъ, но—Елены Андреевой Адамсонъ. Не говоря о томъ, насколько законно пользуется волостное правленіе правомъ передѣлки именъ и присваиванія однихъ—другимъ,

правомъ, принадлежащимъ лишь Высшей Власти, это стремленіе приравнивать во всѣхъ отношеніяхъ браки недѣйствительные, преступные, бракамъ дѣйствительнымъ и законнымъ, это приравниваніе: 1) развращаетъ православныхъ, находящихся подъ экономическимъ, либо другимъ вліяніямъ лютеранскихъ помѣщиковъ и дворохозяевъ, побуждая ихъ къ отступленію отъ православія и обращенію къ пастору за совершеніемъ обряда бракосочетанія и другихъ требъ; 2) укрѣпляетъ уклонившихся въ томъ ложномъ мнѣніи, что браки ихъ дѣйствительны и законны съ точки зрѣнія закона, и тѣмъ способствуетъ упорству ихъ относительно возвращенія въ лоно православія; 3) умаляетъ значеніе вообще закона въ глазахъ народа, коему извѣстны вышеприведенныя законоположенія на основаніи разъясненій священника, давая возможность заключенія, что, если такое ограниченное въ правахъ учрежденіе, какъ волостное правленіе, можетъ не обращать вниманія на основные законы государства и разъясненія Правительствующаго Сената, дѣлать это можетъ и частный человѣкъ. Вслѣдствіе вышеизложеннаго, предлагаю Вашему Высокоблагородію предписать всѣмъ волостнымъ правленіямъ ввѣреннаго Вамъ участка: 1) отнюдь не обозначать въ волостныхъ спискахъ лютеранами лицъ, по закону принадлежащихъ къ православному исповѣданію, но совратившихся въ лютеранство; 2) не писать законными супругами лицъ православнаго исповѣданія, или православнаго и иновѣрнаго исповѣданія, не представившихъ свидѣтельства православнаго священника о повѣнчаніи въ православной церкви, а вопреки п. 3, ст. 67, т. X, ч. 1, изд. 1887 г. и § 26 уст. дух. конс., повѣнчанныхъ по лютеранскому обряду, и 3) не писать лицъ женскаго пола, упомянутыхъ въ предыдущемъ пунктѣ, подъ фамиліями тѣхъ мужчинъ, съ коими онѣ живутъ, а обозначать подъ фамиліями ихъ отцовъ, а равнымъ образомъ дѣтей отъ такихъ недѣйствительныхъ браковъ писать подъ фамиліею матери, а не сожителя ея [1]).

Вслѣдствіе этого циркуляра, представленнаго Лифляндскимъ Губернаторомъ Зиновьевымъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ

---

[1]) Распубликованъ въ «Эстляндскихъ Губ. Вѣд. »въ № 42 отъ 22 Октября 1893 г.

Дурново и обратился къ кн. Шаховскому со слѣдующимъ письмомъ [1]):

«Лифляндскій Губернаторъ довелъ до моего свѣдѣнія, что въ минувшемъ Октябрѣ Вашимъ Сіятельствомъ даны относительно лицъ, уклоняющихся отъ православной церкви, разъясненія такого рода, которыя могутъ создать затрудненія по вѣроисповѣдному вопросу во многихъ мѣстностяхъ Балтійскаго края.

«Изъ помѣщеннаго въ № 42 Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей циркулярнаго предписанія Вашего Сіятельства, отъ 16 Октября сего года, коммисарамъ по крестьянскимъ дѣламъ оказывается, что Вы, Милостивый Государь, по поводу донесенія одного изъ православныхъ священниковъ Лифляндской губ. своему епархіальному начальству о томъ, что волостныя правленія этой губерніи въ спискахъ населенія отмѣчаютъ законными такіе браки, кои незаконно повѣнчаны лютеранскими пасторами, предлагаете коммисарамъ предписать всѣмъ волостнымъ правленіямъ Эстляндской губерніи: 1) не обозначать въ волостныхъ спискахъ лютеранами лицъ, по закону принадлежащихъ къ православному исповѣданію, но совратившихся въ лютеранство; 2) не писать законными супругами лицъ православнаго исповѣданія или православнаго и иновѣрнаго исповѣданій, не представившихъ свидѣтельства православнаго священника о повѣнчаніи въ православной церкви, а повѣнчанныхъ по лютеранскому обряду, и 3) не писать лицъ женскаго пола, упомянутыхъ въ предыдущемъ пунктѣ подъ фамиліями ихъ отцовъ, а равнымъ образомъ дѣтей отъ такихъ недѣйствительныхъ браковъ писать подъ фамиліею матери.

«По разсмотрѣніи настоящаго дѣла оказывается, что вопросъ объ отпавшихъ отъ православія въ лютеранство, не представляя существеннаго значенія для Эстляндской губ., въ виду незначительности числа проживающихъ въ оной отступниковъ, имѣетъ чрезвычайную важность въ Лифляндской губ., гдѣ число уклоняющихся достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ душъ. Въ виду этого приведенное распоряженіе Вашего Сіятельства ставитъ въ весьма затруднительное положеніе Лифляндскаго Губернатора, такъ какъ

[1]) Отъ 12 Ноября 1893 г., за № 6526.

Генералъ-Лейтенантъ Зиновьевъ послѣдовать примѣру Вашему не можетъ, какъ потому, что по закону волостныя правленія не имѣютъ права опредѣлять гражданское состояніе лицъ и повѣрять правильность метрическихъ записей, такъ и потому, что подобная мѣра не соотвѣтствовала бы указаніямъ высшаго Правительства, послѣдовавшимъ именно по Лифляндской губ. о несвоевременности принятія какихъ либо коренныхъ мѣръ для разрѣшенія вопроса объ уклоняющихся. Такимъ образомъ, упомянутый циркуляръ Вашего Сіятельства не соотвѣтствуетъ ни закону, ни взглядамъ и намѣреніямъ высшаго Правительства. Кромѣ того, я нахожу, что онъ можетъ повести къ напрасному раздраженію мѣстнаго населенія и, наконецъ, что его изданіе не оправдывается потребностями управленія Эстляндской губ., такъ какъ въ этой губерніи никакого вопроса о неправильномъ веденіи волостныхъ списковъ не возникало.

«По всеподданнѣйшему моему докладу о вышеизложенномъ, Государь Императоръ, въ 10 день текущаго Ноября, Высочайше повелѣть соизволилъ поставить Ваше Сіятельство въ извѣстность, что приведенное распоряженіе Ваше неправильно, и что Вамъ слѣдуетъ дать коммисарамъ по крестьянскимъ дѣламъ конфиденціальныя указанія объ оставленіи циркулярнаго предписанія Вашего отъ 16 Октября сего года безъ исполненія.

«О таковой Высочайшей волѣ имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, для зависящихъ распоряженій. 12 Ноября 1893 г., за № 6526».

V. Отвѣтъ князя Шаховскаго, отъ 17 Ноября 1893 г., за № 200.

«Вслѣдствіе секретнаго письма отъ 12 сего Ноября, за № 6526, имѣю честь сообщить Вашему Высокопревосходительству, что изложенная въ немъ Высочайшая воля мною исполнена, и коммисарамъ по крестьянскимъ дѣламъ даны конфиденціальныя указанія объ оставленіи безъ исполненія циркулярнаго предписанія моего отъ 16 Октября сего года.

«Крайне огорченный Высочайшимъ неодобреніемъ моихъ дѣйствій, позволяю себѣ просить разрѣшенія Вашего Высокопревосходительства доложить Вамъ обстоятельства, относящіяся до изданія упомянутаго циркуляра.

«Изъ сравненія прилагаемыхъ при семъ, копіи отношенія Архіепископа Рижскаго, отъ 29 Сентября сего года, за № 5557, и текста циркуляра коммисарамъ, напечатаннаго въ № 42 Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, усматривается полная ихъ тождественность. Я ограничился лишь исполненіемъ просьбы епархіальнаго начальства объ оказаніи коммисарами содѣйствія въ дѣлѣ, относящемся къ предметамъ вѣдомства православнаго исповѣданія, и съ своей стороны не прибавилъ ни одного слова для измѣненія или дополненія распоряженія, признаннаго Архіепископомъ въ интересахъ ввѣренной ему паствы необходимымъ. Изъ этого Ваше Высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что обвиненіе меня Лифляндскимъ Губернаторомъ въ томъ, что я будто бы издалъ самостоятельное распоряженіе по поводу донесенія одного изъ православныхъ священниковъ Лифляндской губерніи своему епархіальному начальству,—не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

«Вопросъ объ уклоняющихся несомнѣнно имѣетъ для Лифляндской губерніи гораздо большее значеніе, чѣмъ для Эстляндской, но и во ввѣренной мнѣ губерніи этотъ вопросъ нарождается, и, въ случаѣ пассивнаго къ нему отношенія, легко можетъ въ будущемъ принять угрожающіе для православной церкви размѣры. Въ виду этого я не могъ считать обращенную ко мнѣ Архіепископомъ просьбу не относящейся до той части Рижской епархіи, которая находится въ предѣлахъ ввѣренной мнѣ губерніи.

«Не могъ я также, вопреки мнѣнію Генералъ-Лейтенанта Зиновьева, усмотрѣть въ текстѣ просимаго Архіепископомъ распоряженія что либо незаконное, или способное раздражить мѣстное населеніе.

«Во первыхъ, распоряженіе это основано на указѣ и разъясненіяхъ Правительствующаго Сената.

«Во вторыхъ, отъ волостныхъ правленій отнюдь не требовалось, какъ неправильно утверждаетъ Генералъ-Лейтенантъ Зиновьевъ, «опредѣленія гражданскаго состоянія лицъ и повѣрки правильности метрическихъ записей». Волостные старшины по закону обязаны вести посемейные списки всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ волостному обществу и дѣлать въ нихъ отмѣтки, соотвѣтственно измѣненіямъ, происшедшимъ въ личномъ и семейномъ положеніи членовъ

*

общества (имя, фамилія, годъ рожденія, вѣроисповѣданіе, бракъ, смерть и проч.). Форма этихъ посемейныхъ списковъ, въ установленномъ порядкѣ изданная, одинакова во всѣхъ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ которыхъ дѣйствуетъ одно и то же Волостное Положеніе 19 Февраля 1866 г. Она ни въ чемъ моимъ циркулярнымъ распоряженіемъ не измѣнена, и на волостныхъ старшинъ не возложено никакихъ новыхъ по ея веденію обязанностей; имъ предложено только съ большимъ вниманіемъ относиться къ этимъ и ранѣе лежавшимъ на нихъ обязанностямъ. Если Лифляндскій Губернаторъ не считалъ доселѣ упомянутую форму и дѣйствія волостныхъ старшинъ, обязанныхъ пополнять ее требуемыми свѣдѣніями за «опредѣленіе ими гражданскаго состоянія лицъ и повѣрку правильности метрическихъ записей»—противозаконными, то остается непонятнымъ, на какомъ основаніи онъ даетъ себѣ право называть противозаконнымъ мое распоряженіе, не внесшее никакихъ измѣненій въ эту форму, а подтвердившее лишь необходимость болѣе внимательнаго къ ней отношенія.

«Въ третьихъ, трудно также признать справедливымъ и мнѣніе Генералъ-Лейтенанта Зиновьева о томъ, будто бы мое циркулярное распоряженіе имѣло цѣлью разрѣшить, представляющій столь важное для Лифляндской губерніи значеніе, вопросъ объ уклонившихся и что распоряженіе это можетъ вызвать раздраженіе среди мѣстнаго населенія. Изданное мною распоряженіе, какъ это не можетъ не быть яснымъ, если прочитать его со вниманіемъ, относится не до прошедшаго времени, а до будущаго; оно не устанавливаетъ какихъ либо мѣръ по отношенію къ уклонившимся, или къ исправленію списковъ, въ которыхъ православные, по небрежности волостныхъ старшинъ, отмѣчены лютеранами, а имѣетъ въ виду только предупредить неправильныя со стороны волостныхъ должностныхъ лицъ дѣйствія на будущее время. Трудно поэтому понять, какое раздраженіе и среди какой части населенія могла бы вызвать эта мѣра, относящаяся не до совершившихся явленій, а въ предупрежденіе такихъ, которыя могли бы, въ противномъ случаѣ, наступить.

«Наконецъ, нельзя не обратить въ настоящемъ дѣлѣ вниманія и еще на одно обстоятельство. Предположенная Высокопреосвящен-

нымъ Арсеніемъ мѣра для предупрежденія случаевъ уклоненія относилась одинаково ко всѣмъ частямъ ввѣренной ему епархіи, въ томъ числѣ и къ Лифляндской губерніи. Это не могло не быть извѣстно Лифляндскому Губернатору, какъ изъ письменныхъ, такъ и личныхъ сношеній съ Архіепископомъ, живущимъ въ одномъ съ нимъ городѣ. Если Генералъ-Лейтенантъ Зиновьевъ считалъ эту мѣру противозаконной и опасной, то что могло удержать его отъ своевременнаго сообщенія какъ Архіерею, такъ и мнѣ своихъ по этому дѣлу соображеній. Трудно предположить, чтобы мы не пришли по всестороннемъ выясненіи этого вопроса, къ соглашенію, которое соотвѣтствовало бы дѣйствительнымъ интересамъ дѣла. Только въ такомъ случаѣ, если бы соглашеніе между нами не состоялось, вопросъ этотъ подлежалъ бы перенесенію въ общемъ порядкѣ на разрѣшеніе высшихъ правительственныхъ учрежденій, указанія которыхъ были бы для всѣхъ насъ равно обязательными. Между тѣмъ, Лифляндскій Губернаторъ съ мной по этому дѣлу ни въ какія сношенія не входилъ, хотя времени для этого было болѣе, чѣмъ достаточно, такъ какъ со дня обращенія ко мнѣ Архіерея до дня напечатанія моего распоряженія въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ.

«Представляя вышеизложенныя мои объясненія на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, беру смѣлость ходатайствовать, не признаете ли Вы возможнымъ доложить ихъ Его Императорскому Величеству и тѣмъ облегчить то удрученное мое состояніе, въ которое повергло меня неодобреніе Государемъ моего распоряженія, коему Лифляндскій Губернаторъ придалъ несотвѣтствующее ему значеніе и невѣрное толкованіе».

VI. Дальнѣйшая переписка И. Н. Дурново съ кн. С. В. Шаховскимъ (письмо Дурново отъ 25 Ноября 1893 г., за № 6784, и письмо Шаховскаго отъ 30 Ноября 1893 г., за № 212).

Интересно привести дальнѣйшую переписку И. Н. Дурново съ кн. С. В. Шаховскимъ, въ которой каждый старается отстоять свою точку зрѣнія:

«Въ письмѣ отъ 17 сего Ноября, за № 200, Ваше Сіятельство, сообщая объ обстоятельствахъ, при которыхъ изданъ былъ отмѣнен-

ный нынѣ циркуляръ 16 минувшаго Октября, ходатайствуете о представленіи сихъ разъясненій на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе.

«Изъ означеннаго сообщенія усматривается, что, оставаясь при убѣжденіи въ правильности и законности сдѣланнаго въ циркулярѣ 16 Октября распоряженія, вытекающаго, будто бы, изъ указаній Правительствующаго Сената, Вы, Милостивый Государь, ссылаетесь на то, что мѣра эта принята по настоянію Рижскаго епархіальнаго начальства и должна была получить примѣненіе только на будущее время.

«Охотно признавая, что два послѣднія соображенія могли бы быть приняты во вниманіе при опредѣленіи значенія и послѣдствій допущенной Вами при изданіи помянутаго циркуляра неосмотрительности, я затрудняюсь, тѣмъ не менѣе, о содержаніи Вашего письма довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, такъ какъ доводы, въ немъ излагаемые, направлены къ опроверженію заключеній, легшихъ въ основаніе Высочайшей воли, Вамъ объявленной.

«Съ своей стороны, я считаю необходимымъ сообщить для Вашего свѣдѣнія и руководства, что заключеніями этими установлены въ значеніи непререкаемыхъ фактовъ слѣдующія положенія: 1) недѣйствительность браковъ, заключаемыхъ даже съ нарушеніемъ закона, не можетъ быть устанавливаема волостными правленіями и 2) въ основаніе отмѣтокъ, дѣлаемыхъ волостнымъ начальствомъ о гражданскомъ состояніи подвѣдомственныхъ имъ лицъ, могутъ быть полагаемы только соотвѣтственныя метрическія записи, а не произволъ того или другого должностного лица.

«Въ заключеніе, по поводу сѣтованій Вашихъ на образъ дѣйствій Лифляндскаго Губернатора, я долгомъ считаю замѣтить, что сѣтованія эти лишены, на мой взглядъ, всякаго основанія, такъ какъ при возникающихъ на мѣстахъ сомнѣніяхъ и недоразумѣніяхъ по вопросамъ управленія, обращеніе за изъясненіемъ къ высшей власти представляется во всякомъ случаѣ мѣрою, болѣе желательною, чѣмъ шаткій путь личнаго усмотрѣнія и непосредственныхъ соглашеній».

На это письмо кн. Шаховской отвѣтилъ слѣдующее.

«Всякому обвиняемому принадлежитъ право доказывать правоту своихъ дѣйствій. Я могъ воспользоваться этимъ правомъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, только 17 Ноября, въ письмѣ, за № 200. Убѣдившись нынѣ изъ отвѣта Вашего Высокопревосходительства, отъ 25 Ноября, за № 6784, что присоединенныя мною данныя успѣли только отчасти, а не совсѣмъ, поколебать первоначальный взглядъ Вашъ на значеніе и законность изданнаго мною циркуляра, я считаю себя и нравственно и по долгу службы обязаннымъ еще разъ просить вниманія Вашего Высокопревосходительства къ этому дѣлу, столь близко касающемуся моего и личнаго и служебнаго достоинства.

«Не считая себя, какъ представителя свѣтской власти въ правѣ входить въ оцѣнку мотивовъ, на которыхъ основана была обращенная ко мнѣ Архіепископомъ Рижскимъ просьба о содѣйствіи, что могло бы подлежать сужденію лишь власти духовной, я несу отвѣтственность только за правильность и законность резолютивной части моего циркуляра, преподанной къ исполненію. Правильность же и законность этой резолютивной части усматриваются изъ слѣдующихъ правительственныхъ распоряженій, которыми я руководствовался при изданіи циркуляра.

«1) На обязанность волостныхъ старшинъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ возложено веденіе списковъ лицъ, принадлежащихъ къ подвѣдомственнымъ имъ обществамъ, по формѣ, установленной бывшимъ Генералъ-Губернаторомъ 1 Января 1873 г. и понынѣ сохраняющей свою силу.

«2) На тѣхъ же должностныхъ лицъ циркулярнымъ предложеніемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 8 Февраля 1874 г., за № 6, по соглашенію съ Военнымъ Министромъ, возложено веденіе посемейныхъ списковъ, согласно правиламъ и формѣ, приложеннымъ къ сему циркуляру.

«3) Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, 17 Мая 1882 г., за № 5, предложено Губернаторамъ «принять мѣры къ тому, чтобы посемейные списки волостными правленіями велись въ исправности и надлежащемъ порядкѣ, согласно правиламъ, приложеннымъ къ циркуляру отъ 8 Февраля 1874 г., за № 6».

«4) Циркулярнымъ предложеніемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 16 Января 1885 г., за № 1, согласно опредѣленія Святѣйшаго Синода и отзыва Военнаго Министра, собраніе справокъ изъ метрическихъ книгъ мѣстныхъ церквей для провѣрки посемейныхъ списковъ возложено на волостныхъ старшинъ и писарей, которые должны исполнять эту обязанность въ приличномъ мѣстѣ и въ присутствіи кого либо изъ церковнаго причта.

«5) По соглашенію съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, Военнымъ Министромъ и Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, въ циркулярномъ предложеніи отъ 8 Января 1889 г., за № 19, разъяснено, что подъ словомъ мѣстныя церкви слѣдуетъ разумѣть церкви, находящіяся въ предѣлахъ волости, и что поэтому, если волостнымъ правленіямъ при повѣркѣ посемейныхъ списковъ представится необходимость имѣть въ виду справки изъ метрическихъ книгъ такихъ церквей, которыя находятся за предѣлами волости, то упомянутыя учрежденія должны обращаться съ письменными о семъ требованіями къ подлежащимъ церковнымъ причтамъ.

«Этими правительственными распоряженіями на волостныхъ старшинъ возложено веденіе посемейныхъ списковъ и провѣрка ихъ справками изъ метрическихъ книгъ подлежащихъ церквей. Къ обязанностямъ же Губернаторовъ отнесено принятіе мѣръ къ тому, чтобы посемейные списки велись въ исправности и надлежащемъ порядкѣ.

«Изъ этого, прежде всего, вытекаетъ, что я не только имѣлъ право, но и обязанъ былъ издать циркуляръ, относящійся до исправнаго веденія волостными старшинами посемейныхъ списковъ, коль скоро до моего свѣдѣнія было офиціальнымъ путемъ доведено Архіепископомъ Рижскимъ о допускаемыхъ въ этихъ спискахъ небрежностяхъ и неправильностяхъ, ведущихъ къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Вопросъ объ устраненіи указанныхъ епархіальною властью неисправностей не требовалъ принятія какихъ либо особыхъ мѣръ и разрѣшался на почвѣ вышеприведенныхъ правительственныхъ распоряженій. Все дѣло сводилось къ тому, чтобы подтвердить волостнымъ старшинамъ о необходимости при веденіи семейныхъ списковъ справляться болѣе тщательно съ записями въ метрическихъ книгахъ подлежащихъ церквей,

и чтобы въ отмѣткахъ, касающихся православныхъ членовъ обществъ, они руководствовались книгами православныхъ церквей, а не лютеранскихъ. Эта цѣль настолько ясно была выражена въ просьбѣ, обращенной ко мнѣ Архіепископомъ Арсеніемъ, что признавъ ее законной и подлежащей удовлетворенію, я не счелъ даже нужнымъ измѣнить редакцію, въ которую она была облечена и преподалъ ее въ резолютивной части своего циркуляра въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была архіереемъ предложена.

«Въ виду всего изложеннаго, я рѣшительно не могу понять, въ чемъ же именно заключается незаконность или неправильность моего распоряженія, имѣвшаго цѣлью разъяснить волостнымъ старшинамъ: 1) что лицъ, записанныхъ въ книгахъ православныхъ церквей, не слѣдуетъ въ посемейныхъ спискахъ отмѣчать лютеранами; 2) что отмѣтки о брачномъ состояніи, какъ лицъ православныхъ между собою, такъ и православныхъ съ инославными, должны быть дѣлаемы не ранѣе, какъ такіе браки будутъ записаны въ тѣхъ же метрическихъ книгахъ; 3) что отсутствіе такихъ записей въ метрическихъ книгахъ православныхъ церквей лишаетъ волостного старшину права отмѣчать указанныхъ выше лицъ состоящими въ законномъ бракѣ и ихъ дѣтей законными.

«Я дѣйствительно сѣтовалъ и продолжаю сѣтовать на Лифляндскаго Губернатора за то, что онъ поспѣшилъ принести Вашему Высокопревосходительству жалобу на незаконное, будто бы, мое распоряженіе, не снесясь предварительно со мной. Я счелъ бы себя обязаннымъ въ такомъ случаѣ сообщить Генералъ-Лейтенанту Зиновьеву вышеприведенныя правительственныя распоряженія и полагаю, что онъ этимъ бы удовлетворился, и предметомъ соглашенія между нами и Архіепископомъ могла бы быть только редакціонная сторона распоряженія.

«Въ заключеніе имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство снабдить меня, въ виду циркулярнаго предложенія предмѣстника Вашего, отъ 17 Мая 1882 г., за № 5, указаніями, чѣмъ надлежитъ мнѣ и коммисарамъ по крестьянскимъ дѣламъ руководствоваться въ тѣхъ случаяхъ, когда волостные старшины будутъ допускать въ веденіи посемейныхъ списковъ неправильности, указанныя Рижскимъ Архіепископомъ».

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ И. Н. Дурново, не соглашаясь съ мнѣніемъ кн. Шаховского, преподалъ ему слѣдующее разъясненіе, снявшее съ очереди вѣроисповѣдный вопросъ:

«Вслѣдствіе письма отъ 30 минувшаго Ноября, за № 212, имѣю честь увѣдомить Ваше Сіятельство, что циркулярное распоряженіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 17 Мая 1882 г., послѣдовавшее въ видахъ обезпеченія правильнаго отбыванія воинской повинности, должно быть неуклонно исполняемо подвѣдомственными сему Министерству присутственными мѣстами и должностными лицами. Само собою, однако, разумѣется, что помянутымъ мѣстамъ и лицамъ, при исполненіи обязанностей, симъ распоряженіемъ на нихъ возлагаемыхъ, слѣдуетъ оставаться въ предѣлахъ той задачи, которая имѣлась въ виду при изданіи циркуляра 17 Мая 1882 г. и которая состоитъ въ томъ, чтобы упорядочить регистрацію свѣдѣній, до воинской повинности относящихся, и устранить этимъ путемъ всякія замѣшательства въ отбываніи означенной повинности.

«Не останавливаясь на томъ соображеніи, что примѣненіе отмѣненнаго циркуляра 16 Октября сего года создало бы именно такого рода замѣшательства, я вынужденъ обратить вниманіе Вашего Сіятельства на то, что заявляемое Вами нынѣ мнѣніе относительно преемственной связи между этимъ циркуляромъ и тѣми правительственными распоряженіями, кои упоминаются въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ, совершенно несостоятельно. Помянутыя распоряженія, какъ это явствуетъ изъ ихъ изложенія, имѣютъ въ виду заботу о правильномъ отбываніи воинской повинности, Вашъ же циркуляръ касался вѣроисповѣднаго вопроса, причемъ обязывалъ волостныя правленія устанавливать такіе факты гражданскаго состоянія, для удостовѣренія которыхъ требуется закономъ цѣлый рядъ распоряженій духовной, судебной и административной власти.

«Признавъ полезнымъ дать Вамъ эти указанія исключительно въ видахъ разъясненія серьезнаго значенія допущенной Вами при изданіи циркуляра 16 Октября неосторожности, я имѣю честь просить Васъ, Милостивый Государь, не возвращаться болѣе въ

перепискѣ со мною къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ его изданіе и отмѣну».

VII. Записка бар. Мейендорфа 1895 г. о положеніи религіозныхъ дѣлъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Въ 1895 г. баронъ Мейендорфъ вновь подалъ всеподданнѣйшую записку о нуждахъ населенія Лифляндской губерніи и по вопросу объ уклонившихся въ лютеранство православныхъ. Въ этой запискѣ съ настойчивостью, отличающей прибалтійскихъ нѣмцевъ во всѣхъ ихъ стремленіяхъ, баронъ Мейендорфъ добивается признанія правительствомъ нѣмецкой точки зрѣнія на вопросъ. Вотъ эта записка

«Въ числѣ правъ, дарованныхъ краю Императоромъ Петромъ Великимъ при покореніи Лифляндіи, стояло во главѣ, въ пунктѣ 1-мъ капитуляціи 4 Іюля 1710 г., сохраненіе и защита евангелическо-лютеранской вѣры. Пунктомъ 10-мъ мирнаго трактата отъ 30 Августа 1721 г. было затѣмъ установлено, что и православная вѣра точно также должна быть отправляема свободно и безпрепятственно. Благодаря созданной такимъ образомъ равноправности обоихъ вѣроисповѣданій, миръ и согласіе царили въ области церкви въ теченіе послѣдующихъ 130 лѣтъ. Ни съ той, ни съ другой стороны не было жалобъ ни на посягательства, ни на прозелитизмъ. Рѣзкая перемѣна произошла въ этомъ отношеніи въ началѣ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Побуждаемые умышленно распространяемыми слухами, будто Правительство намѣрено надѣлить землями и даровать другія мірскія выгоды тѣмъ крестьянамъ, которые перейдутъ въ православіе, десятки тысячъ лифляндскихъ крестьянъ, безъ знанія ученія православной церкви и въ числѣ ихъ многіе несовершеннолѣтніе, присоединялись къ этой церкви. Господствовавшій въ то время въ Лифляндіи голодъ и осложненія въ барщинныхъ условіяхъ способствовали этому движенію. Когда голодъ прекратился и, наконецъ, Правительство объявило, что новообращенные не получатъ тѣхъ мірскихъ выгодъ, на которыя они надѣялись, то наступила реакція, и большинство перешедшихъ въ православіе начало требовать все съ большею и большею настойчивостью вновь присоединенія къ своей прежней церкви.

Когда же имъ было объявлено, что такое возвращеніе не допускается, то они, оставаясь чуждыми православной церкви, сами стали крестить своихъ дѣтей, совершая, такъ называемую, Nothtaufe по лютеранскому обряду; тайно добывали себѣ причащеніе въ лютеранскихъ церквахъ, становясь, безъ предварительнаго заявленія лютеранскому пастору, въ ряды причащающихся и безъ церковнаго вѣнчанія ограничивались заявленіемъ въ волостныхъ судахъ, что вступили въ брачное сожительство.

«Въ виду этихъ осложненій, Правительство признало нужнымъ разслѣдовать положеніе дѣла. По Высочайшему повелѣнію для этой цѣли былъ командированъ Флигель-Адъютантъ графъ Бобринскій, который во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, представленномъ въ 1864 г. Его Величеству въ Бозѣ почившему Императору Александру II, изложилъ обнаруженныя имъ вопіющія бѣдствія. Вслѣдствіе сего, для устраненія самыхъ настоятельныхъ осложненій, въ особенности для предотвращенія брачнаго сожительства безъ церковнаго обвѣнчанія,—воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе отъ 15 Марта 1865 г., коимъ для Остзейскихъ губерній отмѣнено было требованіе предбрачныхъ обязательныхъ подписокъ при совершеніи смѣшанныхъ браковъ о крещеніи и воспитаніи дѣтей въ православномъ исповѣданіи. Этою мѣрою, однако, только частью было предоставлено облегченіе; религіозныя бѣдствія большинства обращенныхъ въ православіе и отпавшихъ отъ него не прекратились. При такихъ обстоятельствахъ, лютеранскіе пасторы не находили согласнымъ съ требованіями совѣсти отказывать жаждущимъ въ духовной пищѣ. Многочисленные обращенные въ православіе и отпавшіе отъ него и дѣти ихъ, по личному ихъ настоянію, принимали Святыя Таинства по евангелическо-лютеранскому обряду и, такимъ образомъ, фактически вновь возвращались въ лоно лютеранской церкви.

«Лифляндская евангелическо-лютеранская консисторія, которая достовѣрно знала, что проповѣдники далеки отъ цѣлей пропаганды и что они уступали лишь настоятельной необходимости, вслѣдствіе невыносимыхъ религіозныхъ осложненій и бѣдствій, сочла своею обязанностью, точно и ничего не скрывая, изложить передъ Правительствомъ дѣйствительное положеніе дѣла. Неодно-

кратно лифляндская евангелическо-лютеранская консисторія (послѣдній разъ въ 1874 г.) доносила Генералъ-Губернатору, что изъ 105 лифляндскихъ пасторовъ—93—будутъ подлежать карѣ уголовнаго закона за совершеніе церковныхъ требъ для лицъ, формально принадлежащихъ къ православной церкви. При такомъ положеніи, 22 Іюня того же 1874 г., послѣдовало Высочайшее повелѣніе, предписавшее прекратить всѣ судебныя преслѣдованія, возбужденныя по такимъ поводамъ противъ евангелическо-лютеранскихъ проповѣдниковъ. Этимъ было вызвано въ населеніи вполнѣ основательное убѣжденіе, что возврату въ лютеранскую церковь лютеранъ, перешедшихъ въ православіе, но внутренно оставшихся ему чуждыми, не ставится никакихъ препятствій и, при явномъ допущеніи правительства, происходило усиленное обратное теченіе отпавшихъ отъ православія въ лютеранскую церковь. Такимъ образомъ казалось, что въ скоромъ времени церковнымъ бѣдствіямъ наступитъ конецъ.

«Событія начала 80-хъ годовъ уничтожили эту надежду. Начиная съ этого времени стали приниматься самыя строгія мѣры для прекращенія этого обратнаго теченія въ лютеранскую церковь. Закономъ 22-го Іюня 1885 г. было возстановлено отбираніе обязательныхъ предбрачныхъ подписокъ при смѣшанныхъ бракахъ о крещеніи дѣтей въ православной церкви, и противъ пасторовъ возбужденъ былъ рядъ судебныхъ преслѣдованій. Съ этого времени въ одной только Лифляндской губерніи возбуждено было 178 уголовныхъ дѣлъ противъ пасторовъ, такъ что только немногіе изъ общаго числа лютеранскихъ проповѣдниковъ не подверглись уголовному преслѣдованію. Многочисленные приходы лишились своихъ пастырей на болѣе или менѣе продолжительное время; дѣльные и пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ проповѣдники лишились навсегда своихъ должностей и были высланы изъ Лифляндіи. Еще и теперь не всѣ такія уголовныя дѣла окончены, и значительное число присужденій не подходитъ подъ дѣйствіе Всемилостивѣйшаго Манифеста 14 Ноября 1894 г. Послѣдствія этихъ судебныхъ преслѣдованій, продолжающихся уже болѣе десяти лѣтъ, какъ и слѣдовало предвидѣть, оказались весьма печальными. Если уже и безъ того было трудно удовлетворить духовнымъ потребностямъ нарастающаго

населенія вслѣдствіе незначительности числа проповѣдниковъ, то теперь въ этомъ отношеніи возникли чрезвычайныя затрудненія. Во многихъ приходахъ въ сущности не было никакого духовнаго попеченія, и въ школахъ ощущался такой же недостатокъ въ религіозномъ уходѣ за учащимися. Такое положеніе является причиною ослабленія въ послѣднее время подобающаго вліянія церкви и школы и проявленія въ молодомъ поколѣніи одичалости и разнузданности, выражающихся въ увеличеніи преступленій всякаго рода.

«Принятіе строгихъ карательныхъ мѣръ противъ лютеранскихъ проповѣдниковъ не могло быть вызвано обвиненіемъ ихъ въ пропагандѣ. Разслѣдованія доказали неосновательность такого обвиненія и подтвердили, что пропаганда чужда лютеранской церкви, такъ какъ основа ея—свобода вѣроисповѣданія.

«Но не могли же пасторы отказывать въ духовномъ обслуживаніи тѣхъ лицъ, которыя у нихъ же конфирмовались и пріобщались, которыя частью ими же были по лютеранскому обряду окрещены или повѣнчаны, причемъ лица эти открыто заявляли, что желаютъ принадлежать къ лютеранской церкви и только по ея обряду принимать Святые Дары; не могли пасторы взять на себя отвѣтственность за такой отказъ, ни передъ Богомъ, ни передъ своею совѣстью. Единственно отъ этого понудительнаго положенія произошли всѣ религіозныя бѣдствія, прекратить кои можетъ только Царская Милость.

«Если, съ одной стороны, какъ упомянуто, всякая пропаганда чужда лютеранскимъ проповѣдникамъ, то съ другой—было много поводовъ, удерживающихъ отъ возврата въ лютеранскую церковь отступниковъ православія и побороть эти удерживающія отъ отступничества условія могло лишь внутреннее, самое глубокое и самое сильное религіозное убѣжденіе. Каждому лифляндскому крестьянину извѣстно, что при переходѣ въ православіе онъ освобождается отъ всѣхъ платежей и повинностей въ пользу евангелическо-лютеранской церкви, и что при возвращеніи въ нее онъ долженъ опять въ нихъ участвовать, а между тѣмъ повинность эта не мала, такъ какъ лютеранская церковь и ея церковныя учрежденія содержатся исключительно на средства лютеранской части населенія. Обстоятельство это, очевидно, не можетъ быть безразличнымъ при населеніи, изъ

котораго многія тысячи, преслѣдуя мірскія выгоды, уклонились въ другую церковь. Не меньшее вліяніе на уменьшеніе отступничества отъ православной церкви оказываетъ постепенное вытѣсненіе лютеранъ отъ большинства должностей и мѣстъ, замѣщеніе которыхъ зависитъ отъ Правительства, вслѣдствіе чего отступающіе отъ православія затрудняли для себя и дѣтей доступъ къ этимъ мѣстамъ. Наконецъ, отступникамъ отъ православія угрожаютъ весьма тяжелыя мѣропріятія по отношенію ихъ семьи. Бывали случаи, что родители, крестившіе своихъ дѣтей по лютеранскому обряду, были присуждены къ тюремному заключенію, дѣти же были отъ нихъ отобраны; заключенные по лютеранскому обряду браки между отступниками отъ православія были объявляемы недѣйствительными. Послѣдствіемъ такого положенія является незаконность дѣтей, родившихся отъ смѣшанныхъ браковъ до отмѣны силы закона объ обязательствахъ, отбираемыхъ при такихъ бракахъ, спорность правъ этихъ дѣтей на наслѣдство и другія тяжелыя послѣдствія.

«Очевидно, что возможность такихъ послѣдствій должна была вселять страхъ. Тѣмъ сильнѣе представляется, однако, внутреннее религіозное бѣдствіе, если, несмотря на такія угрожающія условія, большая часть отпавшихъ отъ православія, число которыхъ въ Лифляндіи достигаетъ 35.000, открыто заявляетъ желаніе принадлежать къ лютеранской церкви.

«Если задаться вопросомъ, что выиграла православная церковь отъ такого положенія дѣла, то очевидно, что послѣдствія не могли быть для нея благопріятными. Эти принудительно удерживаемые въ ней прихожане вредятъ жизни прихода, а число такихъ отступниковъ значительно. Добровольные переходы въ православіе именно въ послѣдніе годы стали особенно рѣдки, послѣ того какъ населенію стало яснымъ, что переходящіе въ православіе связываютъ свою совѣсть и совѣсть своихъ дѣтей на вѣчныя времена. Отъ церковныхъ осложненій страдаетъ мирный трудъ, который долженъ быть главною задачею всѣхъ вѣроисповѣданій въ церкви и въ школѣ. Именно въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда либо, необходимо, чтобы обѣ церкви трудились рука объ руку для предотвращенія возрастающей одичалости нравовъ и преступности.

«Страна жаждетъ религіознаго мира, который можетъ наступить лишь тогда, когда всѣмъ удрученнымъ притѣсненіемъ совѣсти будетъ дозволено свободно присоединиться къ тому вѣроисповѣданію, къ которому они принадлежатъ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ».

VIII. Выписка изъ отзыва Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева, отъ 20 Іюля 1895 г., за № 4226.

Въ объясненіе этой записки барона Мейендорфа, приводимъ выписку изъ отзыва Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева, отъ 20 Іюля 1895 г., за № 4226.

«Въ доставленной мнѣ выпискѣ изъ записки барона Мейендорфа излагаются тѣ-же мысли, дѣлаются тѣ-же выводы и выражаются тѣ-же желанія, которыя излагались съ большими или меньшими подробностями въ его заявленіяхъ предмѣстнику Вашего Высокопревосходительства, въ Ноябрѣ 1886 г. и въ Февралѣ 1887 г., а также и въ запискѣ, представленной въ 1890 г. Вамъ. И въ этой запискѣ, какъ и въ предыдущихъ, баронъ Мейендорфъ ходатайствуетъ о предоставленіи уклонившемуся изъ православія въ лютеранство населенію Прибалтійскихъ губерній право свободно и открыто исповѣдывать лютеранскую вѣру, а лютеранскимъ пасторамъ безпрепятственно совершать для этого населенія требоисправленія, не подвергая ихъ за это судебному преслѣдованію.

«Изъ сообщенныхъ мною, въ отзывахъ отъ 4 Марта 1887 г., за № 1116, и отъ 17 Февраля 1892 г., за № 29, подробныхъ соображеній по поводу записокъ барона Мейендорфа Вашему Высокопревосходительству извѣстно, насколько неосновательны заявленія его по данному вопросу и неудобоисполнимы его ходатайства. Въ настоящее же время я не могу не обратить вниманія на произвольное отношеніе барона Мейендорфа къ дѣйствительнымъ, несомнѣннымъ фактамъ. Такъ, въ послѣдней своей запискѣ, онъ говоритъ, что «большая часть отпавшихъ отъ православія, число которыхъ въ Лифляндіи достигаетъ 35.000 (въ запискахъ 1886 и 1887 г.г. число отпавшихъ показано 50.000, а въ запискѣ 1890 г. до 30.000), открыто заявляетъ желаніе принадлежать къ лютеранской церкви. «Между тѣмъ, Преосвященный Рижскій, съ своей стороны, сообщаетъ, что еще въ 1891 г.

Духовная Консисторія, желая уяснить дѣйствительную цифру уклонившихся изъ православія въ лютеранство, циркулярно предписала всѣмъ приходскимъ священникамъ тщательно провѣрить число уклоняющихся въ лютеранство по каждому приходу и удостовѣриться—всѣ ли уклоняющіеся въ лютеранство состоятъ на лицо, нѣтъ ли въ числѣ ихъ уже умершихъ, выселившихся изъ края во внутрь Россіи, или перешедшихъ на жительство въ другіе приходы, и, составивъ именные списки съ необходимыми поясненіями, представить ихъ въ Консисторію. Эти списки окончательно составлены и представлены были лишь въ 1893 г. Изъ собранныхъ такимъ путемъ свѣдѣній оказалось, что дѣйствительное число уклонившихся отъ православія въ лютеранство составляетъ 15.222 человѣка, и что главная масса ихъ приходится на Лифляндскую губернію, а на Эстляндскую и Курляндскую самая незначительная часть. Но уклоненія эти произошли въ давнее время. «Нынѣ-же уклоненія изъ православія въ лютеранство бываютъ единичныя, а возвращенія въ лоно православія можно считать десятками. Въ 1893 г. (послѣдній годъ, за который представленъ Преосвященнымъ Рижскимъ отчетъ о состояніи епархіи) присоединено по Рижской епархіи изъ лютеранства къ православію 1041 человѣкъ». По замѣчанію Преосвященнаго, православіе въ Прибалтійскомъ краѣ постепенно растетъ, пріобрѣтая себѣ больше и больше сочувствія населенія. При обозрѣніи Преосвященнымъ епархіи съ особенною наглядностью обнаружилось это сочувствіе. Даже лютеране во множествѣ встрѣчали его, съ особеннымъ вниманіемъ и интересомъ слушали его бесѣды и наравнѣ съ православными подходили подъ благословеніе.

По отзыву нѣкоторыхъ благочинныхъ, лютеране охотно читаютъ издаваемыя въ православномъ духѣ книги, посѣщаютъ православное богослуженіе, чтятъ православные праздники и обращаются нерѣдко къ православнымъ священникамъ съ просьбою помолиться о болящихъ и умирающихъ.

«Позволительно предположить, не это ли укрѣпленіе православія въ краѣ составляетъ новость для барона Мейендорфа и поводъ къ его ходатайствамъ.

«Во всякомъ случаѣ, я, съ своей стороны, полагалъ-бы, что по отношенію къ уклоняющимся изъ православія въ лютеранство

слѣдуетъ держаться прежней системы дѣйствій, одобренной въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ III (это одобреніе выражено въ отчетѣ Лифляндскаго Губернатора за 1890 г.), т. е. дальнѣйшее разрѣшеніе религіозныхъ затрудненій въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, производимыхъ существованіемъ уклоняющихся, предоставить времени, новымъ условіямъ, созданнымъ въ краѣ послѣдними реформами и, наконецъ, вліянію на уклоняющихся со стороны православнаго духовенства и вообще попеченію о нихъ православной церкви».

Выписка изъ всеподданнѣйшаго отчета Лифляндскаго Губернатора за 1885 г. о вѣроисповѣдномъ вопросѣ.

«Далеко не въ такомъ благопріятномъ положеніи, какъ вопросъ о языкѣ, является вопросъ вѣроисповѣдный. Послѣ 1840 и 1845 гг., когда возсоединилось съ православіемъ значительное число крестьянъ, началось, подъ давленіемъ дворянства и духовенства, обратное движеніе православныхъ въ лютеранскую вѣру. Движеніе это выражалось тѣмъ, что многіе изъ возсоединенныхъ крестьянъ перестали ходить въ православную церковь, начали являться на конфирмацію къ пасторамъ, у нихъ же совершали бракосочетаніе, дѣтей своихъ крестили по лютеранскому обряду и т. д. При такомъ положеніи дѣла число православныхъ въ губерніи начало быстро уменьшаться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ губерніи, кромѣ лютеранъ и православныхъ, появился третій классъ людей: *православныхъ, уклоняющихся въ лютеранство*. Эта часть населенія, безъ сомнѣнія, дастъ со временемъ не мало затрудненій Правительству. Находясь, такъ сказать, между двумя церквами, уклоняющіеся по большей части не исполняютъ требъ, ни по православному обряду, отъ каковаго они отговариваются пасторами, ни по лютеранскому, вслѣдствіе страха наказаній, налагаемыхъ за отпаденіе отъ православной вѣры. Такимъ образомъ, они понемногу совершенно теряютъ религіозное чувство и становятся атеистами.

«Положеніе дѣлъ еще ухудшается неправильно совершаемыми бракосочетаніями, отъ которыхъ путаются гражданскія отношенія этой части населенія. Очень часто уклоняющіеся совершаютъ браки по лютеранскому обряду, каковые браки должны быть признаны

незаконными, равно какъ и дѣти, отъ этихъ браковъ происходящія. Большое количество этихъ браковъ и дѣтей грозитъ величайшимъ замѣшательствомъ во всемъ строѣ гражданскихъ отношеній страны, отражаясь на правахъ этого класса людей по наслѣдству, по отправленію воинской повинности, на имущественной и гражданской ихъ правоспособности и т. д. Такихъ уклоняющихся считается въ настоящее время въ губерніи до 8.711 душъ, но, по всей вѣроятности, число ихъ значительно болѣе.

«Главнѣйшій корень этого зла заключается въ томъ, что лютеранскіе пасторы и консисторіи не признаютъ въ Лифляндской губерніи православную вѣру за господствующую, а считаютъ таковою вѣру лютеранскую. Они отрицаютъ примѣнимость въ губерніи всего отдѣла русскаго законодательства, ограждающаго православную вѣру, и законамъ этимъ не хотятъ подчиняться. По мнѣнію ихъ, каждое лицо, конфирмованное по лютеранскому обряду, тѣмъ самымъ переходитъ въ лоно лютеранской церкви, по какому бы обряду оно крещено ни было и въ какой бы метрической книгѣ его рожденіе ни было записано. Въ то же время обязанностью пастора считаютъ они принять на конфирмацію каждое лицо, которое за этимъ къ нему обращается.

«Существованіе такого убѣжденія въ Лифляндской губерніи становится совершенно естественнымъ, если припомнить исторію вѣроисповѣднаго вопроса въ губерніи за послѣднее десятилѣтіе. Не говоря уже о тѣхъ насильственныхъ мѣрахъ, которыя вскорѣ послѣ 1845 г. употребляли лифляндскіе высшіе классы для подавленія народнаго стремленія къ переходу въ православіе, не безъ вѣдома, а иногда и не безъ содѣйствія мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, пасторы, нисколько не стѣсняясь статьями Уложенія о наказаніяхъ, грозящими карою за совращеніе и совершеніе требъ надъ православными, съ самаго начала стали нарушать эти статьи. Они были увѣрены въ своей безнаказанности, указывая на то, что статьи эти не могутъ быть обязательны для Лифляндской губерніи, гдѣ до 1845 г. православныхъ совершенно не было. Прикрываясь ученіемъ о полной вѣротерпимости и свободѣ выбора вѣроисповѣданія, сами они нарушали его безпрестанно, пользуясь своимъ политическимъ и экономическимъ положеніемъ для производства дав-

ленія на православныхъ, съ цѣлью побудить ихъ къ отступничеству. Таковое давленіе производили и помѣщики, и судъ, и органы крестьянской администраціи, и въ особенности непосредственно состоящія при пасторахъ лица, какъ-то: кистеры, форминдеры, сельскіе учителя и т. п. Въ то же время пасторы старались выставить въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ весь отдѣлъ русскаго законодательства, ограждающій права православной церкви, укоряя эти законы въ крайней отсталости и варварствѣ. Пользуясь самыми разнообразными и могущественными орудіями для производства давленія на Правительство, не пренебрегая никакими средствами для доставленія торжества своему ученію, они успѣли сдѣлать его популярнымъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и, наконецъ, добились отмѣны закона о предбрачныхъ подпискахъ, поколебавъ такимъ образомъ господствующее въ Имперіи положеніе православной церкви. Вскорѣ послѣдовало еще новое распоряженіе, въ силу котораго прекращались и оставлялись безъ послѣдствій всѣ до сего времени возникшіе процессы по обвиненію пасторовъ (ихъ всего было 93) въ преступленіяхъ противъ православной вѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Лифляндскому губернатору было предложено отнынѣ не возбуждать дѣлъ противъ проповѣдниковъ по такимъ преступленіямъ безъ особаго на каждый случай разрѣшенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Мѣра эта, существующая и понынѣ, ясно показываетъ, что Прибалтійскія губерніи по отношенію къ вѣроисповѣднымъ законамъ находятся въ исключительномъ положеніи, что Правительство само пришло къ убѣжденію, что здѣсь православной вѣрѣ не предоставлено роли господствующей церкви и что въ губерніяхъ этихъ нельзя принимать общихъ, предоставленныхъ ему закономъ мѣръ для покровительства православія.

«Православная вѣра, только недавно появившаяся въ Прибалтійскомъ краѣ и какъ новое учрежденіе, нуждавшаяся въ особомъ попеченіи, съ лишеніемъ правительственной поддержки оказалась почти беззащитною въ странѣ, находящейся фактически во власти лютеранъ. Потерявши господствующую роль, она естественно не могла сохранить даже равноправнаго съ лютеранской церковью положенія, за которой во всей силѣ оставалась поддержка политическаго и экономическаго строя страны.

«Отвлеченная изъ чужихъ странъ ведущая начало свое, доктрина одержала такимъ образомъ въ извѣстной части Имперіи верхъ надъ положительнымъ законодательствомъ, санкціонированнымъ высшей законодательною властію.

«Такъ дѣло шло до послѣдняго времени, когда Ваше Императорское Величество соизволили обратить вниманіе на это ненормальное положеніе православной церкви и Высочайше повелѣть возстановить законъ о предбрачныхъ подпискахъ. Около того же времени сдѣлана была попытка возстановить въ Прибалтійскихъ губерніяхъ дѣйствіе той части уголовнаго кодекса, которая подвергаетъ отвѣтственности лицъ, виновныхъ въ преступленіяхъ противъ вѣры. Въ 1884 г. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ предписало начать производство формальнаго слѣдствія противъ 11 пасторовъ, уличенныхъ въ разное время въ подобныхъ преступленіяхъ, выразившихся частью въ совершеніи надъ православными лютеранскихъ обрядовъ, частью въ совращеніи ихъ въ лютеранство, частью въ произнесеніи публично проповѣдей, оскорбительныхъ для православной вѣры, а частью въ распространеніи запрещенныхъ брошюръ и приведеніи крестьянъ къ присягѣ на вѣрность дворянству.

«Распоряженія эти, ясно показавшія, что по отношенію къ вѣроисповѣдному вопросу Правительство намѣрено измѣнить свой прежній образъ дѣйствія, уже произвели весьма хорошее впечатлѣніе въ странѣ, поддержавши упавшій духъ православія. Но, къ сожалѣнію, періодъ пассивнаго отношенія Правительства къ вѣроисповѣдному вопросу слишкомъ долго длился, чтобы враждебныя противу православія дѣйствія остановились, въ виду даже категорически заявленныхъ намѣреній Правительства. Избалованные прежними успѣхами пасторы не вѣрятъ въ устойчивость этихъ намѣреній. Какъ видно изъ многочисленныхъ произведенныхъ по такого рода дѣламъ въ послѣднее время слѣдствій, они всѣми мѣрами стараются поселить это убѣжденіе и въ народѣ, увѣряя, что это, какъ они называютъ, гоненіе на лютеранскую церковь просуществуетъ недолго и что въ скоромъ времени все пойдетъ по старому.

«Возбужденіе формальнаго слѣдствія и суда противъ 11 пасторовъ, о которыхъ сказано выше, не обѣщаетъ къ сожалѣнію принести

какіе либо полезные результаты. Слѣдствія, начатыя еще въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1884 г., производились крайне вяло, неполно и тенденціозно. Духовные и свѣтскіе суды намѣренно пререкались о подсудности этихъ дѣлъ. Когда Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министерствомъ Юстиціи, рѣшило, что дѣла эти подсудны свѣтскимъ судамъ, суды эти продолжали затягивать дѣло, находя неполноту въ слѣдствіяхъ и отправляя ихъ въ орднунгсгерихты для пополненія. Консисторія своими протестами задерживала правильное теченіе дѣлъ, для чего употреблялись всѣ возможныя уловки, и въ результатѣ оказалось, что ни одно изъ этихъ дѣлъ до сихъ поръ еще не окончено. Такъ какъ, въ теченіе столь долгаго періода со времени совершенія преступленія, многіе изъ слѣдовъ преступленій изгладились, то вовсе не невѣроятно, что дѣла эти окончатся оправданіемъ подсудимыхъ. А между тѣмъ время проходитъ. Безнаказанность пасторовъ ободряетъ лютеранъ и въ глазахъ колеблющагося населенія выставляетъ безсильность Правительства защитить право и достоинство государственной церкви.

«При такихъ условіяхъ естественно, что преступленія противъ православной вѣры не прекращаются. Въ настоящее время уличены въ этихъ преступленіяхъ еще 9 проповѣдниковъ, суду не преданныхъ, и весьма легко можетъ случиться, что если не приняты будутъ соотвѣтствующія мѣры, изгладится то въ высшей степени полезное для православія впечатлѣніе, которое произведено было Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества повелѣніемъ отъ 26 Іюля 1885 г., и появится столь много фактовъ совращеній и неправильнаго совершенія обрядовъ, что большое число преступныхъ пасторовъ, какъ и въ 1874 г., поставитъ Правительство въ затрудненіе относительно наказанія виновныхъ. Какъ я могъ убѣдиться изъ разговоровъ съ здѣшнимъ генералъ-суперинтендентомъ, лютеранское духовенство на это обстоятельство сильно разсчитываетъ.

«Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ придти къ заключенію, что по отношенію къ вѣроисповѣдному вопросу безотлагательно должны быть разрѣшены двѣ задачи:

«1) Необходимо разрушить существующее въ губерніи убѣжденіе о возможности пасторамъ посягать на право православной церкви и совращать православныхъ въ лютеранство, съ тѣмъ, чтобы не имѣло

мѣста то въ высшей степени анормальное явленіе, что въ губерніи безнаказанно и заурядъ совершаются преступленія, которыя по закону, до сихъ поръ не отмѣненному, караются весьма тяжкими наказаніями, и 2) принять надлежащія мѣры къ тому, чтобы возвратить въ лоно православной церкви всѣхъ тѣхъ, которые, будучи записаны въ православныхъ метрическихъ книгахъ, исполняютъ требы по лютеранскому обряду или же вовсе никакихъ требъ не исполняютъ.

«Обширный опытъ, представляемый исходомъ процессовъ, ничѣмъ не кончившихся въ 1874 г., и тѣхъ 11 процессовъ, начатыхъ въ 1884 г., окончаніе которыхъ также весьма сомнительно, ясно доказываетъ, что при настоящемъ составѣ судебныхъ и слѣдственныхъ органовъ, мало надежды достигнуть чего либо путемъ формальнаго суда и слѣдствія. Поэтому казалось бы необходимымъ, предоставивъ начатые уже противъ лютеранскихъ проповѣдниковъ процессы естественному теченію, прибѣгнуть относительно новыхъ преступленій подобнаго рода къ системѣ административныхъ взысканій, прилагая ихъ съ настойчивостью до тѣхъ поръ, пока въ средѣ лютеранскаго духовенства не исчезнетъ убѣжденіе о возможности совершать безнаказанно преступленія противъ православной вѣры.

«Въ данномъ случаѣ примѣненіе этой системы будетъ тѣмъ болѣе удобнымъ, что фактъ преступленія доказывается вполнѣ даже самымъ поверхностнымъ предварительнымъ слѣдствіемъ, ибо по закону метрическія свидѣтельства суть единственные документы, опредѣляющіе вѣроисповѣданіе лица, которые пасторы должны имѣть въ виду при совершеніи какихъ либо религіозныхъ обрядовъ.

«Первый примѣръ подобнаго взысканія уже имѣлъ мѣсто по отношенію къ Пальцмарскому пастору Брандту, который за въ высшей степени враждебныя противъ православія дѣйствія высланъ былъ въ текущемъ году изъ Лифляндской губерніи, съ отрѣшеніемъ отъ проповѣднической должности. Впечатлѣніе, произведенное въ странѣ этой высылкою, было громадное, но я не считаю себя въ правѣ скрыть мои опасенія, что это благопріятное впечатлѣніе изгладится, если случай этотъ останется единичнымъ, и вновь возникающія преступленія подобнаго рода останутся безъ взысканія. Поэтому казалось бы наиболѣе своевременнымъ предоставить губернаторамъ

право налагать на пасторовъ денежные штрафы въ размѣрѣ до 500 р. за совершеніе надъ православными обрядовъ въ первый и второй разъ.

«Уличенные же три раза въ этихъ преступленіяхъ проповѣдники должны бы были быть удаляемы отъ должности административнымъ порядкомъ, по распоряженію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

«Что касается до возвращенія въ лоно православной церкви такъ называемыхъ уклоняющихся, то очевидно, что задача эта не можетъ быть разрѣшена одною какою либо специфическою мѣрою. Миссіонерская дѣятельность православнаго духовенства, воздѣйствіе его на духовную сторону населенія и въ то же время бдительное наблюденіе со стороны Правительства за тѣмъ, чтобы православное исповѣданіе не было источникомъ гоненія на исповѣдующихъ со стороны господствующихъ лютеранскихъ классовъ, составляютъ два главныя средства къ тому, чтобы обезпечить возвращеніе къ православію отпавшихъ. Успѣшность результата такой дѣятельности въ значительной степени облегчается тѣмъ, правда, довольно смутнымъ и неяснымъ стремленіемъ къ единенію съ Россіей, которое несомнѣнно существуетъ среди мѣстнаго населенія, и въ особенности полнѣйшимъ отсутствіемъ въ ономъ религіознаго фанатизма.

«Эсты, а въ особенности латыши, отличаются крайней вѣротерпимостью и даже индиферентизмомъ въ религіозномъ дѣлѣ. Мнѣ лично приходилось получать заявленія православныхъ родителей, имѣющихъ дѣтей, крещеныхъ по лютеранскому обряду, о томъ, что они ожидаютъ приказанія отъ начальства миропомазать своихъ дѣтей, но не рѣшаются сами это сдѣлать изъ боязни насмѣшекъ со стороны лютеранъ.

«Къ тому же, составъ лютеранскаго духовенства и положеніе, которое оно заняло относительно жителей во многихъ отношеніяхъ, вовсе не соотвѣтствуютъ упроченію вліянія его на населеніе. Ставя себя на ногу господствующаго класса—на ногу дворянскую, оно не популярно между сельскими жителями, съ которыми пасторы, какъ владѣтели пасторатовъ и, слѣдовательно, тѣ же помѣщики, сталкиваются на экономической почвѣ. Классъ пасторовъ не отличается христіанскими добродѣтелями, смиреніемъ, безкорыстіемъ, самоотверженіемъ и т. д., имѣющими столь сильное вліяніе на простой

народъ. Самоувѣренные и гордые, они не даютъ даже себѣ труда скрывать сознаніе своего превосходства, какъ люди высшей расы и высшей культуры, и населеніе очень хорошо это понимаетъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ, а въ особенности принимая въ соображеніе слишкомъ большую численность прихожанъ лютеранскихъ приходовъ, нравственное вліяніе духовенства на жителей весьма незначительно.

«Въ этомъ отношеніи православное духовенство поставило себя несравненно лучше. Происходя въ значительной части изъ мѣстныхъ уроженцевъ, въ совершенствѣ поэтому зная свой край и его обитателей, а равно и всѣ здѣшнія условія, не занимая такого положенія, которое возбуждало бы зависть жителей, оно держится вообще гораздо ближе къ населенію. Сближенію ихъ много способствуетъ то, что они, какъ русскіе или какъ мѣстные уроженцы, чувствуютъ себя также отчужденными отъ нѣмцевъ. Также, какъ и на туземное населеніе, на православныхъ священниковъ дворянство и духовенство смотрятъ свысока, связывая ихъ тѣмъ между собою. Въ силу этихъ причинъ православные священники, личный составъ которыхъ въ губерніи къ тому же подобранъ замѣчательно хорошо, въ большей части приходовъ стали въ положеніе истинныхъ пастырей своего духовнаго стада. При такихъ условіяхъ православное духовенство имѣетъ всѣ шансы разсчитывать на успѣхъ при воздѣйствіи своемъ на уклоняющихся, въ особенности если придетъ имъ на помощь Правительство лучшей организаціей церковныхъ попечительствъ и школьнаго дѣла.

«Что касается до огражденія православныхъ отъ обидъ и притѣсненій со стороны лютеранъ, то въ этомъ отношеніи въ отчетномъ году сдѣланъ весьма важный шагъ избавленіемъ православныхъ отъ обязанности платить какія бы то ни было повинности въ пользу пасторовъ и лютеранской церкви. Само собою разумѣется, что православные не достигли совершенной равноправности съ лютеранами, вслѣдствіе экономической зависимости своей отъ помѣщиковъ, которые, занимая роль покровителя лютеранской церкви, охотнѣе отдаютъ въ аренду и продаютъ крестьянскія усадьбы лютеранамъ, нежели православнымъ. Измѣнить эти отношенія, ограничивая имущественныя права помѣщиковъ, конечно, не представляется

возможности. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что тѣ благопріятныя для православія условія, о которыхъ сказано выше, при бдительности и надлежащей поддержкѣ Правительства способны въ значительной степени парализовать враждебныя отношенія помѣщиковъ къ православію и обезпечить, не смотря на вышеприведенное обстоятельство, успѣшное окончаніе задачи возвращенія уклоняющихся въ лоно православія».

Записка, составленная въ 1888 г. въ Департаментѣ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, о церковныхъ дѣлахъ въ Лифляндской губерніи.

Приводимъ полностью записку, составленную въ Департаментѣ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій въ 1888 г. о церковныхъ дѣлахъ въ Лифляндской губерніи:

«По силѣ ст. 40 и 44 Осн. Гос. Зак., первенствующая и господствующая вѣра въ Россійскомъ государствѣ есть православная. Всѣ иновѣрные подданные государства пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ своей вѣры и богослуженія.

«Насколько положеніе дѣлъ въ Лифляндской губерніи соотвѣтствовало закону, это видно изъ приведенныхъ данныхъ, которыя для удобнѣйшаго обозрѣнія изложены въ слѣдующихъ отдѣлахъ: 1) *вопросъ о церковныхъ повинностяхъ*, обострившійся послѣ перехода въ православіе, въ 1845 г., значительнаго числа латышей и эстовъ; 2) *отмѣна предбрачныхъ подписокъ* въ 1865 г. и послѣдствія этой мѣры, 3) *противозаконная дѣятельность лютеранскаго духовенства* и 4) *образъ дѣйствій Лифляндской Консисторіи.*

1. Вопросъ о церковныхъ повинностяхъ.

«Въ 1845 г. Апрѣля 26 Высочайше утверждена была инструкція бывшему Генералъ-Губернатору Балтійскихъ губерній, въ которой, между прочимъ, изъяснено: «само собою разумѣется, что присоединенный къ православію, исключаясь изъ числа прихожанъ протестантскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ освобождается отъ всѣхъ лежавшихъ на немъ въ отношеніи къ протестантской церкви и духо-

венству повинностей, потому что, поступая въ паству православную, онъ долженъ принять на себя и всѣ обязанности въ отношеніи къ православной церкви и духовенству».

«Вслѣдъ затѣмъ лифляндское дворянство, въ двухъ всеподданнѣйшихъ просьбахъ, испрашивало соизволенія, чтобы повинности, которыя оно называло грунтовыми (лежащими на землѣ), были отправляемы въ пользу пасторовъ, безъ различія исповѣданія крестьянъ.

«Таковое ходатайство было разсмотрѣно Особымъ Комитетомъ по устройству духовной части православнаго исповѣданія въ Лифляндіи, который, признавъ, что означенная просьба лифляндскаго дворянства, какъ противная справедливости и положительному Высочайшему повелѣнію, не можетъ подлежать удовлетворенію, находилъ, что православные крестьяне Лифляндской губерніи должны быть освобождены отъ всякихъ повинностей въ пользу лютеранскихъ пасторовъ и церквей, за исключеніемъ тѣхъ крестьянъ, кои водворены на земляхъ пасторскихъ, за каковыя земли пасторамъ слѣдуетъ вознагражденіе не по праву пасторскому, но владѣльческому. При этомъ комитетъ полагалъ для удобности распредѣленія повинностей, слѣдующихъ церквамъ, духовенству и школамъ православнаго и лютеранскаго исповѣданій, перевести сіи повинности на деньги, съ тѣмъ, чтобы крестьяне платили ихъ, по принадлежности, каждый въ свою церковь, пастору или священнику.

«Журналъ Особаго Комитета по сему дѣлу удостоился Высочайшаго утвержденія 14 Декабря 1846 года.

«Сообразно сему положенію, были изложены §§ 643 и 644 Лифляндскаго крестьянскаго Положенія 1849 года.

«Высочайшая воля объ оцѣнкѣ повинностей осталась однако же неисполненною; впрочемъ, въ дѣлахъ Министерства за все остальное время царствованія Императора Николая I не имѣется свѣдѣній о жалобахъ на требованія отъ православныхъ повинностей въ пользу пасторовъ.

«Въ 1856 г. лифляндское дворянство вновь ходатайствовало о томъ, чтобы впредь всѣ крестьяне, безъ различія исповѣданія, исполняли въ отношеніи къ лютеранской церкви установленныя

прежде повинности. Пока таковое ходатайство разсматривалось въ бывшемъ Комитетѣ Остзейскихъ Дѣлъ, архіепископъ Рижскій и Митавскій въ 1857 г. довелъ до свѣдѣнія Министерства, что нѣкоторые помѣщики стали уже произвольно требовать отъ всѣхъ православныхъ арендаторовъ своихъ исполненія повинностей въ пользу лютеранской церкви, что произвело на православныхъ крестьянъ самое неблагопріятное впечатлѣніе. Православные крестьяне не могли возражать противъ таковыхъ требованій, потому что лифляндскіе землевладѣльцы, при сдачѣ своихъ земель въ аренду, предпочитали съемщиковъ лютеранскаго исповѣданія православнымъ. Если же послѣдніе, при случайномъ отсутствіи соискателей изъ лютеранъ, арендовали участки, то помѣщики старались удалить ихъ при первомъ поводѣ къ тому или даже предлогѣ. При такихъ обстоятельствахъ число православныхъ домохозяевъ въ періодъ времени въ 1858—1862 гг. уменьшилось на 800 человѣкъ.

«По изданіи въ 1860 г. новаго Лифляндскаго крестьянскаго Положенія, было Высочайше подтверждено правило о томъ, что каждый долженъ отбывать повинности въ пользу своего исповѣданія.

«Вслѣдъ затѣмъ Собственноручною Высочайшею резолюціею было вторично повелѣно: привести въ точную извѣстность повинности по каждому приходу, съ переложеніемъ ихъ на деньги и затѣмъ внести въ Государственный Совѣтъ новое представленіе по сему предмету.

«Таковая Высочайшая воля была сообщена бывшему Генералъ-Губернатору Прибалтійскихъ губерній 31 Іюля 1862 г., но оцѣнка церковныхъ повинностей, предписанная Высочайшимъ повелѣніемъ 1846 г., подъ разными предлогами замедлилась до 1884 г. [1]).

«Между тѣмъ, Лифляндская коммисія по крестьянскимъ дѣламъ 29 Апрѣля 1870 г., вопреки точному смыслу приведенныхъ узаконеній, постановила, что церковныя повинности, лежащія на мызныхъ участкахъ, пасторы въ правѣ требовать въ полномъ объемѣ независимо отъ того, состоятъ ли эти участки во владѣніи православныхъ или лютеранъ.

---

[1]) Вполнѣ оправдывается и на этомъ дѣлѣ наблюденіе Ю. Самарина, что Высочайшія повелѣнія въ Прибалтійскомъ краѣ не исполнялись лѣтъ по двадцати.

«Вслѣдствіе сего православные крестьяне-собственники, купившіе таковые участки, привлекаются, вопреки закону, къ отбыванію означенныхъ повинностей въ пользу чуждаго духовенства, на основаніи купчихъ контрактовъ, заключенныхъ съ помѣщиками, причемъ согласіе крестьянъ иногда вынуждается невозможностью пріобрѣсти участки земли инымъ способомъ; въ другихъ же случаяхъ должно быть объяснено незнаніемъ законовъ. Таковые контракты, заключенные въ обходъ закона, освобождающаго православныхъ отъ означенныхъ повинностей, имѣютъ однако же обязательную силу, такъ какъ мѣстныя судебныя мѣста утверждаютъ подобные договоры и на основаніи ихъ постановляютъ рѣшенія о взысканіи повинностей съ лицъ православнаго исповѣданія, не обращая вниманія на то, что, по силѣ мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ, каждый договоръ, установляющій что либо противозаконное, необязателенъ.

«Такимъ образомъ, продолжающіяся въ Лифляндской губерніи вымогательства съ лицъ православнаго исповѣданія повинностей въ пользу лютеранской церкви не могутъ быть прекращены усиліями мѣстной администраціи.

«Въ виду таковыхъ обстоятельствъ, по сношеніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ Министерствомъ Юстиціи, послѣдовало опредѣленіе Правительствующаго Сената отъ 20 Іюня 1885 г. о распубликованіи во всеобщее свѣдѣніе и для руководства состоявшагося по частному дѣлу опредѣленія Правительствующаго Сената, коимъ разъяснено, что опредѣлительный смыслъ дѣйствующаго закона не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что лица, къ протестантской церкви не принадлежащія, освобождаются отъ всякихъ въ пользу сей церкви повинностей, за исключеніемъ лишь вознагражденія за пользованіе церковною землею.

«Въ Сентябрѣ нынѣшняго года получено донесеніе епископа Рижскаго о томъ, что жалобы православныхъ крестьянъ на требованіе означенныхъ повинностей продолжаются, какъ и прежде. По объясненію преосвященнаго Доната, нѣкоторые православные крестьяне въ своихъ жалобахъ заявляютъ, что съ нихъ ранѣе въ теченіе лѣтъ 30 не требовали никакихъ повинностей въ пользу лютеранской церкви; другіе указываютъ, что эти повинности

вносятся въ покупные контракты помимо ихъ воли и желанія. Способъ пополненія этихъ повинностей, практикуемый мѣстными властями, заключается въ продажѣ съ аукціона необходимыхъ въ сельскомъ быту въ рабочее время хозяйственныхъ принадлежностей. Изъ числа просителей нѣкоторые вели дѣла такого рода, иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ Лифляндской губерніи, но судебныя рѣшенія бываютъ не въ пользу православныхъ. Въ видѣ примѣра, епископъ Рижскій приводитъ дѣло православнаго крестьянина Матвѣя Аллика, съ котораго взыскивалось въ пользу лютеранской церкви и пастора 17 р. 43 к. На пополненіе сего взысканія были отобраны у Аллика телѣга, дуга и узда. Телѣга, стоющая 75 р., была продана за 41 р., объявленія же объ этомъ аукціонѣ были наклеены на лютеранской церкви. Подкрѣпивъ незаконныя притязанія пасторовъ на взысканіе повинностей съ православныхъ, лифляндское дворянство возбудило новое ходатайство, еще болѣе вредное для православія въ Лифляндской губерніи.

2. Предбрачныя подписки.

Въ 1864 г. лифляндское дворянство, въ поданномъ на Высочайшее Имя всеподданнѣйшемъ прошеніи, обращало вниманіе Его Императорскаго Величества «на бѣдственное положеніе значительной части мѣстнаго населенія, страдающаго подъ гнетомъ принужденія совѣсти». Объяснивъ далѣе, что «сдерживаемое долгое время стремленіе къ свободѣ вѣроисповѣданія нынѣ съ неопреодолимою силою овладѣло умами», лифляндское дворянство просило освободить ихъ отъ существующаго, вслѣдствіе дѣйствующихъ уголовныхъ законовъ, принужденія совѣсти, причемъ выражало благодарность за Монаршую милость, оказанную уже въ отдѣльныхъ случаяхъ освобожденіемъ лицъ, вступающихъ въ смѣшанный бракъ отъ требуемыхъ духовнымъ начальствомъ подписокъ.

«Установленныя закономъ предбрачныя подписки относительно крещенія и воспитанія въ правилахъ православнаго исповѣданія дѣтей отъ браковъ православныхъ съ иновѣрцами были отмѣнены для протестантовъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ Высочай-

шимъ повелѣніемъ 19 Марта 1865 г. Затѣмъ Евангелическо-Лютеранская Генеральная Консисторія преподала лютеранскимъ консисторіямъ Прибалтійскихъ губерній особую, одобренную Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ инструкцію для точнаго руководства означеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ. Таковая инструкція предоставляла лютеранскому духовенству крестить по протестантскому обряду только дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, совершенныхъ послѣ отмѣны предбрачныхъ подписокъ, причемъ пасторамъ было дозволено записывать въ метрическія книги случаи лютеранскаго *крещенія по нуждѣ* частными лицами дѣтей, происшедшихъ отъ смѣшанныхъ браковъ, совершенныхъ съ отобраніемъ установленныхъ подписокъ, но для того только, чтобы самый фактъ крещенія впослѣдствіи не могъ подлежать сомнѣнію, причемъ, однако, православная церковь не утрачивала права считать таковое лицо принадлежащимъ къ оной.

«Означенною Высочайшею милостью лютеранское духовенство, по удостовѣренію епархіальнаго начальства, воспользовалось такимъ образомъ, что лютеранское крещеніе по нуждѣ совершалось надъ дѣтьми отъ смѣшанныхъ браковъ, для нарушенія выданныхъ уже предбрачныхъ подписокъ, при полной возможности пригласить православнаго священника. Доказательствомъ этому служитъ то обстоятельство, что до этого времени не было извѣстно ни одного случая смерти младенцевъ, оставшихся безъ крещенія за недостаткомъ православныхъ лицъ.

«По объясненію архіепископа Рижскаго, бывали случаи явнаго нарушенія правъ господствующей церкви, подъ прикрытіемъ означенныхъ Высочайшаго повелѣнія и инструкціи. Такъ, Пигасскій пасторъ Голынбекъ (на островѣ Эзелѣ) сдѣлалъ въ 1865 г. чрезъ помощниковъ церковныхъ старостъ распоряженіе, чтобы всѣ дѣти, рожденныя отъ смѣшанныхъ браковъ и крещенныя, по какому бы то ни было случаю, по лютеранскому обряду, были представлены для присоединенія къ лютеранству и внесенія въ метрическія книги Пигасской лютеранской церкви, что и было исполняемо. Родители же увлеченныхъ такимъ образомъ въ лютеранство младенцевъ, подстрекаемые пасторомъ, всегда отказывали православ-

ному священнику въ представленіи ихъ къ миропомазанію. Жалоба православнаго духовенства по этому дѣлу оставлена была безъ послѣдствій. По объясненію того же преосвященнаго, въ Феллинскомъ уѣздѣ были случаи крещенія по лютеранскому обряду частными лицами дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, вопреки желанію отцовъ или матерей православнаго исповѣданія. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ православный отецъ не дозволилъ крестить ребенка въ своемъ дворѣ, и дитя было окрещено въ сосѣднемъ дворѣ крестьяниномъ лютеранскаго исповѣданія за угощеніе; въ другомъ случаѣ дитя, происшедшее отъ православной матери, было окрещено нетрезвымъ крестьяниномъ лютеранскаго исповѣданія, который, отправившись затѣмъ въ корчму, выпрашивалъ у другихъ посѣтителей денегъ на водку за совершенное имъ крещеніе. Всѣ подобныя крещенія по нуждѣ были утверждаемы лютеранскими пасторами. Въ то же время нѣкоторые мірскіе судьи и волостные писаря объявили крестьянамъ, будто бы всѣхъ дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ должно крестить по лютеранскому обряду, и даже православные могутъ переходить въ лютеранство. При этомъ волостные судьи православнаго исповѣданія заявили православному священнику, что *они не смѣютъ не опубликовать таковыхъ распоряженій, исходящихъ, по ихъ словамъ, отъ Феллинскаго Орднунгсгерихта.*

«По всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода о крайне пагубныхъ для православной церкви и русской народности послѣдствіяхъ отъ примѣненія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ Высочайшаго повелѣнія 19 Марта 1865 г. о нетребованіи предбрачныхъ подписокъ, 26 Іюля 1885 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о возстановленіи въ полной силѣ существующаго закона объ отобраніи таковыхъ.

3. *Противозаконная дѣятельность лютеранскаго духовенства въ Лифляндской губерніи.*

«Пользуясь содѣйствіемъ мѣстныхъ сословныхъ учрежденій, лютеранское духовенство въ Лифляндской губерніи сначала противодѣйствовало распространенію православія, впослѣдствіи же старалось искоренить его въ этомъ краѣ.

«Въ 1845 г., послѣ собранія лютеранскихъ пасторовъ въ Ригѣ, тамошнее протестантское духовенство обратилось въ Рижскій магистратъ съ просьбою предстательствовать предъ Государемъ Императоромъ объ огражденіи лютеранской церкви отъ предстоящей ей, будто бы, опасности, по случаю присоединенія нѣкоторыхъ тамошнихъ крестьянъ къ православію. Просьба сія заключала въ себѣ не только неумѣстныя разсужденія о какомъ то посторонемъ элементѣ, принесенномъ смѣшанными браками, о тайныхъ обольщеніяхъ и обманахъ народа, но даже обѣтъ духовенства противодѣйствовать угрожающей погибели и воззваніе соединиться подъ хоругвію вѣры, потому что на лифляндское духовенство будто бы смотритъ нынѣ вся лютеранская Европа. Несмотря на неумѣстность подобной просьбы, магистратъ принялъ ее, и, подкрѣпивъ собственнымъ ходатайствомъ, представилъ оную, мимо Главнаго Начальника края, въ С.-Петербургъ, Президенту Генеральной Консисторіи. Рижскій Магистратъ получилъ за свой поступокъ Высочайшій выговоръ, но лютеранское духовенство не измѣнило своего направленія. Въ лютеранскихъ церквахъ произносились проповѣди, заключавшія въ себѣ ожесточенныя нападенія на православную церковь и направленныя къ возбужденію вражды лютеранъ противъ желающихъ перейти въ православіе.

«Такими проповѣдями въ особенности отличались въ 1845 и 1846 гг. Вольмарскій пасторъ Вальтеръ (впослѣдствіи Генералъ-Суперъ-Интендентъ), Нейпебальгскій Кельбрантъ, Мустельскій Мазингъ, Рененскій Керберъ и пасторъ Беркгольцъ въ Ригѣ. Вражда пасторовъ къ господствующей церкви не ослабѣла въ послѣдующее время, когда переходы крестьянъ въ православіе, вслѣдствіе усилій высшихъ сословій, почти прекратились, вскорѣ послѣ установленія въ Декабрѣ 1845 г. 6-ти-мѣсячнаго срока для испытанія желающихъ перемѣнить вѣру [1]).

«Послѣ отмѣны предбрачныхъ подписокъ лютеранское духовенство домогалось разрѣшенія пасторамъ оказывать духовную помощь отпавшимъ отъ православія. Таковое домогательство было отклонено по Высочайшему повелѣнію 29 Октября 1865 г.

---

[1]) Срокъ этотъ былъ отмѣненъ лишь въ Іюнѣ 1865 г.

«Несмотря на это, лютеранское духовенство съ чрезвычайною энергіею приводило въ исполненіе заранѣе составленный планъ, выраженный въ слѣдующей проповѣди.

«Въ 1864 г., при открытіи лифляндскаго ландтага, бывшій Лифляндскій Генералъ-Суперъ-Интендентъ Вальтеръ, въ произнесенной имъ проповѣди, напоминалъ лифляндскимъ дворянамъ, что права и преимущества, которыми они пользуются, творя судъ въ своемъ краѣ, выбирая судей изъ своей среды, облагая податями землю на содержаніе церквей и школъ и вообще представляя собою страну, какъ внутри, такъ и внѣ, составляютъ наслѣдіе, завѣщанное имъ предками, и что они должны приготовить для своихъ потомковъ сколь можно лучшую жатву. Онъ увѣщевалъ ихъ помнить твердо, что они протестанты по религіи и нѣмцы по происхожденію, и что *въ ихъ краѣ господствующею церковью должна быть протестантская, а господствующею народностью должна быть нѣмецкая*, наконецъ, что *въ Лифляндіи могутъ и должны быть только нѣмцы*. Окончательная германизація края, по выраженію Вальтера, есть собственный и живой интересъ инородцевъ, которые еще населяютъ Лифляндію.

«Пасторъ Вальтеръ, согласно его просьбѣ, былъ уволенъ отъ должности Генералъ-Суперъ-Интенданта Высочайшимъ указомъ отъ 19 Мая 1864 г., съ назначеніемъ въ пенсію полнаго оклада получаемаго имъ содержанія, именно 2.165 р. въ годъ. Послѣдующая дѣятельность лютеранскаго духовенства въ Лифляндской губерніи вполнѣ соотвѣтствовала указаніямъ пастора Вальтера.

«Въ 1864 и 1866 г.г. Венденскій пробстъ Дебнеръ, съ разрѣшенія Лифляндской Консисторіи, издалъ на латышскомъ языкѣ церковную исторію, въ которой порицалъ догматы православной вѣры и называлъ ее суевѣрною и негодною. За это Дебнеръ былъ уволенъ отъ должности пробста, по распоряженію Министерства, доведенному до Высочайшаго свѣдѣнія 10 Марта 1867 г.

«Между тѣмъ, въ Февралѣ того же года Архіепископъ Рижскій сдѣлалъ распоряженіе о напечатаніи въ Ригѣ своихъ пастырскихъ посланій къ латышамъ и эстонцамъ православнаго исповѣданія, которыхъ онъ увѣщевалъ быть твердыми въ вѣрѣ.

«Во время печатанія означенныхъ посланій, по объясненію Высокопреосвященнаго Платона, нѣкоторые пасторы приходили къ типографщику и требовали выдачи этихъ посланій, угрожая ему за напечатаніе оныхъ уголовною отвѣтственностью и закрытіемъ типографіи. Бывшій Лифляндскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ фонъ-Этингенъ, просилъ Архіепископа сообщить ему, находятся ли въ продажѣ означенныя посланія и гдѣ именно они напечатаны. Вслѣдствіе сего Высокопреосвященный Платонъ вынужденъ былъ обратиться къ Генералъ-Губернатору Альбединскому съ просьбою объ оставленіи типографщика безъ преслѣдованія, выражая свою готовность подвергнуться личной отвѣтственности.

«Въ городѣ Дерптѣ пасторъ Люткенсъ въ 1870 г. произносилъ проповѣди, въ которыхъ, представляя евангелическо-лютеранскую церковь въ Прибалтійскихъ губерніяхъ угнетаемою, старался возбудить враждебныя чувства противъ «разорителей Сіона» (православнаго духовенства и правительства). Собраніе этихъ проповѣдей было напечатано въ Лейпцигѣ и тайно отъ цензуры ввезено въ Россію. Подобныя же проповѣди Люткенсъ продолжалъ и въ 1876 г., занявъ проповѣдническое мѣсто въ г. Ригѣ. Рижскій Магистратъ въ 1875 и 1882 г.г. избиралъ Люткенса первымъ кандидатомъ на должность Рижскаго Суперъ-Интенданта. Но таковое избраніе не было утверждено. Другіе пасторы, не обладавшіе выдающимся проповѣдническимъ талантомъ, ограничивались совершеніемъ требъ для православныхъ и присоединеніемъ ихъ къ лютеранской церкви.

«По удостовѣренію самой Лифляндской Евангелическо-Лютеранской Консисторіи, отъ 7 Февраля 1874 г., *изъ числа 105 подвѣдомственныхъ ей лютеранскихъ пасторовъ 93 совершали священнодѣйствія надъ православными* и оказались виновниками въ нарушеніи законовъ, ограждающихъ права господствующей церкви.

«*До того времени 20.000 латышей и эстовъ явно отреклись отъ православной церкви* и придерживались лютеранскаго исповѣданія.

«Для противодѣйствія таковой дѣятельности пасторовъ, еще въ Іюлѣ 1865 г., бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ препроводилъ бывшему Прибалтійскому Генералъ-Губернатору графу Шу-

*

валову выписку изъ всеподданнѣйше доложенной Государю Императору записки о главныхъ началахъ, которыя надлежало бы принять къ руководству по дѣламъ объ уклоненіи православныхъ лифляндскихъ крестьянъ и мѣстныхъ пасторовъ отъ исполненія дѣйствующихъ законовъ.

«Въ этой запискѣ было, между прочимъ, изъяснено, что безгласное отпаденіе отъ православія принадлежащихъ къ нему крестьянъ (непосѣщеніе церквей и непредставленіе дѣтей для крещенія) слѣдовало бы, кромѣ случаевъ особенно рѣзкихъ или получившихъ большую огласку, оставить безъ преслѣдованія; что въ случаяхъ совершенія пасторами требъ для православныхъ съ большею или меньшею гласностью, или даже попытокъ пасторовъ къ поощренію отпаденій отъ православія, строгость могла бы быть правиломъ, а снисходительность исключеніемъ, смотря по обстоятельствамъ и ближайшему усмотрѣнію Генералъ-Губернатора.

«Въ 1867 г. бывшій Генералъ-Губернаторъ Прибалтійскихъ губерній, Генералъ-Адъютантъ Альбединскій, доставилъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ вѣдомость о распоряженіяхъ относительно лютеранскихъ пасторовъ, обвиняемыхъ въ совершеніи требъ для православныхъ.

«Изъ числа 37 обвиняемыхъ пасторовъ одинъ (Маурахъ) былъ присужденъ Лифляндскою Консисторіею къ удаленію отъ должности на одинъ годъ, другой (Миквицъ) удаленъ отъ должности на полгода. Пять пасторовъ было оправдано, о 30 не производилось слѣдствія.

«Въ 1870, 1871 и 1872 г.г. православное епархіальное начальство просило о привлеченіи къ отвѣтственности 28 пасторовъ, совершавшихъ требы для православныхъ. Бывшій Генералъ-Губернаторъ Прибалтійскихъ губерній, князь Багратіонъ, полагалъ, что наказаніе хотя бы только двухъ пасторовъ положитъ предѣлъ самовольнымъ дѣйствіямъ остальныхъ. Одинъ изъ этихъ пасторовъ Вельцеръ (Лаудонскаго прихода) обвинялся въ томъ, что объявилъ въ лютеранской церкви о послѣдовавшемъ, будто бы, Высочайшемъ соизволеніи на переходы изъ православія въ лютеранство. Затѣмъ онъ конфирмовалъ и причастилъ болѣе 150 православныхъ, совратившихся вслѣдствіе такихъ внушеній. Дру-

гой пасторъ Зенгбушъ (Роопскаго прихода) обвинялся въ томъ, что благословилъ на внѣбрачное сожительство православнаго крестьянина съ лютеранкою. Кромѣ этихъ проповѣдниковъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ признало, съ своей стороны, необходимымъ привлечь къ отвѣтственности Оберъ-Паленскаго пастора Мауриха, уже подвергнутаго въ 1866 г. наказанію за совершеніе требъ для православныхъ. Въ 1870 г. онъ далъ Лифляндской Консисторіи неумѣстное объясненіе, въ коемъ, не касаясь предметовъ вторичнаго обвиненія (въ причащеніи православной дѣвицы и совершеніи двухъ смѣшанныхъ браковъ, безъ оглашенія въ православной церкви), онъ ссылался на лифляндскія привилегіи, международные трактаты и на опубликованное, будто бы, въ иностранныхъ газетахъ Высочайшее соизволеніе на возвращеніе въ лютеранскую церковь лицъ, перешедшихъ въ православіе. Лифляндская Консисторія уклонилась отъ привлеченія этихъ пасторовъ къ отвѣтственности по причинамъ, изъясненнымъ далѣе.

«Между тѣмъ, бывшій Главный Начальникъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи графъ Шуваловъ довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія о религіозно-нравственномъ положеніи отпавшихъ отъ православія латышей и о создаваемыхъ этимъ положеніемъ для лютеранскаго духовенства затрудненіяхъ къ отклоненію настоятельныхъ просьбъ отпавшихъ объ оказаніи имъ духовнаго призрѣнія.

«Вслѣдствіе сего Государь Императоръ, 22 Іюля 1874 г., Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ:

«1. Прекратить всѣ дѣла о преслѣдованіи евангелическо-лютеранскихъ пасторовъ въ Лифляндской губерніи за совершеніе требъ надъ уклоняющимися отъ православія латышами и эстами, возникшія или начатыя производствомъ до 22 Іюля 1874 г.

«2. Генералъ-Губернатору Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому впредь сноситься предварительно съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ по каждому такого рода дѣлу и обращать въ мѣстную евангелическо-лютеранскую консисторію къ дальнѣйшему движенію только тѣ дѣла, на формальное возбужденіе коихъ Министерство изъявитъ свое согласіе.

«Хотя Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ было разъяснено, что означенная Высочайшая милость въ отношеніи виновныхъ пасторовъ не должна быть понимаема въ смыслѣ отмѣны карательныхъ законовъ, ограждающихъ права православной церкви, но вредная дѣятельность лифляндскаго духовенства не прекратилась, и даже пасторы, воспользовавшіеся означенною Монаршею милостію, продолжали нарушать законъ. Въ донесеніи Лифляндской Консисторіи отъ 16 Сентября 1883 г., между прочимъ, сказано, что число отпавшихъ отъ православія, *вѣроятно*, *возрасло до 30.000 человѣкъ*.

«Послѣ означеннаго Высочайшаго повелѣнія, въ Министерство поступили свѣдѣнія о незаконныхъ дѣйствіяхъ 33 лифляндскихъ пасторовъ. Изъ нихъ привлечены съ 1 Сентября 1884 г. къ уголовной отвѣтственности 12 пасторовъ, именно: 1) проповѣдникъ Кальценауфетельнскаго прихода *Дебнеръ* [1]) обвиняется въ распространеніи между прихожанами, посредствомъ безплатной раздачи, напечатанной въ Лейпцигѣ брошюры на латышскомъ языкѣ, наполненной самыми оскорбительными выраженіями противъ православной церкви и ея служителей, и въ порицаніи оной въ своихъ проповѣдяхъ. Кромѣ этого, пасторъ Дебнеръ обвиняется еще въ томъ, что въ 1881 г. называлъ православную вѣру лжеученіемъ и вѣрою въ идоловъ, и въ томъ же году приводилъ прихожанъ къ присягѣ на вѣрность не только Государю Императору, но и мѣстному дворянству. 2) Оппекальнскій пасторъ *Трей* обвиняется въ томъ, что, приводя прихожанъ къ присягѣ на вѣрноподданство Государю Императору, поносилъ православную вѣру и называлъ ее источникомъ нигилизма. 3) Лаудонскій пасторъ *Фогель* обвиняется въ присоединеніи къ лютеранской церкви православной крестьянки и выдачѣ ей объ этомъ свидѣтельства, а также въ совращеніи въ лютеранство двухъ православныхъ для облегченія имъ развода, не разрѣшаемаго имъ православною церковью. 4) Пальцмаръ-Зербигальскій пасторъ *Брандтъ* обвиняется въ конфирмаціи двухъ православныхъ и въ повѣнчаніи ихъ, несмотря на предостереженія мѣстнаго православнаго священника.

---

[1]) Сынъ уволеннаго въ 1867 г. Венденскаго пробста.

5) Феннернскій пасторъ *Соколовскій* обвиняется въ конфирмаціи православной крестьянки, въ выдачѣ ей свидѣтельства о принадлежности ея къ лютеранскому исповѣданію и въ повѣнчаніи ея въ своей церкви съ православнымъ крестьяниномъ [1]). 6) Пасторъ Эрлаа-Огерсгофскаго прихода *Зунтъ* обвиняется въ повѣнчаніи православнаго крестьянина съ лютеранкою и въ томъ, что онъ взялъ съ жениха подписку остаться навсегда въ лютеранствѣ. По убѣжденіямъ Зунта, за время его пребыванія въ Эрлаа-Огерсгофскомъ приходѣ, перешло въ лютеранство 99 лицъ, изъ числа коихъ двое были повѣнчаны по лютеранскому обряду. 7) Галлистскій пасторъ *Шнейдеръ* обвиняется въ совращеніи въ лютеранскую вѣру двухъ православныхъ крестьянокъ и въ повѣнчаніи ихъ по лютеранскому обряду, а также въ совращеніи за время своей службы 96 православныхъ. 8) Верзонскій пасторъ *Андерсъ* обвиняется въ томъ, что онъ совратилъ въ лютеранство 117 православныхъ. 9) Нюггенскій проповѣдникъ *Липпъ* обвиняется въ томъ, что въ бытность свою пасторомъ въ приходѣ Кармель (на островѣ Эзелѣ) присоединилъ къ лютеранскому исповѣданію православнаго крестьянина, зная о принадлежности его къ православной церкви. 10) Кеггельскій пасторъ *Кергъ* (на островѣ Эзелѣ) обвиняется въ присоединеніи къ лютеранскому исповѣданію православной крестьянки. 11) Моонскій проповѣдникъ *Нерлингъ* обвиняется въ повѣнчаніи, безъ всякаго оглашенія въ православной церкви, во время великаго поста трехъ православныхъ дѣвицъ съ лютеранами, и въ томъ, что присоединилъ этихъ дѣвицъ къ лютеранскому исповѣданію. 12) Роденпойскій пасторъ *Портъ* обвиняется въ совершеніи бракосочетанія супруговъ православнаго исповѣданія.

4) Дѣятельность Лифляндской Консисторіи.

«Противозаконная дѣятельность лютеранскаго духовенства въ Лифляндской губерніи постоянно находила поддержку со стороны Лифляндской Лютеранской Консисторіи. Лифляндская Конси-

---

[1]) Пасторы Трей, Фогель, Брандтъ и Соколовскій извѣстны по своему усердію въ дѣлѣ совращенія православныхъ крестьянъ въ лютеранство и по ненависти къ православной вѣрѣ и всему русскому.

сторія одобрила къ печати церковную исторію пастора Дебнера, который, какъ изъяснено выше, за это сочиненіе былъ уволенъ отъ должности пробста Венденскаго округа. Вслѣдствіе жалобы бывшаго Архіепископа Рижскаго Платона, Министерство сдѣлало Лифляндской Евангелическо-Лютеранской Консисторіи замѣчаніе и подвергнуло выговору духовнаго члена сей Консисторіи Беркгольца, разсматривавшаго означенное сочиненіе.

«Между тѣмъ Генеральная Консисторія, по поводу напечатанныхъ Архіепископомъ Платономъ двухъ пастырскихъ посланій къ латышамъ и эстонцамъ православнаго исповѣданія, просила Министерство принять зависящія мѣры къ огражденію евангелическо-лютеранской церкви отъ нападеній Архіепископа. Въ подкрѣпленіе сего ходатайства, Консисторія ссылалась на ст. 138 и 670 ч. 1 т., XI свод. зак., обязывающія членовъ лютеранской церкви въ Имперіи и лютеранскихъ пасторовъ не нарушать добраго согласія съ прочими въ государствѣ свободно существующими религіями. Таковое представленіе Генеральной Консисторіи было принято къ свѣдѣнію. Въ 1869 г. означенная Консисторія, отклонивъ просьбу Рижской Православной Консисторіи, отказалась предписать одному изъ пасторовъ, чтобы онъ не препятствовалъ входу православныхъ крестьянъ съ ихъ священниками на лютеранское кладбище для совершенія молитвословій надъ могилами родныхъ. Святѣйшій Синодъ, принявъ въ соображеніе, что, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 14 Іюля 1847 г., православные въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, до учрежденія для нихъ отдѣльныхъ кладбищъ, погребались на лютеранскихъ кладбищахъ, нашелъ, что лишеніе православныхъ эстовъ и латышей права входить на лютеранское кладбище для поминовенія усопшихъ родственниковъ было бы для православныхъ величайшею несправедливостью. По предъявленіи Лифляндской Консисторіи сего опредѣленія Святѣйшаго Синода, Консисторія все таки уклонялась отъ удовлетворенія ходатайства о дозволеніи совершать молитвословія надъ могилами православныхъ. Управлявшій Лифляндскою губерніею Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Кубе возбудилъ предположеніе о перенесеніи останковъ православныхъ на кладбища, принадлежащія православнымъ приходамъ. Министерство Внутреннихъ

Дѣлъ предложило Генеральной Консисторіи: 1) поставить на видъ Лифляндской Консисторіи, что недопущеніе православныхъ къ совершенію поминовеній надъ могилами ихъ родныхъ и осуществленіе предположенія о перенесеніи останковъ похороненныхъ на лютеранскихъ кладбищахъ православныхъ на кладбища ихъ единовѣрцевъ имѣли бы крайне неблаговидный характеръ нетерпимости и стѣсненія православной церкви, воспрещаемыхъ ст. 104 т. XIV свод. зак., и 2) вмѣнить лютеранскимъ пасторамъ, церковнымъ конвентамъ и совѣтамъ въ обязанность, чтобы они не препятствовали православнымъ священникамъ и прихожанамъ совершать на лютеранскихъ кладбищахъ поминовенія надъ могилами погребенныхъ тамъ православныхъ. Генеральная Консисторія немедленно исполнила это распоряженіе.

«Въ Январѣ 1870 г., Лифляндская Консисторія, въ перепискѣ съ бывшимъ Генералъ-Губернаторомъ Прибалтійскихъ губерній о возникшихъ между православнымъ и лютеранскимъ духовенствомъ пререканіяхъ по вопросу о первенствѣ совершенія молитвословій при освященіи общественныхъ зданій, возражала противъ распоряженія Генералъ-Губернатора о томъ, чтобы православные священники совершали молитвословія прежде пасторовъ, признавая это распоряженіе уничтожающимъ достоинство лютеранской церкви. Лифляндская Консисторія, вмѣсто приведенія статей Свода Законовъ Имперіи или Свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ, сослалась на капитуляцію лифляндскаго дворянства отъ 4 Іюля 1710 г. и на Ништадскій договоръ, какъ на постановленія, опредѣляющія положеніе лютеранской церкви въ Лифляндской губерніи. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ предложило Генеральной Консисторіи поставить на видъ Лифляндской Консисторіи неумѣстность и неправильность ссылки на вышеупомянутые историческіе акты, будто бы изъемлющіе евангелическо-лютеранскую церковь въ Лифляндской губерніи отъ дѣйствія ст. 1 ч. 1, т. XI Свод. Зак., въ которой повторено постановленіе, содержащееся въ ст. 40 Осн. Гос. Зак. о первенствующемъ значеніи православной церкви въ Имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Министерство, для устраненія на будущее время подобныхъ столкновеній, сдѣлало распоряженіе, чтобы при освященіи общественныхъ зданій, принадлежащихъ смѣшаннымъ

по исповѣданію мірскимъ обществамъ, духовныя лица каждаго исповѣданія были приглашаемы въ разные дни.

«Въ томъ же Январѣ 1870 г. Лифляндская Консисторія обращалась къ бывшему Генералъ-Губернатору Прибалтійскихъ губерній съ жалобою на дерптскаго цензора, который въ предназначенномъ къ напечатанію въ Дерптской газетѣ извѣстіи о совершеніи въ лютеранскихъ церквахъ богослуженія въ день рожденія Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Цесаревны вычеркнулъ слова «лютеранскихъ», желая обобщить это извѣстіе, такъ какъ молебствія были совершены въ городскихъ церквахъ и другихъ исповѣданій. Лифляндская Консисторія усмотрѣла въ этомъ злоупотребленіе по должности и намѣренное оскорбленіе евангелическо-лютеранской церкви. Генералъ-Губернаторъ призналъ, что эта жалоба лишена основанія. Послѣ того Лифляндская Консисторія вошла въ Генеральную Консисторію съ представленіемъ, въ коемъ, не упомянувъ о такомъ отзывѣ Генералъ-Губернатора, ходатайствовала, чтобы дерптскій цензоръ былъ подвергнутъ строгой отвѣтственности, съ возложеніемъ его обязанностей на другое лицо. Генеральная Консисторія донесла о такомъ ходатайствѣ Министерству. Вслѣдствіе сего Министерство Внутреннихъ Дѣлъ предложило Генеральной Консисторіи поставить на видъ Лифляндской Консисторіи неправильныя ея дѣйствія въ упомянутомъ случаѣ.

«Въ 1870 г. Генералъ-Адъютантъ Альбединскій передалъ въ Лифляндскую Консисторію 20 заявленій православныхъ священниковъ о совершеніи пасторами требъ для православныхъ. Лифляндская Консисторія въ представленіи Генералъ-Губернатору объяснила, что, въ виду существовавшихъ религіозныхъ отношеній въ краѣ, находитъ невозможнымъ, противъ совѣсти и убѣжденія, преслѣдовать означенныхъ пасторовъ.

«Вслѣдствіе поступившихъ въ Лифляндскую Консисторію въ 1871 и 1872 гг. отчасти отъ Лифляндскаго Губернатора, отчасти изъ Рижской Духовной Консисторіи жалобъ на противозаконныя дѣйствія еще 8 пасторовъ, Лифляндская Консисторія вошла къ Генералъ-Губернатору съ новымъ представленіемъ, въ коемъ отказалась отъ преслѣдованія 8 послѣднихъ пасторовъ и просила о

прекращеніи передачи въ оную подобныхъ дѣлъ, въ виду многочисленности и безнаказанности отпавшихъ отъ православія (до 20.000 чел.), отказовъ православныхъ священниковъ вѣнчать смѣшанные браки, въ совершеніи коихъ обвиняются пасторы, наконецъ, въ виду значительнаго числа обвиняемыхъ пасторовъ (болѣе четвертой части въ губерніи).

«Препроводивъ изъясненныя представленія въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, бывшій Генералъ-Губернаторъ, князь Багратіонъ изъяснилъ, что онъ признаетъ неосновательными причины, приводимыя Консисторіею въ оправданіе уклоненія оной отъ безпрекословнаго исполненія законовъ, и что при направленіи, которому слѣдуетъ Лифляндская Консисторія, надобно опасаться, что число пасторовъ, нарушающихъ законы, постоянно будетъ увеличиваться.

«Раздѣляя таковое мнѣніе Генералъ-Губернатора, бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Генералъ-Адъютантъ Тимашевъ, препроводивъ два вышеозначенныхъ представленія Лифляндской Консисторіи на разсмотрѣніе Генеральной Консисторіи, изъяснилъ: 1) что снисхожденіе Правительства къ отпавшимъ, вызванное особымъ ихъ положеніемъ и нѣкоторыми мѣстными обстоятельствами, не можетъ быть распространяемо на тѣхъ пасторовъ, которые, несмотря на данную ими по долгу службы присягу въ томъ, что будутъ исполнять обязанности, возложенныя на нихъ закономъ, не только нарушаютъ его, но даже выказываютъ явное пренебреженіе къ его постановленіямъ и своими дѣйствіями побуждаютъ крестьянъ также нарушать законы; равнымъ образомъ, помянутое снисхожденіе не даетъ Лифляндской Консисторіи права отказываться отъ исполненія возложенной закономъ обязанности изслѣдовать жалобы на пасторовъ; 2) что заявленіе Лифляндской Консисторіи объ отказахъ православныхъ священниковъ отъ вѣнчанія смѣшанныхъ браковъ, въ совершеніи коихъ обвиняются пасторы, по объясненію Генералъ-Губернатора, не подтверждено ни слѣдствіемъ, ни какимъ либо положительнымъ фактомъ; 3) что нѣкоторыя обвиненія могли бы не подтвердиться изслѣдованіемъ, и наказаніе нѣсколькихъ пасторовъ могло бы удержать другихъ отъ подобныхъ дѣйствій, тогда какъ при нынѣшнемъ направленіи Консисторіи слѣдуетъ опасаться, что число пасторовъ, нарушающихъ

законы, постоянно будетъ увеличиваться; наконецъ, 4) что Консисторія, стараясь оправдать неисполненіе закона убѣжденіемъ совѣсти, упускаетъ изъ вида, что это убѣжденіе прежде не препятствовало привлеченію обвиняемыхъ пасторовъ къ отвѣтственности, какъ видно изъ дѣла Маураха, и что члены Консисторіи, по данной ими присягѣ, обязаны безпрекословно исполнять законы, независимо отъ своихъ личныхъ убѣжденій. Основываясь на вышеизложенныхъ соображеніяхъ, бывшій Министръ предложилъ Генеральной Консисторіи поставить Лифляндской Консисторіи на видъ противозаконность и неумѣстность отказа отъ разсмотрѣнія жалобъ на нѣкоторыхъ пасторовъ и вмѣнить оной въ непремѣнную обязанность немедленно разсмотрѣть и рѣшить по закону дѣла о пасторахъ Маурахѣ, Вельцерѣ и Зенгбушѣ и донести о своихъ рѣшеніяхъ.

«Генеральная Консисторія исполнила это распоряженіе.

«Послѣ того Лифляндская Консисторія донесла Генеральной Консисторіи, что 20.000 латышей и эстовъ, безъ всякой пропаганды со стороны лютеранъ, отреклись отъ православія и, чуждаясь православныхъ священниковъ, остались безъ церкви и школы, безъ исповѣди и причастія. Они могли бы совершенно одичать, если бы пасторы оставили ихъ безъ всякаго духовнаго призрѣнія. Изъ числа служащихъ въ Лифляндской губерніи 105 пасторовъ 93 исполняютъ требы для такихъ людей, изъ 12 остальныхъ проповѣдниковъ нѣкоторые не нарушали закона только потому, что въ ихъ приходахъ не было православныхъ. Находя невозможнымъ примѣнять карательные законы ко всѣмъ вообще пасторамъ, Лифляндская Консисторія заявила, что считаетъ несправедливымъ, противнымъ долгу и чести своими приговорами карать отдѣльныя жертвы. При этомъ Консисторія просила объ отмѣнѣ постановленій Устава Лютеранской Церкви и Улож. о нак., стѣсняющихъ свободу совѣсти, такъ какъ примѣненіе постановленій, будто бы, не соотвѣтствующихъ современнымъ идеямъ о справедливости и вѣротерпимости, вредитъ обществу. Къ сему Консисторія присовокупила, что списокъ съ этого представленія одновременно былъ переданъ лифляндскому дворянству.

« Въ Январѣ 1883 г. Министерствомъ было предложено Лифляндской Консисторіи истребовать отъ четырехъ пасторовъ, обвиняе-

мыхъ въ совершеніи требъ для православныхъ, объясненія и представить таковыя съ своимъ заключеніемъ.

«Представивъ въ Министерство истребованныя объясненія, Лифляндская Консисторія повторила свои прежнія соображенія и въ заключеніе выразила убѣжденіе, что она, какъ высшая въ Лифляндской губерніи инстанція для дѣлъ евангелическо-лютеранской церкви, не можетъ признать обвиняемыхъ пасторовъ заслуживающими наказанія и считаетъ невозможнымъ подвергнуть этихъ пасторовъ наказаніямъ безъ нарушенія справедливости.

«Въ виду сего донесенія, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, по сношеніи съ Министерствомъ Юстиціи, разъяснило, что духовныя лица, обвиняемыя въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою такія наказанія, которыя не могутъ быть по закону налагаемы Консисторіями, подлежатъ преслѣдованію предъ свѣтскимъ уголовнымъ судомъ. Засимъ Министерство поручило Лифляндскому Губернатору сдѣлать надлежащее распоряженіе о привлеченіи обвиняемыхъ пасторовъ къ уголовной отвѣтственности.

«При производствѣ слѣдствія по обвиненію вышеозначенныхъ пасторовъ въ нарушеніи правъ православной церкви, Лифляндская Консисторія отказала въ командированіи депутатовъ, требуемыхъ согласно закону. Только по разъясненіи Министерствомъ, что таковой отказъ не можетъ препятствовать дальнѣйшему производству предварительныхъ слѣдствій, Лифляндская Консисторія командировала депутатовъ и возвратила въ подлежащіе орднунгсгерихты полученныя ею отъ нихъ подлинныя производства по слѣдственнымъ дѣламъ.

«На вакантныя должности Венденскаго и Феллинскаго пробствъ Лифляндская Консисторія представила изъ числа мѣстныхъ пасторовъ 4 кандидатовъ, изъ которыхъ Министерство не нашло возможнымъ утвердить ни одного, въ виду имѣющихся свѣдѣній о направленіи этихъ лицъ. Въ числѣ ихъ былъ вышеупомянутый пасторъ Дебнеръ, обвиняемый въ приведеніи своихъ прихожанъ къ присягѣ на вѣрность подданства Его Императорскому Величеству и Лифляндскому дворянству.

«Возражая противъ распоряженія Министерства о производствѣ новыхъ выборовъ, Лифляндская Консисторія въ Іюнѣ 1884 г.

заявила, что считаетъ означенныхъ пасторовъ благонадежными служителями церкви и государства.

«По донесенію Лифляндскаго Губернатора отъ 16 Февраля 1886 г., Лифляндская Евангелическо-Лютеранская Консисторія, послѣ произведеннаго чинами корпуса жандармовъ по дѣлу пастора Брандта дознанія, отдала общее по приходамъ распоряженіе о томъ, чтобы при производствѣ дознаній черезъ жандармскихъ офицеровъ, командированныхъ по порученію Губернатора, пасторы впредь отказывались давать съ своей стороны какія бы то ни было показанія [1])».

XI. Записка Лифляндскаго Генералъ-Суперъ-Интенданта Гольмана о событіяхъ 1841—1886 г.г., составленная въ 1889 г.

Приводимъ записку [2]), составленную Лифляндскимъ Генералъ-Суперъ-Интендентомъ Гольманомъ въ 1889 г., и озаглавленную: «Взглядъ на ходъ событій съ 1841 по 1886 гг., которыя въ Лифляндской губерніи повели къ нынѣшнему положенію евангелическо-лютеранской церкви».

«Лѣтомъ 1841 г. урожай хлѣбовъ былъ неудачный. Сельское населеніе, будучи недовольно, призывалось агитаторами къ выселенію «въ теплый край» и приглашалось дѣлать объ этомъ заявленія въ Ригѣ, гдѣ таковыя заявленія принимаются православнымъ епископомъ. О перемѣнѣ вѣроисповѣданія народъ въ то время не думалъ, но объ этомъ упоминалось въ прошеніяхъ, писанныхъ на русскомъ языкѣ, сочиняемыхъ для поселянъ тѣми православными священниками, къ которымъ они были направляемы на этотъ предметъ изъ квартиры православнаго епископа. Въ м. Гейлигента, Дерптскаго уѣзда, дѣло дошло до явнаго неповиновенія и составленія сходокъ, когда полицейская власть стала воспрещать недозволенныя поѣздки въ Ригу. Взводъ казаковъ быстро прекратилъ эти безпорядки.

---

[1]) Приведенный документъ ярко рисуетъ «лойяльность» прибалтійскихъ нѣмецкихъ бароновъ въ ихъ борьбѣ съ правительствомъ: они признаютъ только тѣ распоряженія правительства и законы, которые имъ самимъ выгодны.

[2]) Эта записка, въ переводѣ съ нѣмецкаго языка, была передана 11 Ноября 1889 г. Ѳ. К. Гирсомъ при частномъ письмѣ Директору Департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, князю М. Р. Кантакузену гр. Сперанскому.

Прим. составителя.

Отряды пѣхоты были размѣщены по деревнямъ и оставались тутъ до конца 1842 г., но удаленіи казаковъ еще весною. Въ 1843 г. все было спокойно, но плохіе урожаи тяготѣли надъ народомъ, который вынужденъ былъ необходимое количество зерна и хлѣба брать въ долгъ изъ казенныхъ складовъ. Въ томъ же году появился въ печати въ Дерптѣ эстонскій переводъ, изданный Св. Правительствующимъ Синодомъ въ 1840 г., предназначенной для православнаго законоученія книжки «Первыя начала христіанскаго вѣроученія». Эстовъ православнаго исповѣданія въ то время здѣсь еще не существовало.

«Въ 1844 г. сельское населеніе было вновь постигнуто тяжкимъ неурожаемъ. Весною 1845 г. голодъ сдѣлался всеобщимъ, частная благотворительность оказывалась не въ силахъ устранить народное бѣдствіе. Казенные склады также были истощены. Изъ Псковской губерніи за счетъ тѣхъ крестьянскихъ обществъ, которыя наиболѣе подверглись бѣдствію, отпущена была мука отъ казны, а уплата этого долга была отсрочена.

«Среди этого матеріальнаго бѣдствія сельское населеніе было глубоко встревожено слухомъ: «Кто приметъ вѣру Царя, тому на родинѣ будетъ отъ Царя отведена въ полную собственность «душевая земля». Въ то же время вездѣ стали показываться православные священники въ видѣ миссіонеровъ, съ такъ называемыми «летучими церквами». Переходы въ православіе лютеранскихъ эстовъ и латышей возымѣли начало, чему способствовало строгое предписаніе Генералъ-Губернатора Головина, грозившее ссылкою каждому, кто осмѣлится воспрепятствовать переходу латышей и эстовъ въ православную вѣру. Между тѣмъ, еще въ концѣ Сентября признано было нужнымъ размѣстить по деревнямъ казаковъ. Когда послѣдовало распоряженіе Правительства отъ 16 Декабря 1845 г., коимъ назначенъ былъ для желающихъ перейти въ православіе шестимѣсячный срокъ со времени заявленія желанія перейти до самаго помазанія, уже довольно сильное движеніе къ переходу, зимою 1845—46 годовъ, пріостановилось.

«Еще лѣтомъ 1846 г. по рукамъ эстовъ тайкомъ ходила жалоба обратившагося въ православную вѣру крестьянина с. Эрректереръ, который выразилъ разочарованіе и раскаяніе свое въ пѣснопѣніи

въ родѣ народной баллады. Хорошіе урожаи 1845 и 1846 гг. ободрили сельское населеніе; многими «срокъ для размышленія» распространялся далеко за 6 мѣсяцевъ, въ томъ ожиданіи, что уже обратившіеся получатъ, наконецъ, земельный надѣлъ, на который они разсчитывали. Но этого не случилось. Къ тому же, обратившіеся нашли, что они теперь дѣйствительно разъединены въ церковномъ отношеніи съ оставшимися въ лютеранской вѣрѣ родственниками и единоплеменниками своими. Ибо многіе изъ нихъ наивнымъ образомъ являлись къ лютеранскому пастору, какъ прежніе его прихожане, къ Св. Причастію и были весьма удивлены и огорчены, когда имъ приходилось отказывать наотрѣзъ. Это заставляло призадуматься прочихъ. Все это движеніе, повидимому, готово было исчезнуть.

«Тогда для лицъ, обратившихся въ православіе, назначены были православные священники, и эти послѣдніе отправлялись въ деревни, чтобы отыскать лицъ, которыя хотя и заявили о желаніи перейти, но къ помазанію все еще не явились, и совершить надъ ними помазаніе, а равно присоединить къ православной церкви дѣтей, рожденныхъ по принятіи родителями ихъ православной вѣры. Среди сельскаго населенія распространился слухъ, что, если только найдется достаточное число лицъ, обратившихся въ православіе, существующіе лютеранскіе церкви и пасторатъ будутъ заняты православными священниками. Это прибытіе православныхъ священниковъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, быть можетъ, неудачное, вообще говоря сопровождалось, несомнѣнно, нѣкоторымъ успѣхомъ: число обратившихся возросло; тогда говорили о 75.000 конвертитовъ. Весною 1848 г. православные священники и церковно-служители заняли устроенныя для нихъ временно жилища и церкви, но не лютеранскіе пасторатъ. Лютеранскіе проповѣдники по прежнему совершали богослуженіе въ своихъ церквахъ, безпрепятственно продолжали жить въ своихъ домахъ. О «земельномъ надѣлѣ» говорить уже не дозволялось. Одновременное присоединеніе къ православію значительнаго числа лицъ, несмотря на благопріятствовавшія обстоятельства, прекратилось вовсе. Генералъ-Губернаторъ Головинъ былъ отозванъ, мѣсто его занималъ съ весны 1848 г. князь Суворовъ. Вслѣдствіе этого произошли перемѣны и въ обыденныхъ дѣйствіяхъ административныхъ инстанцій. Разгорѣвшіяся на западѣ Европы

революціонныя движенія поглощали вниманіе Правительства. «Отнятіе лютеранскихъ церквей и пасторатовъ» не осуществилось, кромѣ дѣйствительнаго отнятія лютеранской филіальной церкви съ кистератомъ, на принадлежащемъ къ приходу Тестама, Перновскаго уѣзда, островѣ Кюнэ, гдѣ большинство населенія приняло православную вѣру. Это случилось въ началѣ 1849 г. и возбудило среди мѣстнаго лютеранскаго населенія весьма грустныя опасенія. Но Крестьянское Уложеніе 1849 г. успокоило умы, ибо въ §§ 643—657 дальнѣйшее существованіе лютеранской церкви не только предполагалось, но признавалось законнымъ. Устройство школьнаго обученія юношества и надзоръ за этимъ обученіемъ возложены были на учрежденное по Высочайшему повелѣнію 1840 г. Лифляндское Главное Управленіе сельскихъ школъ, предметы вѣдомства котораго, какъ конфессіонально-церковной инстанціи, были опредѣлены и расширены. Этимъ Высочайшимъ указомъ церковь и школа для лютеранскаго населенія Лифляндской губерніи были гарантированы, сохраненіе ихъ въ тоже время признано обязательнымъ, управленію ими, согласно съ дѣйствующими законоположеніями, присвоенъ строго конфессіональный характеръ.

«Приведенные выше параграфы Высочайше утвержденнаго въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1849 г. Крестьянскаго Уложенія, при новомъ изданіи этого Уложенія въ 1880 г., оставлены въ силѣ безъ измѣненія; равнымъ образомъ, при изданіи въ 1866 г. новаго Положенія о крестьянскихъ обществахъ, они составляли основу дѣятельности Лифляндскаго Главнаго Управленія сельскихъ школъ съ 1849 г. Уже въ 1851 г. вступило въ дѣйствіе новое учрежденіе мѣстнаго школьнаго управленія. Церковный конвентъ выбиралъ въ предсѣдатели этого приходскаго школьнаго управленія одного изъ церковныхъ попечителей, сельскіе школьные старосты прихода всѣ вмѣстѣ выбирали изъ среды своей приходскаго школьнаго старосту; мѣстный пасторъ и приходскій учитель по должности своей входили въ составъ этой четырехчленной коллегіи, которая, съ своей стороны, подчинялась уѣздному управленію сельскихъ школъ. Компетентность этого по-

слѣдняго распространялась на два пробстскихъ округа; оно назначало мѣстныя визитаціи школъ, которыя были обязательны для приходскаго школьнаго управленія не менѣе одного раза въ годъ при окончаніи школьнаго ученія, съ послѣдующимъ донесеніемъ собиравшемуся къ Маю каждаго года церковно-школьному конвенту и подлежащему уѣздному управленію сельскими школами. Послѣднее сверхъ того ежегодно, чрезъ особо избранныхъ школьныхъ ревизоровъ (изъ каждаго пробстскаго округа по одному пастору и одному члену дворянскаго сословія), производило въ весеннее время школьныя ревизіи. Въ виду того, что въ лютеранскихъ сельскихъ школахъ дѣло касалось и правъ собственности мѣстныхъ церковныхъ приходовъ, уѣздныя управленія сельскихъ школъ были соединены съ главными церковными попечительствами такимъ образомъ, что полный составъ подлежащаго главнаго церковнаго попечительства, усиленный избранными на каждый пробстскій округъ школьными ревизорами (именно 2 члена дворянскаго сословія и 2 пастора) и избранными приходскими школьными старостами каждаго пробстскаго округа изъ своей среды по одному уѣздному школьному старостѣ (слѣдовательно, также 2 лица), а всего 6 лицами, дѣйствовало въ то же время и въ качествѣ уѣзднаго управленія сельскихъ школъ. Инстанція эта подчинена была главому школьному управленію, которое составлялось изъ четырехъ главныхъ церковныхъ попечителей, Лифляндскаго Генералъ-Суперъ-интенданта, техническаго школьнаго совѣта и секретаря. Предсѣдательствовалъ въ этомъ учрежденіи одинъ изъ главныхъ церковныхъ попечителей, мѣсто вице-предсѣдателя занималъ Генералъ-Суперъ-интендентъ. Учрежденіе это безапелляціонно рѣшало всѣ дѣла лютеранскихъ сельскихъ школъ округа Лифляндской Консисторіи, подчиняясь, съ свой стороны, Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Исполняя свои обязанности, оно заботилось объ устройствѣ сельскихъ школъ для лютеранскаго населенія Лифляндской губерніи и наблюдало за направленіемъ и сохраненіемъ этихъ школъ. Въ 1871 г. учреждена и открыта была латышская сельско-учительская семинарія въ г. Валкѣ, въ 1873 г. такая же эстонская семинарія въ Дерптѣ. И та и другая были закрыты въ 1887 году.

«Съ того времени, когда лютеранское сельское населеніе, будучи допущено къ участію въ сохраненіи, завѣдываніи и надзорѣ за шко-

лами, стало интересоваться преуспѣяніемъ этихъ школъ, сельская школа пріобрѣла популярность. Принесены были значительныя пожертвованія, въ видахъ обезпеченія на будущее время существованія школъ и усугубленія ихъ успѣховъ.

«Помѣщики лютеранскаго исповѣданія и лютеранскія крестьянскія общества жертвовали землю, строительные матеріалы, деньги на постройки и на жалованье учителямъ, учебныя пособія. При этомъ всегда имѣлся въ виду Императорскій законъ, возложившій на лютеранское населеніе обязанность заботиться о школьномъ обученіи юношества. Помѣщики первые стали жертвовать капиталы и земли, за ними послѣдовали крестьянскія общества. Почти половина всѣхъ матеріально обезпеченныхъ сельскихъ школъ въ Лифляндской губерніи обязана своимъ существованіемъ щедрости лютеранскихъ землевладѣльцевъ, которые считали долгомъ чести содѣйствовать единовѣрцамъ своимъ въ стремленіи къ развитію высшихъ ихъ интересовъ. Лифляндскій Губернаторъ, въ опубликованномъ имъ въ концѣ Сентября 1887 г. указѣ, называлъ распоряженіе лютеранскихъ церковныхъ конвентовъ собственностью ихъ лютеранскихъ школъ нарушеніемъ чужого владѣнія, такъ какъ право распоряженія всякою собственностью школъ принадлежитъ попечителю учебнаго округа, со времени подчиненія, по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ Маѣ 1887 г., лютеранскихъ сельскихъ школъ Министерству Народнаго Просвѣщенія. Вслѣдъ за симъ, по предписанію Губернатора, всѣ приходскія школы были чрезъ полицію изъяты изъ владѣнія церковныхъ попечителей, для передачи главному управленію учебнымъ округомъ, но въ то же время сдѣлано распоряженіе о продолженіи учебныхъ занятій въ этихъ школахъ.

«Съ 1851 г. школьное дѣло среди лютеранскаго сельскаго населенія въ Лифляндской губерніи получило замѣтное развитіе. Умственный и нравственный уровень лютеранскаго сельскаго населенія настолько повысился, что крестьяне, причисленные къ православной церкви, сами стали чувствовать, съ какимъ то обращеннымъ къ православному духовенству озлобленіемъ, ту разницу, какая все болѣе начинала высказываться между подрастающимъ юношествомъ лютеранскихъ сельскихъ обществъ и такимъ же юношествомъ православныхъ обществъ. Здѣсь невѣжество въ дѣлахъ религіи и гру-

бость въ проявленіяхъ; тамъ развитость на основаніи религіознаго сознанія; богослуженія вездѣ и постоянно посѣщаются усердно, такъ что во многихъ мѣстахъ приходилось перестроить прежнія церкви; напротивъ того, православныя церкви, съ ихъ богослужебными обрядами, для конвертитовъ непонятными, по большей части пусты или посѣщаются немногими. Члены лютеранскихъ приходовъ исполнены и соединены между собою живымъ сознаніемъ ихъ евангелической вѣры, о бѣдныхъ заботятся, больныхъ посѣщаютъ церковные попечители, приходскіе учителя, пасторы,—члены православныхъ приходовъ предоставлены сами себѣ, общественное богослуслуженіе ихъ не удовлетворяетъ, дѣтей ихъ не учатъ, священники о нихъ не заботятся, притомъ они разочарованы въ ожиданіяхъ, послужившихъ поводомъ къ переходу ихъ въ православіе. Школы, устроенныя при православныхъ церквахъ, должны были послужить къ тому, чтобы ознакомить дѣтей съ русскимъ языкомъ, хотя бы настолько, чтобы они могли понимать церковную службу. Но успѣха оказывалось такъ мало, что отъ этого падали духомъ обучающіе столько же, сколько и учащіеся. Изъ всего этого понятно, что причисленные къ православной церкви латыши и эсты стали чувствовать себя несчастными и во многихъ случаяхъ, слѣдуя влеченію совѣсти своей, угнетаемой упреками, которые они дѣлали сами себѣ,—стали думать о возвращеніи въ оставленное ими сообщество съ ихъ лютеранскими единоплеменниками и родными, стали вздыхать объ этомъ, все съ большимъ и большимъ усердіемъ стремиться къ возвращенію, требовать его.

«Евангелическо-лютеранскіе проповѣдники Лифляндской губерніи, еще въ 1847 г., рѣшили между собою, что подобныя требованія конвертитовъ, о принятіи ихъ вновь въ лютеранскую церковь, никоимъ образомъ не могутъ быть удовлетворены. Посему, согласно съ Уставомъ Ев. Лют. Церкви въ Россіи, лютеранскіе проповѣдники до средины 1860 годовъ постоянно отказывали конвертитамъ, требовавшимъ присоединенія ихъ вновь къ лютеранской церкви. Между тѣмъ, число смѣшанныхъ браковъ возрастало, и отвратить ихъ, съ одной стороны, было не во власти проповѣдниковъ, а съ другой стороны, православные священники смотрѣли на это почти какъ на вторженіе въ область ихъ служебной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе это было во всякомъ

случаѣ несчастіе, когда въ домъ и въ бракъ вносилась съ самаго начала двойственная религіозная жизнь. Но явленіе это имѣло свою особую причину, которую открыто и высказывали православные крестьяне, желавшіе вступить въ бракъ съ лютеранками. Они говорили: «лютеранскія жены, хорошо обученныя и по христіански воспитанныя, могутъ и дѣтей своихъ наставлять и воспитывать въ духѣ христіанской религіи, а этого не могутъ дѣвушки православнаго исповѣданія, которыя сами не получили наставленія въ истинахъ христіанской религіи. Между тѣмъ, домашнее воспитаніе дѣтей у нихъ, принадлежащихъ къ православной церкви, должно замѣнить все остальное, такъ какъ христіанскаго воспитанія дѣтей посредствомъ школы въ ихъ церкви не существуетъ».

«Уже въ 1859 г. было замѣчено, что такіе члены православной церкви, которые или были помазаны еще въ малолѣтствѣ по желанію ихъ отца или матери или же произошли отъ смѣшаннаго брака и возрасли безъ всякаго наставленія въ догматахъ православной церкви,—принимали видъ принадлежности къ лютеранской вѣрѣ и часто посѣщали богослуженіе. Это молодое поколѣніе все болѣе приходило въ лѣта, къ молодымъ людямъ присоединились и старые конвертиты, съ раскаяніемъ сознаваясь въ томъ, что намѣренія ихъ при переходѣ въ православную вѣру были не чисты; всѣ они начали приставать къ лютеранскимъ проповѣдникамъ съ просьбами о допущеніи ихъ къ Св. Причастію по лютеранскому обряду. Пасторы первоначально имъ просто отказывали, а затѣмъ, когда они не уставали возвращаться, направляли ихъ къ священникамъ ихъ вѣроисповѣданія и къ губернскому начальству. Положеніе дѣлъ становилось тяжелымъ, движеніе усиливалось.

«Лѣтомъ 1860 г. среди сельскаго населенія снова распространилось лихорадочное стремленіе къ переселенію. Говорили, что въ Самарской и Саратовской губерніяхъ имъ безвозмездно будетъ отведена земля для поселенія. Нѣсколько семействъ отправилось туда. Другіе были настолько благоразумны, что пожелали собрать предварительно свѣдѣнія. Они сложились и послали на мѣсто избранныхъ лицъ, для развѣдки предназначенной къ заселенію земли и ознакомленія съ мѣстными условіями жизни, а между тѣмъ въ опредѣленное время заявили о прекращеніи арендныхъ ихъ

договоровъ къ будущему апрѣльскому сроку. Осенью 1860 г. посланные возвратились и дали отчетъ. То, что они видѣли и узнали, не могло уже показаться привлекательнымъ. Арендныя отношенія на родинѣ были вновь приведены въ порядокъ, народъ остался на мѣстѣ, и когда весною и лѣтомъ семьи, выселившіяся за годъ передъ тѣмъ полныя надеждъ, возвратились на родину въ жалкомъ положеніи, больныя отъ нужды и лишенія и въ уменьшенномъ числѣ за смертію многихъ въ чужой странѣ, тогда сельское населеніе вполнѣ убѣдилось, что въ Самарской и Саратовской губерніяхъ искать счастія имъ не слѣдуетъ. Теперь появилось усиленное стремленіе къ пріобрѣтенію арендуемыхъ земельныхъ угодій въ неограниченную собственность посредствомъ купли. А это повело сельское населеніе къ самосознанію.

«Одновременно съ этимъ пробудилось и національное движеніе, поддерживаемое и усиливаемое энергичными, пользовавшимися со стороны своихъ единоплеменниковъ уваженіемъ и вліяніемъ личностями, какъ латышами, такъ и эстами. Лица эти опасались, что національность ихъ можетъ сдѣлаться жертвою господствующей нѣмецкой интеллигенціи. Цѣлью ихъ національныхъ стремленій была полная во всѣхъ отношеніяхъ самостоятельность. Это содѣйствовало и покупкѣ земли, какъ первому шагу хозяйственной самостоятельности. Зажиточность возрастала, вмѣстѣ съ тѣмъ развивалось и умѣніе сельскаго населенія въ хозяйственномъ отношеніи. Сдѣланные въ 1880 г. долги казнѣ хлѣбомъ и зерномъ выплачивались мало-по-малу, въ опредѣленные сроки, съ процентами и процентами на проценты. Предоставленіе полной свободы въ покупкѣ помѣстій и формальное запрещеніе барщинной аренды послѣдовали вскорѣ одно за другимъ, вмѣстѣ со введеніемъ большей самостоятельности въ крестьянскомъ общественномъ управленіи. Лифляндское сельское населеніе въ 1860 г. было уже не то, какимъ оно было въ 1841 и 1845 годахъ.

«Обратное стремленіе къ лютеранской церкви латышей и эстовъ, числившихся принадлежащими къ православной церкви, но внутренно ей чуждыхъ, стало усиливаться и принимать болѣе опредѣленную форму именно въ то время, когда въ прочихъ губерніяхъ Имперіи совершилось освобожденіе крестьянъ отъ крѣпост-

ного права. Просьбы лифляндскихъ крестьянъ православнаго исповѣданія о дозволеніи имъ принять прежнюю вѣру, находили вниманіе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Его Величество въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ весною 1864 г. даже поручилъ графу Бобринскому отправиться на мѣсто въ Лифляндскую губернію, для собранія точныхъ по тому предмету свѣдѣній. Изъ словъ, сказанныхъ графомъ Бобринскимъ, который выслушивалъ православныхъ крестьянъ лично, можно было заключить, что на него дѣйствительное положеніе дѣла производило впечатлѣніе позора, нанесеннаго самой себѣ православною церковью какъ способомъ обращенія въ православіе этихъ эстовъ и латышей, такъ и послѣдующими по отношенію къ нимъ дѣйствіями [1]).

«Въ Апрѣлѣ 1865 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, сообщенное «конфиденціально» всѣмъ проповѣдникамъ, о томъ, чтобы впредь при заключеніи смѣшанныхъ браковъ въ Лифляндской губерніи не требовать уже подписки о крещеніи дѣтей отъ такихъ браковъ въ православной церкви. До того времени существованіе этой подписки было причиною того, что православные священники, зная, что рожденныя отъ смѣшанныхъ браковъ дѣти не могутъ уйти отъ православной церкви, не препятствовали совершенію надъ такими дѣтьми крещенія по нуждѣ и не торопились помазаніемъ ихъ. Теперь это вдругъ измѣнилось. Православные священники отнынѣ стали столь же усердно противодѣйствовать смѣшаннымъ бракамъ, сколь усердно они прежде имъ содѣйствовали. Возгорѣлась хотя и не открытая, но весьма оживленная борьба о потомствѣ лицъ различныхъ исповѣданій, вступившихъ между собою въ бракъ. Тѣмъ временемъ, такъ какъ вѣнчаніе такихъ лицъ, какъ и прежде, лежало на обязанности исключительно православной церкви и такъ какъ православные священники рѣшительно отказывались вѣнчать, если не будетъ дано подписки, многіе члены остались неповѣнчанными. Изъ нихъ многіе тѣмъ не менѣе вступили въ брачную жизнь, основываясь на томъ, что правильно совершенное

---

[1]) Ревизія гр. Бобринскаго и тѣ условія, въ которыхъ она производилась, достаточно освѣщены Ю. Самаринымъ.

въ лютеранской церкви оглашеніе сохраняетъ силу обязательнаго обрученія въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ со дня послѣдняго оглашенія. Это былъ весьма прискорбный оборотъ дѣла, особливо въ виду дурного вліянія на нравственность сельскаго населенія. Нѣкоторые изъ этихъ «гражданскихъ браковъ» были впослѣдствіи освящены православными священниками совершеніемъ церковнаго вѣнчанія, послѣ того какъ подлежащая лютеранская часть изъявила согласіе принять православную вѣру. Но въ другихъ случаяхъ, когда лютеранская часть не соглашалась принять православіе, а православные священники продолжали отказываться отъ вѣнчанія, дошло до того, что такіе члены настоятельно стали требовать вѣнчанія отъ лютеранскаго пастора и, наконецъ, достигали этого. Несомнѣнно, это было явное нарушеніе закона со стороны подлежащаго лютеранскаго проповѣдника, вызванное предшествовавшимъ отказомъ православнаго священника отъ исполненія Высочайшей воли, объявленной въ Мартѣ 1865 г. Такихъ случаевъ. однако, во всей губерніи было не болѣе 15. Генералъ-Губернаторъ графъ Шуваловъ въ Декабрѣ 1865 г. достигъ того, что по его иниціативѣ, Архіепископъ Рижскій и Митавскій предложилъ подчиненному ему православному духовенству не отказывать впредь въ вѣнчаніи смѣшанныхъ браковъ безъ дачи подписки. Этимъ устраненъ былъ поводъ къ вѣнчанію смѣшанныхъ браковъ по лифляндскому обряду безъ содѣйствія православнаго священника. Однако брачный союзъ вышеупомянутыхъ 15 четъ, уже повѣнчанныхъ, оставленъ былъ въ силѣ и никто расторженія этихъ браковъ не потребовалъ, между тѣмъ въ глазахъ сельскаго населенія это означало не только одержанную надъ православными священниками побѣду, но и равноправность обоихъ исповѣданій и предоставленіе каждому принадлежать къ тому или другому вѣроисповѣданію по собственному своему усмотрѣнію.

«Движеніе желавшихъ возвратиться въ евангелическо-лютеранскую церковь крестьянъ православнаго исповѣданія усиливалось, положеніе лютеранскихъ проповѣдниковъ становилось все болѣе труднымъ. О желаніи своемъ быть освобожденными отъ принадлежности къ православной церкви просители довели до свѣдѣнія высшаго начальства Прибалтійскихъ губерній, но не достигли

своей цѣли и, въ отчаяніи своемъ, самовольно нарушая церковный порядокъ, стали пріобщаться Св. Таинъ въ лифляндской церкви безъ вѣдома подлежащаго проповѣдника. Тогда два проповѣдника сосѣднихъ между собою приходовъ, Оберпаленскаго и Пиллистферскаго, принадлежащихъ къ Феллинскому пробстскому округу, рѣшились сообщить духовнымъ назиданіемъ и Св. Дарами нѣсколькихъ лицъ православнаго исповѣданія, особенно тяжко страдавшихъ отъ угнетенія совѣсти. Оба эти проповѣдника были въ скоромъ времени, въ Декабрѣ 1865 г., устранены на 6 мѣсяцевъ отъ должности. Между тѣмъ, допущенные ими къ Св. Причастію крестьяне остались безъ всякаго взысканія, совершившійся фактъ присоединенія ихъ къ лютеранской церкви оставленъ былъ въ силѣ.

«Въ Январѣ 1866 г. значительное число лютеранскихъ проповѣдниковъ собралось въ Дерптѣ для совѣщанія о положеніи дѣлъ. Положеніе дѣлъ было критическое, умы взволнованы. Большинство проповѣдниковъ находило требованія массы крестьянъ, заявившихъ теперь о желаніи возвратиться въ евангелическо-лютеранскую церковь, заслуживающими уваженія, хотя и признавало необходимымъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тщательно изслѣдовать предварительно мотивы просителей и степень ихъ нравственнаго угнетенія. Меньшинство полагало, что принятіе въ лютеранскую церковь не можетъ быть предоставлено усмотрѣнію каждаго отдѣльнаго проповѣдника, а правила о семъ должны быть преподаны Консисторіею, если же это невозможно, то принятіе вовсе не можетъ имѣть мѣста.

«Слово Божіе не связано» (Посланіе II къ Тимоѳею 2, 9)—это признавалось несомнѣннымъ началомъ и меньшинствомъ, но они, въ виду принятой ими по должности присяги, находили себя не въ правѣ, безъ разрѣшенія церковной власти, совершать священнодѣйствія надъ лицами, не принадлежащими къ какому либо евангелическо-лютеранскому приходу. Принципіальнаго соглашенія между проповѣдниками не состоялось. Лифляндская же евангелическо-лютеранская консисторія создать какой либо лучшій порядокъ не имѣла возможности, такъ какъ теперь каждый проповѣдникъ безъ запроса или донесенія въ каждомъ данномъ случаѣ поступалъ такъ, какъ ему это внушала собственная его совѣсть.

«Во время январской конференціи проповѣдниковъ въ Дерптѣ послѣдовало предписаніе Губернатора, объявленное всѣмъ лифляндскимъ пасторамъ, о собраніи точныхъ свѣдѣній обо всѣхъ дѣтяхъ, которыя, хотя и рождены отъ смѣшанныхъ браковъ, но не были православнымъ священникомъ не только помазаны, но и крещены, а получили только «крещеніе по нуждѣ» отъ частныхъ лицъ, не будучи затѣмъ нигдѣ записаны. Лютеранскимъ проповѣдникамъ поручалось не только привести въ извѣстность этихъ дѣтей, но и внести всѣ собранныя свѣдѣнія въ особый реестръ, который долженъ быть представленъ евангелическо-лютеранской консисторіи. Объ окончательномъ причисленіи дѣтей этихъ къ тому или другому исповѣданію предполагалось сдѣлать распоряженіе впослѣдствіи. Проповѣдники, по предписанію Губернатора, должны были объяснить все это крестьянамъ. Результатъ превысилъ всякія ожиданія, пролилъ новый свѣтъ на фактическое положеніе дѣла. Обнаружено было весьма значительное число такихъ дѣтей. Находящіеся еще въ живыхъ воспріемники и лица, совершившія крещенія по нуждѣ, были допрошены въ судѣ, показанія ихъ провѣрялись и затѣмъ дѣла переданы въ лифляндскую евангелическо-лютеранскую консисторію.

«Православные священники были весьма недовольны этими дѣйствіями, но, такъ какъ они производились по предписанію начальства, оказать серьезнаго противодѣйствія не могли. Между тѣмъ, дѣло шло своимъ порядкомъ и не мало содѣйствовало къ обновленію надежды конвертитовъ на предоставленіе имъ свободы вѣроисповѣданія. Многіе изъ нихъ, слѣдуя упомянутому выше примѣру Оберпаленскихъ и Пиллистферскихъ крестьянъ, въ нетерпѣливости своей обратились къ такому средству, что, не дѣлая никакого предварительнаго заявленія мѣстному лютеранскому пастору, въ такіе дни, когда въ лютеранскихъ церквахъ особенно значительно число пріобщающихся Св. Таинъ, подходили къ алтарю среди лютеранъ и, уже по окончаніи богослуженія, являлись къ пастору съ заявленіемъ, что только что получили изъ его рукъ Св. Причастіе. Терпѣть подобное злоупотребленіе было невозможно. На проповѣдническомъ синодѣ 1866 г. было объ этомъ заявлено, и синодъ энергично возсталъ противъ такого самоуправ-

ства крестьянъ. Проповѣдникамъ, поставленнымъ въ такое положеніе, было предложено не терпѣть и по возможности устранять на будущее время подобныя дѣйствія. Но единодушнаго соглашенія на синодѣ не послѣдовало, отношенія были слишкомъ запутаны. Только три проповѣдника объявили рѣшительно, что они считаютъ для себя безусловно обязательнымъ законъ изложенный въ Церковномъ Уставѣ, тогда какъ большинство, съ различными оттѣнками, находило возможнымъ смотрѣть на дѣло такъ, что, въ виду явнаго угнетенія совѣсти конвертитовъ, должно быть принято во вниманіе апостольское изреченіе (дѣян. Св. Апост. 5, 29): «Подобаетъ болѣе слушаться Бога, чѣмъ людей.»—Такъ какъ придти къ соглашенію было невозможно, а Консисторія лишена была всякихъ средствъ помочь явному бѣдствію, то совѣсти каждаго проповѣдника въ отдѣльности было предоставлено поступать въ каждомъ данномъ случаѣ такъ, какъ онъ, помня отвѣтственность свою предъ Богомъ, найдетъ это возможнымъ. Но установлены были нѣкоторыя ограниченія, въ особенности ни одинъ проповѣдникъ не хотѣлъ брать на себя инициативу, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда конвертиты обратятся къ пастору съ неотступными, истекающими изъ явнаго угнетенія ихъ совѣсти просьбами, пасторъ долженъ былъ имѣть право, по добросовѣстномъ обсужденіи даннаго случая, оказать нуждающемуся духовное призрѣніе и пріобщить его Св. Тайнъ. Ибо уже для всѣхъ стало ясно, что безъ надлежащаго, даннаго отъ церковнаго управленія, основанія не можетъ быть рѣчи о законно-дѣйствительномъ принятіи конвертитовъ въ евангелическо-лютеранскую церковь.

«Аудіенція Лифляндскаго Генералъ-Суперъ-интендента у Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ Декабрѣ 1866 г. не измѣнила положенія дѣла, развѣ въ томъ только отношеніи, что бѣдственное положеніе было доведено непосредственно до свѣдѣнія высшей власти. Къ улучшенію этого положенія со стороны Правительства никакихъ мѣръ не послѣдовало. Дѣло было предоставлено само себѣ.

«Отношенія становились все болѣе запутанными, притомъ же и въ образѣ дѣйствій отдѣльныхъ проповѣдниковъ не было никакого единообразія. На многихъ лютеранскихъ проповѣдниковъ принесены были жалобы, предстояло судебное преслѣдованіе. Но въ то же

время регредіенты, т. е. лица, окончательно отпавшія отъ православной церкви и обратившіяся къ духовному призрѣнію лютеранскихъ пасторовъ, оставлялись безъ всякаго преслѣдованія, никто съ нихъ не взыскивалъ, никто имъ не препятствовалъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Многія изъ обнаруженныхъ по собраннымъ во исполненіе правительственнаго распоряженія справкамъ, дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, о коихъ было дознано, что они помазанію никогда не подвергались, были предоставлены лютеранской церкви и школѣ, на основаніи приказа Генералъ-Губернатора Головина, послѣдовавшаго въ 1840 годахъ. Дѣти лицъ различныхъ исповѣданій, повѣнчанныхъ съ 1865 г. безъ истребованія подписки, конечно, когда того желали ихъ родители, принимались къ крещенію по лютеранскому обряду. Болѣе сложными представлялись случаи, касавшіеся такихъ лицъ, которыя православными священниками признавались принадлежащими къ ихъ приходамъ, но фактически принимали Св. Причастіе въ лютеранской церкви, а еще болѣе, когда дѣло касалось потомства такихъ лицъ. Большія затрудненія возникли тогда, когда такія лица оставляли свое мѣсто жительство, поселялись въ другомъ приходѣ, какъ лютеране, и требовали отъ лютеранскаго проповѣдника новаго ихъ мѣста жительства совершенія для нихъ священнодѣйствій.

Какъ надлежало поступить пастору въ виду такихъ требованій? Отношенія эти грозили разрушеніемъ всякому церковному порядку. Беззаконіе усиливалось, жалобы на лютеранскихъ проповѣдниковъ стали чаще. Представленія лифляндской евангелическо-лютеранской консисторіи и ходатайства ландтаговъ оставались безъ послѣдствій.

«Это положеніе дѣла не помѣшало, однако, большому народному празднедству въ Іюнѣ 1869 г., устроенному въ Дерптѣ, съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ память освобожденія лифляндскихъ крестьянъ въ 1819 г.,—притомъ при участіи и подъ болѣе или менѣе дѣятельнымъ руководствомъ лютеранскихъ пасторовъ. Спокойствіе и порядокъ, несмотря на тысячи собравшагося народа, нигдѣ нарушены не были. Православные священники держались въ сторонѣ, и на ихъ отсутствіе народъ не обращалъ вниманія. Это не понравилось ни священникамъ, ни вожакамъ

народнаго движенія. Старались во что бы то ни стало осуществить девизъ: «Прочь отъ нѣмцевъ.» Къ агитаціи въ этомъ духѣ было приступлено съ энергіею и ловкимъ расчетомъ, но, вслѣдствіе этого, броженіе среди сельскаго населенія могло только усилиться.

«Лѣтомъ 1870 г. Его Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ отправлялся за границу и приказалъ Архіепископу Рижскому и Митавскому Веніамину представиться Ему въ Динабургѣ. Тутъ Его Величеству угодно было категорически заявить Архіепископу Царское Свое желаніе, чтобы ради вѣры никто преслѣдуемъ не былъ. Дѣла, начатыя по жалобамъ на лютеранскихъ проповѣдниковъ, были прекращены. Въ то же лѣто Архіепископъ Веніаминъ предпринялъ путешествіе по округу своему и въ имѣніе Стоимерзе, гдѣ онъ былъ гостепріимно принятъ владѣльцемъ того имѣнія, барономъ Вольфомъ, женатымъ на урожденной княжнѣ Потемкиной; упомянутый сановникъ сообщилъ сказанныя Его Императорскимъ Величествомъ слова и уполномочилъ барона Вольфа не только повторить Царскія слова въ мѣстномъ приходскомъ судѣ, въ присутствіи мѣстнаго пристава, но и перевести ихъ на латышскій языкъ. Слухъ объ этомъ происшествіи мгновенно распространился по всей губерніи. Во то же время населеніе убѣдилось на самомъ дѣлѣ, что всѣ тѣ лица, которыя открыто отпали отъ православной вѣры,—а такихъ лицъ въ то время уже насчитывалось около 8.000 причащающихся,—оставались совершенно свободными отъ всякаго преслѣдованія по уголовному закону. Царское слово, теперь повсюду сдѣлавшееся извѣстнымъ, притомъ сообщенное самимъ православнымъ Архіепископомъ, окончательно разсѣяло опасенія, кое гдѣ въ боязливыхъ душахъ еще сохранившіяся. Въ послѣдующую зиму стало извѣстно, что князь Горчаковъ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, лѣтомъ 1870 г., въ Швейцаріи, открыто высказывалъ мнѣніе, что предоставленіе свободы вѣроисповѣданія въ Россіи только вопросъ времени, такъ какъ оно неминуемо должно слѣдовать за освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

«Но все это еще не могло повести къ установленію опредѣленнаго порядка въ крайне запутанныхъ отношеніяхъ среди сельскаго населенія. Въ 1871 г. лифляндская консисторія напомнила лютеран-

скимъ проповѣдникамъ, что каждый пасторъ обязанъ признавать за дѣйствительное выданное другимъ пасторомъ, по долгу священства и съ приложеніемъ церковной печати, епархіальное свидѣтельство, а, слѣдовательно, признавать лицъ, являющихся съ такими свидѣтельствами, членами лютеранской церкви. Распоряженіе это, конечно, не могло создать какое либо новое законное основаніе, но оно послужило къ тому, что щадилась совѣсть тѣхъ проповѣдниковъ, которые безъ этого признавали бы себя обязанными отказывать въ духовномъ призрѣніи лицамъ, перешедшимъ изъ православной вѣры обратно въ лютеранскую церковь.

«Сельское населеніе открыто говорило: «обратный переходъ въ лютеранскую церковь дозволенъ». Ибо ни лица, возвратившіяся въ лютеранскую вѣру, ни проповѣдники, совершившіе для нихъ священнодѣйствія, никакому взысканію не подвергались. Принятая въ это время Правительствомъ и приведенная въ дѣйствіе мѣра о предоставленіи тѣмъ безземельнымъ крестьянамъ, которые продолжали принадлежать къ православной церкви, въ казенныхъ имѣніяхъ земельныхъ участковъ въ арендное пользованіе за общую плату, имѣла видъ установленной Правительствомъ преміи за устойчивость, но не произвела среди сельскаго населенія другого по отношенію къ православной церкви настроенія умовъ и не могла остановить стремленіе возвратиться снова въ евангелическо-лютеранскую церковь. Дѣло шло по прежнему. Какъ оказалось по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ зиму 1872—73 гг., съ 1865 г. число лицъ, пріобщенныхъ Св. Таинъ въ лютеранскихъ церквахъ Лифляндской губерніи, увеличилось на 8.903 взрослыхъ лица; окрещено по лютеранскому обряду дѣтей, рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ до или послѣ 1865 г., 6.770 душъ, такъ что фактически выбыло изъ православной церкви 15.673 души. Сверхъ того дѣти въ числѣ 2.033, числящіяся по спискамъ православной церкви, посѣщали лютеранскія школы. Но если кому либо эти цифры и могли бы показаться отрадными, то не слѣдовало забывать и обратную сторону медали, а именно: изъ числа 107 состоявшихъ въ должности въ Лифляндской губерніи пасторовъ, весною 1873 г. не менѣе 95 сдѣлались виновными въ нарушеніи государственнаго закона; только 12 пасторовъ ни въ одномъ случаѣ не допустили закононарушенія, но изъ нихъ 4 не имѣли къ тому и повода,

потому что конвертиты къ нимъ не обращались. Непрестанныя жалобы со стороны православнаго духовенства были неизбѣжны. Между тѣмъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ лѣтомъ 1873 г. поставилъ лифляндскую консисторію въ извѣстность о томъ, что имъ признано возможнымъ оставить безъ послѣдствій 25 дѣлъ по обвиненію проповѣдниковъ въ нарушеніи закона. Наконецъ, 22 Іюля 1874 г., Его Величеству Государю Императору Александру Николаевичу благоугодно было повелѣть прекратить всѣ дѣла по обвиненію лютеранскихъ проповѣдниковъ въ Лифляндской губерніи. Но о томъ, какого порядка надлежитъ держаться впредь относительно лицъ, присоединенныхъ къ православной церкви, но требующихъ принятія ихъ обратно въ лютеранскую церковь, никакого отъ высшей власти распоряженія и указанія не послѣдовало; ни консисторія, ни проповѣдники не получили по сему предмету наставленія, ни даже намека. Развитіе всего дѣла предоставлено было, какъ и прежде, самому себѣ. Тѣмъ болѣе Генералъ-Суперъ-интендентъ считалъ обязанностью своею поставить на видъ проповѣдникамъ, что имъ слѣдуетъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ воздерживаться отъ всякой пропаганды и даже тщательно избѣгать всего, что могло бы показаться агитаціею въ смыслѣ пропаганды, уже изъ любви къ самой евангелической церкви, такъ какъ дѣло вовсе не въ томъ, чтобы обратились въ лютеранство тысячи конвертитовъ, а въ томъ единственно, чтобы въ нужныхъ случаяхъ предоставлять лицамъ, страдающимъ отъ угнетенія совѣсти, утѣшеніе Слова Божія и Евангелія.

«Однако народъ, повидимому, правильно охарактеризовалъ истинное положеніе дѣла, когда утверждалъ, что разрѣшено отрѣшаться отъ православной церкви и перейти въ лютеранскую церковь. Ибо, по Высочайшимъ повелѣніямъ Его Величества Государя Императора Александра Николаевича, дѣла по жалобамъ на лютеранскихъ проповѣдниковъ неоднократно были прекращаемы, а, съ другой стороны, никто не препятствовалъ конвертитамъ обращаться вновь къ лютеранской церкви и ея проповѣдникамъ. Весьма достопримѣчательное рѣшеніе Правительствующаго Сената, послѣдовавшее въ 1874 г., еще болѣе укрѣпило повсюду то убѣжденіе, что у Правительства существуетъ серьезное предположеніе предоставить всѣмъ такую свободу переходить изъ одного вѣроисповѣданія

въ другое. Именно, по уголовному дѣлу, въ которомъ предусмотрѣнное закономъ наказаніе надлежало соединить съ заключеніемъ осужденнаго, если онъ православнаго исповѣданія, въ монастырь, а если онъ принадлежитъ къ другому вѣроисповѣданію, то со ссылкою въ Сибирь, осужденный оказался лицомъ, обращеннымъ прежде изъ лютеранской церкви въ православную, но уже нѣсколько лѣтъ принимавшій ежегодно Св. Причастіе въ лютеранской церкви Шванебургскаго прихода, Валкскаго уѣзда. Высшее судебное учрежденіе Имперіи отмѣнило приговоръ низшей инстанціи, коимъ осужденный приговоренъ былъ къ наказанію, какъ лицо православнаго исповѣданія, и постановило о немъ приговоръ, какъ о лицѣ иновѣрческаго исповѣданія, на томъ основаніи, что осужденный, хотя онъ и былъ прежде присоединенъ къ православной церкви посредствомъ помазанія, но, во время совершенія имъ преступленія, фактически принадлежалъ къ лютеранской церкви. Такимъ образомъ, прежняя принадлежность этого лица къ православію по суду признана не имѣющею рѣшающаго значенія, а засимъ то положеніе фактической свободы вѣроисповѣданія, которое на самомъ дѣлѣ существовало въ Лифляндской губерніи, хотя оно и не было освящено Царскимъ Словомъ, санкціонировано было высшимъ судебнымъ учрежденіемъ Имперіи и признавалось законнымъ.

«Обратное движеніе конвертитовъ и ихъ потомства къ лютеранской церкви, между тѣмъ, не прекращалось, хотя оно уже и не имѣло того объема, какъ въ первые годы его возникновенія и распространенія. Дѣло шло спокойно и тихо, до 1883 г. не подвергаясь никакимъ вліяніямъ извнѣ. Только съ 1883 г. въ лифляндскую лютеранскую консисторію стали поступать новыя жалобы на подчиненныхъ этой консисторіи проповѣдниковъ за совершеніе ими требъ для лицъ, которыхъ православная церковь считала принадлежащими къ ней. Жалобы эти, однако, на первое время нисколько не измѣнили фактическаго положенія дѣлъ.

«Въ 1885 г. 26 Іюля воспослѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе о требованіи вновь установленной, при заключеніи смѣшанныхъ браковъ, подписки, отмѣненной Его Величествомъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ въ Мартѣ мѣсяцѣ 1865 года.

«Лифляндская лютеранская консисторія, по ходатайству проповѣдническаго синода, издала наставленіе приходамъ, долженствовавшее разъяснить приходамъ силу и значеніе Высочайшаго указа и обнародованное всѣми проповѣдниками Лифляндской губерніи осенью 1885 г. Введеніе вновь подписки совершенно измѣнило положеніе дѣла. Въ этомъ надлежало убѣдить всѣхъ членовъ лютеранскихъ приходовъ, сознаніе объ этомъ надлежало внушить и лицамъ, прежде обращеннымъ въ православную церковь и потомкамъ этихъ лицъ. Оказывалось необходимымъ устранить легкомысленный переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое по собственному желанію каждаго, тѣмъ болѣе, что событія въ Викскомъ уѣздѣ Эстляндской губерніи и на близълежащихъ островахъ уже показали, сколь мало придается значенія личному отношенію къ чистому евангельскому ученію. Только строгая сдержанность лютеранскихъ пасторовъ могла дать почувствовать сельскому населенію, въ чемъ заключалась сущность дѣла. Еще лѣтомъ 1885 г. проповѣдники Лифляндской губерніи вполнѣ въ этомъ убѣдились. Лица, до 26 Іюля 1885 г. присоединившіяся вновь къ лютеранской церкви, такъ какъ о нихъ никакого особаго со стороны Правительства распоряженія не послѣдовало, пользовались духовнымъ призрѣніемъ по прежнему, но проповѣдники строго воздерживались отъ принятія вновь лицъ, просившихъ о присоединеніи ихъ вновь къ лютеранской церкви, къ которой они принадлежали прежде, хотя подобное ходатайство въ продолженіе одного года, до Августа 1886 г., было заявлено 1.000 лицами. Только въ 4 случаяхъ допущена была конфирмація такихъ лицъ, которыя, во время обнародованія Высочайшаго повелѣнія отъ 26 Іюля 1885 г., уже начали конфирмаціонное ученіе. Между тѣмъ, въ началѣ 1886 г. въ приходѣ Лаисъ Дерптскаго уѣзда перешли изъ лютеранской церкви въ православную 178 лицъ мужскаго и 106 лицъ женскаго пола, всего 284 лица. Въ Январѣ 1886 г., по распоряженію Архіепископа Рижскаго и Митавскаго, во всѣхъ православныхъ церквахъ Лифляндской губерніи было публично прочитано письмо, въ которомъ Лифляндскій Губернаторъ объяснялъ о мѣрахъ наказанія, опредѣляемыхъ закономъ за отпаденіе отъ православія, каковые законы, слѣдовательно, должны были имѣть примѣненіе ко всѣмъ лицамъ, обращеннымъ въ право-

славную церковь, но впослѣдствіи вновь перешедшимъ въ лютеранскую церковь. Но дѣло ограничилось обнародованіемъ этого письма, уголовной карѣ никто подвергнутъ не былъ, хотя съ осени 1886 г. и начаты были слѣдствія относительно нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ. Духовная сила религіознаго убѣжденія и здѣсь ставитъ непреодолимыя границы внѣшнему проявленію правительственной власти, какъ это уже показало, въ 1863 г., распоряженіе Правительства относительно раскольниковъ. Лифляндскій Генералъ-Суперъинтендентъ довелъ до свѣдѣнія Лифляндскаго Губернатора, что лица, присоединившіяся къ лютеранской церкви безпрепятственно и безнаказанно, до введенія снова подписки при заключеніи смѣшанныхъ браковъ, въ вышеописанный промежутокъ времени, не могутъ быть предоставлены самимъ себѣ, такъ какъ лица эти, если лютеранскіе проповѣдники будутъ отказывать имъ въ духовномъ призрѣніи и въ совершеніи требъ, неминуемо должны составить новую секту, ибо они, хотя бы православная церковь и признавала ихъ принадлежащими къ ней, тѣмъ не менѣе фактически давно уже къ этой церкви не принадлежатъ и добровольно ее оставили. Число такихъ лицъ было уже значительно, притомъ они были распространены по всей губерніи. Лютеранская генеральная консисторія вошла съ представленіемъ къ высшему начальству о невозможности признавать этихъ лицъ, вновь присоединившихся къ лютеранской церкви, принадлежащими къ православной церкви. Разрѣшенія на это представленіе по настоящее время никакого не послѣдовало. Какъ поступать съ этими вновь обращенными въ лютеранскую вѣру лицами, этотъ вопросъ остается открытымъ, ибо дѣйствію уголовнаго закона никто изъ этихъ лицъ долгое время подвергаемъ не былъ, хотя лютеранскіе проповѣдники, оказывавшіе имъ духовное призрѣніе, подвергались взысканіямъ какъ въ административномъ порядкѣ, такъ и путемъ свѣтскаго суда. Послѣднее изслѣдованіе, произведенное зимою 1886/87 годовъ, показало, что общее число такихъ вновь обращенныхъ изъ православной церкви въ лютеранскую церковь лицъ составляло въ то время тридцать пять тысячъ сто шестьдесятъ пять (35.165) душъ».

XII. Препроводительное письмо Ѳ. К. Гирса, отъ 11 Ноября 1889 г., князю М. Р. Кантакузену графу Сперанскому, Директору Деп. Духовныхъ Дѣлъ ин. исповѣданій.

Считаемъ нужнымъ привести текстъ письма Ѳеодора Карловича Гирса къ князю Кантакузену гр. Сперанскому, при которомъ была препровождена вышеизложенная записка Генералъ-Суперъ-Интенданта Гольмана.

«Милостивый Государь, князь Михаилъ Родіоновичъ. Прилагаемая при семъ записка есть работа Гольмана. Переводъ тяжелый и записка пространна сама по себѣ. Поэтому, чтобы не затруднять Васъ чтеніемъ записки въ понедѣльникъ, рѣшаюсь просить васъ прочесть записку у себя дома, а въ понедѣльникъ буду у васъ въ Министерствѣ для личныхъ объясненій по столь щекотливому вопросу. Думаю, во всякомъ случаѣ, что трудъ Гольмана не безполезенъ въ томъ отношеніи, что можетъ ознакомить Васъ и Министра съ даннымъ вопросомъ въ подробности. Глубоко уважающій и преданный Ѳ. Гирсъ. 11 Ноября 1889 г. [1])».

XIII. Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета Лифляндскаго губернатора за 1890 г. о положеніи церковныхъ дѣлъ.

Крайне интересное и всестороннее освѣщеніе по наболѣвшему вопросу антиправительственной борьбы прибалтійскихъ нѣмцевъ даетъ отчетъ Губернаторъ Ген. Лейт. Зиновьевъ за 1890 годъ.

---

[1]) Изъ этого письма видно, что правительство, въ составѣ котораго были не въ маломъ числѣ и высшіе представители прибалтійскихъ нѣмцевъ, безпрестанно осаждалось не только официальными, но и конфиденціальными доказательствами, которыми прибалтійскіе нѣмцы въ что бы то ни стало желали внушить свою точку зрѣнія. Самъ Ѳ. К. Гирсъ былъ сперва членомъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ, а затѣмъ былъ избранъ президентомъ генеральной консисторіи, нѣкоторое время совмѣщая обѣ эти должности и, во всякомъ случаѣ, всегда оставаясь въ Министерствѣ своимъ человѣкомъ.

«Спокойствіе въ губерніи могло бы назваться полнымъ, если бы оно не нарушалось нѣкоторыми періодически возобновляющимися безпорядками, порождаемыми, съ одной стороны, существованіемъ въ губерніи, такъ называемыхъ, *уклоняющихся*, а съ другой, тѣмъ враждебнымъ Правительству и его предначертаніямъ направленіемъ, которое, будучи вытѣснено изъ области всѣхъ почти гражданскихъ учрежденій, нашло себѣ пріютъ въ недоступныхъ до сихъ поръ для правительственнаго воздѣйствія лютеранскомъ духовенствѣ и учрежденіяхъ для управленія лютеранскою церковью.

«Вопросъ объ уклоняющихся, какъ и всякій вообще религіозный вопросъ, едва ли можетъ быть разрѣшенъ какой либо отдѣльной *специфической* мѣрой. Губернское начальство, по отношенію къ уклоняющимся, продолжало слѣдовать системѣ, издавна въ этомъ дѣлѣ усвоенной русскимъ Правительствомъ.

«Система эта выражалась въ снисходительномъ, по возможности, отношеніи къ самимъ уклоняющимся съ крайне осторожнымъ употребленіемъ въ отношеніи къ нимъ юридическихъ мѣръ, заключающихся въ отдѣлѣ о преступленіяхъ противъ православной вѣры уголовнаго кодекса, и въ строгомъ въ то же время примѣненіи того же отдѣла къ дѣятельности пасторовъ, агитаціи которыхъ и слѣдуетъ преимущественно приписать ненормальности, порождаемыя въ странѣ существованіемъ уклоняющихся. Конечно, такая система не разрѣшаетъ вопроса кореннымъ образомъ, но она ослабляетъ остроту его, отстраняя всѣ тѣ замѣшательства въ семейныхъ и гражданскихъ отношеніяхъ, которыя могло бы повести за собою строгое примѣненіе закона, и предупреждаетъ волненіе народныхъ массъ, составляющее неизбѣжное послѣдствіе такихъ замѣшательствъ. Представители мѣстной лютеранской церкви, съ Лифляндскимъ дворянствомъ во главѣ, естественно весьма недовольны таковымъ способомъ дѣйствія губернскаго начальства. Движимые желаніемъ освободить виновныхъ пасторовъ отъ наказаній, они стараются побудить Правительство къ тому, чтобы оно нынѣ же приступило къ разграниченію принадлежности населенія губерніи къ тому или другому (православному или лютеранскому) исповѣданію, съ тѣмъ, чтобы всѣ уклоняющіеся были пере-

числены въ лютеранство. Для этой цѣли лифляндскій предводитель дворянства періодически подаетъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ докладныя записки, въ которыхъ, излагая въ преувеличенномъ видѣ затрудненія, созданныя уклоняющимися, настойчиво ходатайствуетъ о необходимости такового перечисленія и ручается, что этимъ путемъ возстановленъ будетъ въ странѣ религіозный міръ, нарушенный здѣсь начавшимся еще въ сороковыхъ годахъ движеніемъ населенія къ православію.

«Имѣя въ виду усиленную агитацію по проведенію вышеназванной мѣры, кажущаяся простота и рѣшительность которой подкупаетъ къ такому именно коренному разрѣшенію всѣхъ затрудненій, существующихъ въ губерніи, я беру смѣлость всеподданнѣйше доложить Вашему Императорскому Величеству о вѣроятныхъ ея послѣдствіяхъ.

«Нѣтъ сомнѣнія, что законодательная мѣра, о которой ходатайствуетъ лифляндскій предводитель дворянства, будетъ актомъ величайшей важности, хотя уже потому, что, пробѣгая исторію русскаго государства и русскаго законодательства, нельзя найти прецедента, могущаго служить для нея основаніемъ. Напротивъ, въ теченіе тысячелѣтней жизни Россіи, Правительство постоянно стояло на стражѣ интересовъ православной церкви, бдительно охраняя паству ея отъ какого бы то ни было умаленія. Для выполненія этой вѣковой преемственной обязанности Правительство не останавливалось предъ величайшими жертвами. Перечисленіемъ уклоняющихся въ лютеранство оно, такимъ образомъ, разорвало бы связь съ прошедшимъ и со всѣми историческими традиціями и вступило бы на совершенно новый путь относительно регулированія религіозной жизни Россіи.

«По ближайшемъ разсмотрѣніи возможности удовлетворенія этого ходатайства, возникаетъ множество другихъ затрудненій.

«Все наше законодательство, или по крайней мѣрѣ та часть его, которая касается устройства вѣроисповѣдной жизни государства, построена на принципѣ, въ силу котораго переходъ изъ православія въ иное исповѣданіе *положительно и безусловно воспрещенъ*. Гражданскимъ закономъ нашимъ не предусмотрѣна даже возможность такового измѣненія своего исповѣданія. Нѣтъ, однимъ

словомъ, практическихъ законныхъ путей для того, чтобы православному перечисляться въ лютеране, съ уничтоженіемъ прежней и полученіемъ новой метрики. Удовлетвореніе ходатайства лифляндскаго предводителя, войдя такимъ образомъ въ противорѣчіе съ существующимъ законодательствомъ и затрагивая неизмѣняемость православныхъ метрикъ, служащихъ актами гражданскаго состоянія, породитъ навѣрное множество замѣшательствъ.

«Столь же большія затрудненія усматриваются и съ точки зрѣнія каноническаго права. По ученію нашей церкви, всѣ, такъ называемые, уклоняющіеся не исключаются изъ православной паствы. Церковь смотритъ на нихъ, какъ на заблудшихъ, терпѣливо ожидая отреченія ихъ отъ своихъ заблужденій. Едва ли правильно будетъ со стороны свѣтской власти, присвоивъ себѣ компетенцію по разрѣшенію духовныхъ дѣлъ и войдя при томъ въ прямое противорѣчіе съ догматами православія, исключить этихъ заблуждающихся изъ православной церкви и, закрѣпивъ ихъ въ исповѣданіи, признаваемомъ этою церковью еретическимъ, закрыть имъ навсегда или по крайней мѣрѣ затруднить путь, указываемый православною вѣрою для спасенія душъ. Навѣрное между этими уклоняющимися не малое число сомнѣвающихся—колеблющихся. Навѣрное есть такіе, которые клонятся къ лютеранству изъ-за постороннихъ мірскихъ соображеній. Находясь подъ экономическимъ давленіемъ лютеранскихъ пасторовъ и помѣщиковъ, они ждутъ, можетъ быть, момента, когда обстоятельства измѣнятся, чтобы открыто стать православными. Правильно ли будетъ со стороны Правительства, пренебрегши этою подробностью, поверстать такихъ лицъ въ лютеранство въ явный ущербъ православной церкви?

«При такихъ условіяхъ невозможно даже себѣ представить, какими практическими путями осуществить предлагаемое разграниченіе. Кто будетъ рѣшать вопросъ о принадлежности уклоняющагося къ тому или другому исповѣданію? Какими способами? Какія гарантіи можно получить, чтобы при производствѣ офиціальнымъ, бюрократическимъ путемъ столь тонкаго и щекотливаго изслѣдованія, какъ изслѣдованіе человѣческой совѣсти, изслѣдующее лицо или учрежденіе избѣгло бы самыхъ грубыхъ ошибокъ? Какія мѣры принять противъ злоупотребленій рѣшающей власти

и различнаго рода давленій на это рѣшеніе заинтересованныхъ сторонъ?

«На практикѣ рѣшеніе придется основывать исключительно на заявленіи испытуемаго лица, къ какой церкви желаетъ онъ принадлежать: лютеранской или православной? Но таковой способъ рѣшенія, очевидно, былъ бы равносиленъ отказу Правительства отъ своей, исторіей завѣщанной, обязанности быть защитникомъ православной церкви, равносиленъ провозглашенію полной равноправности православнаго исповѣданія съ иновѣрными и полной вѣротерпимости, въ силу коей каждому лицу дозволяется по своему произволу переходить изъ православнаго исповѣданія въ иновѣрное. Съ принятіемъ такового способа, прекращено было бы дѣйствіе основныхъ нашихъ законовъ, ограждающихъ православіе отъ посягательствъ иностранныхъ исповѣданій.

«Въ жизни каждаго государства могутъ быть историческіе моменты, когда въ силу роковыхъ событій оно ставится въ необходимость отречься отъ своихъ историческихъ традицій и поступиться даже коренными чертами своего законодательства. Вопросъ заключается въ томъ: представляетъ ли существованіе уклоняющихся въ Лифляндіи такой именно моментъ? Вѣроисповѣдные вопросы въ той или другой формѣ неоднократно встрѣчаются и въ многовѣковой исторіи русскаго государства. Бывали періоды, когда вопросы эти съ особой остротой выдвигались впередъ. Такъ, въ XVII столѣтіи сотни тысячъ коренныхъ русскихъ людей, разорвавъ связь съ господствующей государственной церковью, перешли *въ расколъ*. Упорно держась своихъ ложныхъ вѣроученій и не захотѣвъ подчиниться волѣ Правительства, эти сотни тысячъ, съ пожертвованіемъ всѣхъ экономическихъ условій своего быта, бѣжали въ лѣса сѣверныхъ губерній, оставляя навсегда свое отечество и селились на берегахъ Дуная, въ старинной Ливоніи, въ Малой Азіи и т. п. Съ начала нынѣшняго столѣтія возникъ *уніатскій вопросъ*, до настоящаго времени тревожащій Холмскую Русь и дающій поводъ къ немалымъ замѣшательствамъ въ отправленіяхъ гражданской жизни. Наконецъ, и въ послѣднее время значительная часть юго-западныхъ губерній взволнована появившейся тамъ штундой. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Русское Правительство, слѣдуя

вѣковымъ своимъ традиціямъ и твердо держась одной системы, не дѣлало и до сихъ поръ не дѣлаетъ какихъ либо уступокъ. Принимаемыя по отношенію къ этимъ вопросамъ нѣкоторыя отдѣльныя мѣры, можетъ быть, и были ошибочны, но, не противорѣча разъ принятой системѣ, онѣ, во всякомъ случаѣ, были послѣдовательны. Почему же теперь пришла пора мѣнять систему дѣйствія Правительства, слѣдуя совѣтамъ предводителя лифляндскаго дворянства?

«Ни по численности уклоняющихся, ни по остротѣ, съ которой поставленъ религіозный вопросъ въ Лифляндской губерніи, ни вообще по размѣрамъ мѣстнаго религіознаго движенія, движеніе это не можетъ быть даже приравниваемо къ тѣмъ религіознымъ движеніямъ, о которыхъ сказано выше.

«Я имѣлъ счастіе служить Вашему Императорскому Величеству въ должности Сѣдлецкаго Губернатора и получилъ возможность во всей подробности ознакомиться съ имѣющими тамъ мѣсто религіозными затрудненіями. Безъ всякаго колебанія могу сказать, что въ Лифляндской губерніи нѣтъ и сотой доли тѣхъ порождаемыхъ религіознымъ неустройствомъ анормальностей, какія существовали въ мое время и по нынѣ существуютъ въ губерніи Сѣдлецкой.

«Въ видахъ выясненія современнаго состоянія вѣроисповѣднаго вопроса въ Лифляндіи, въ теченіе минувшихъ двухъ лѣтъ производились обширныя статистическія изслѣдованія о распространеніи и степени крѣпости православія, а равно и о числѣ уклоняющихся. На основаніи произведенныхъ изслѣдованій оказывается, что нынѣ уклоняющихся въ губерніи около 18,800 душъ. Если принять въ соображеніе, что православное населеніе наиболѣе бѣдное (по преимуществу безземельные крестьяне), что какъ помѣщиками, такъ и въ особенности пасторами, несомнѣнно, производится извѣстное давленіе на православныхъ крестьянъ, находящихся отъ первыхъ въ нѣкоторой экономической зависимости, каковое давленіе, конечно, способствуетъ увеличенію числа уклоняющихся, то вышеприведенную цифру никакъ нельзя признать значительною, въ особенности по сопоставленію ея съ цифрою уніатовъ или раскольниковъ.

«Вообще вѣроисповѣдный вопросъ въ Лифляндской губерніи не имѣетъ вовсе той остроты, которою обладаютъ вопросы уніатскій или раскольничій. Созерцая текущую жизнь страны, внимательный даже наблюдатель едва ли заподозритъ его существованіе, и долго надо прожить въ губерніи, чтобы замѣтить кое какія шероховатости, производимыя ненормальною постановкою религіознаго вопроса, потому что наружу шероховатости эти почти не выходятъ. Причину этого явленія слѣдуетъ искать въ характерѣ населенія и свойствахъ лютеранской религіи. Эсты и, въ особенности, латыши, отличаются значительнымъ индиферентизмомъ въ дѣлѣ исповѣданія вѣры. Къ тому же лютеранская религія, повидимому, не оставила въ нихъ глубокихъ слѣдовъ и тяготѣніе ихъ къ лютеранству весьма слабо. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, почти не бываетъ случаевъ, чтобы губернскому начальству приходилось вступаться для возстановленія порядка, нарушаемаго замѣшательствами религіознаго свойства. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ тѣ случаи, когда администрація вынуждается принимать репрессивныя мѣры противъ лютеранскихъ проповѣдниковъ, подвергая ихъ судебному преслѣдованію какъ за преступленія противъ православной вѣры, такъ и за преступную агитацію въ средѣ населенія съ цѣлью возбудить неудовольствіе противъ Правительства и способовъ его дѣйствія въ краѣ. Такихъ случаевъ, дѣйствительно, довольно много. Съ 1855 г., за время моего управленія губерніею, возбуждено было преслѣдованіе противъ 90 пасторовъ по 130 дѣламъ. Принимая въ соображеніе, что всѣхъ лютеранскихъ приходовъ въ губерніи 141, цифра эта не можетъ быть признана весьма значительною. Тѣмъ не менѣе и это обстоятельство едва ли можно считать настолько существеннымъ, чтобы изъ-за него рѣшиться на такой важный шагъ, какъ измѣна коренныхъ принциповъ, которымъ создалось и жило въ теченіе вѣковъ Русское государство.

«Въ особенности несообразно было бы рѣшаться на этотъ шагъ въ настоящее время, когда путемъ коренныхъ реформъ, произведенныхъ по Высочайшей Вашего Императорскаго Величества волѣ, Прибалтійскій край вступилъ въ новую эру, когда измѣнился весь строй края, всѣ существовавшія тамъ отношенія, причемъ новыя

условія, здѣсь создавшіяся, несравненно болѣе благопріятны для плодотворнаго примѣненія какихъ бы то было относительно края правительственныхъ распоряженій. Въ прежнее время, когда всѣ отрасли гражданскаго управленія находились въ рукахъ лютеранскаго дворянства, проведеніе со стороны Правительства въ губерніи какого бы то ни было распоряженія по вѣроисповѣднымъ дѣламъ, не говоря уже о проведеніи цѣльной системы, было положительно невозможно. Лютеранскіе дворянскіе чиновники, вопреки предписаніямъ Правительства, но дѣйствуя его именемъ, не только не покровительствовали православію, но, напротивъ, систематически его угнетали. Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ система Правительства по упорядоченію религіознаго вопроса въ губерніи, какъ бы хорошо задумана она ни была, оставалась безуспѣшною.

«Нынѣ все это перемѣнилось. Правительство на мѣстахъ имѣетъ органы, при помощи которыхъ оно можетъ оріентироваться среди имѣющихъ здѣсь мѣсто религіозныхъ замѣшательствъ и принимать въ каждомъ данномъ случаѣ соотвѣтствующія мѣры, разъясняя населенію дѣйствительные свои виды, съ которыми населеніе, сбитое съ толку превратными толкованіями прежняго времени, вовсе даже не было знакомо.

«Все вышеизложенное приводитъ меня къ убѣжденію, что принимать въ настоящее время какія либо новыя коренныя мѣры для разрѣшенія вопроса объ уклоняющихся несвоевременно. Несравненно правильнѣе казалось бы оставаться при прежней системѣ. Времени, новымъ условіямъ, созданнымъ въ краѣ послѣдними реформами, и, наконецъ, вліянію на уклоняющихся со стороны православнаго духовенства слѣдуетъ предоставить дальнѣйшее разрѣшеніе всѣхъ затрудненій религіознаго свойства, производимыхъ существованіемъ уклоняющихся.

«Пока лифляндскій предводитель дворянства хлопочетъ о поголовномъ поверстаніи уклоняющихся въ лютеранство путемъ особой законодательной мѣры, большинство мѣстныхъ пасторовъ, не дожидаясь результатовъ этого ходатайства, считаютъ это поверстаніе совершившимся фактомъ и, вписавъ въ свои метрики всѣхъ уклоняющихся (равно какъ ихъ дѣтей), конфирмируютъ ихъ, вѣнчаютъ и вообще совершаютъ надъ ними всѣ требы по лютеранскому

обряду. Слѣдствія по всѣмъ этимъ преступленіямъ передаются въ судебныя учрежденія для привлеченія виновныхъ къ законной отвѣтственности. Къ сожалѣнію, однако, путь этотъ оказывается не вполнѣ удачнымъ вслѣдствіе нѣкоторой запутанности нашего законодательства по вопросамъ о преступленіяхъ противу православной вѣры и несовпаденія его съ законодательствомъ каноническимъ.

«Особенно важное значеніе по мѣстнымъ условіямъ имѣютъ судебныя рѣшенія по дѣламъ о *конфирмаціи* уклоняющихся лютеранскими пасторами. По ученію лютеранской церкви и по толкованіямъ проповѣдниковъ, конфирмація есть актъ, посредствомъ котораго каждое лицо, конфирмаціи подвергнувшееся, тѣмъ самымъ присоединяется къ лютеранской церкви. Лицо это вносится въ метрическія лютеранскія книги и засимъ причащается, вѣнчается и креститъ своихъ дѣтей весьма часто не у того пастора, который совершилъ конфирмацію, а у другого. Послѣдній же, имѣя въ своихъ рукахъ свидѣтельство о конфирмаціи этого лица, считаетъ себя въ правѣ выполнять надъ нимъ всевозможныя требы. Такимъ образомъ, одинъ случай конфирмаціи ведетъ за собою необходимымъ послѣдствіемъ множество другихъ случаевъ нарушенія закона. Такъ какъ конфирмація заключается не въ одномъ лишь отдѣльномъ дѣйствіи—отдѣльной требѣ, а обнимаетъ собою рядъ дѣйствій, совершаемыхъ надъ конфирмующимися, какъ-то: требующее извѣстнаго времени подготовленіе въ изученіи лютеранской вѣры, катехизація, запись въ метрики, причащеніе и т. д., то Рижскій окружный судъ, постановляя рѣшеніе по первому дѣлу подобнаго рода (дѣло пастора Гримма), призналъ конфирмацію *совращеніемъ*, т. е. преступленіемъ, предусмотрѣннымъ ст. 187 улож. о наказ., за которое по закону виновный подвергается *лишенію правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на житье*.

«Судебная палата, куда по апелляціи подсудимыхъ пасторовъ поступилъ на пересмотръ этотъ приговоръ, не согласилась съ таковымъ толкованіемъ ст. 187. Исходя изъ той точки зрѣнія, что необходимымъ признакомъ совращенія должно быть извѣстное насильственное (физическое или нравственное) воздѣйствіе надъ лицомъ, перемѣняющимъ вѣру, доказательствъ котораго въ разсматриваемыхъ судомъ случаяхъ не было, ибо уклонившіеся при слѣдствіи

обыкновенно показываютъ, что они сами совершенно добровольно просили пастора о своемъ конфирмированіи, судебная палата отмѣнила приговоръ Рижскаго окружнаго суда и примѣнила къ виновнымъ пасторамъ ст. 193 улож. о наказ., предусматривающую совершеніе надъ православными причащенія, елеосвященія или миропомазанія по какому либо иновѣрному обряду. По протесту прокурора судебной палаты, дѣло перешло въ Сенатъ, который согласился съ толкованіемъ судебной палаты, а не Рижскаго окружнаго суда. Обвиняемые въ исполненіи надъ уклоняющимися конфирмаціи пасторы подверглись, такимъ образомъ, наказанію по ст. 193 улож. о наказ., или временному *удаленію отъ должности безъ лишенія духовнаго сана*.

«Таковой исходъ перваго пасторскаго процесса, за перипетіями котораго мѣстные кружки слѣдили съ величайшимъ напряженіемъ, ибо онъ составлялъ прецедентъ для прочихъ дѣлъ подобнаго рода, произвелъ здѣсь сильное впечатлѣніе слабостью взысканія, опредѣленнаго виновному. Признавая полную авторитетность столь высокихъ судебныхъ учрежденій, какъ палата и Правительствующій Сенатъ, въ толкованіи закона, нельзя однако не замѣтить, что толкованіе это ведетъ къ крайне невыгоднымъ для дѣла послѣдствіямъ и въ сущности почти уничтожаетъ силу наказанія. Временно удаленный отъ должности пасторъ продолжаетъ жить въ пасторатѣ и пользоваться всѣми доходами, принадлежащими ему на основаніи мѣстныхъ положеній. Никакихъ, слѣдовательно, непріятныхъ послѣдствій отъ судебнаго приговора онъ не испытываетъ. Положеніе его всего правильнѣе можетъ быть приравнено къ положенію чиновника, уволеннаго въ продолжительный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія. Нѣкоторые же изъ пасторовъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, во время отбыванія своего наказанія, не прекращаютъ своей пастырской дѣятельности. Такъ Экскій (Дерптскаго уѣзда) проповѣдникъ Вегенеръ, на 6 мѣсяцевъ удаленный отъ должности указомъ Правительствующаго Сената. тѣмъ не менѣе продолжалъ исполнять нѣкоторыя изъ своихъ проповѣдническихъ обязанностей, причемъ таковое неисполненіе сенатскаго указа дѣлалось съ вѣдома, а, можетъ быть, и по молчаливому согласію лифляндской лютеранской консисторіи. У губернскаго начальства нѣтъ

въ распоряженіи средствъ для того, чтобы настоять на точномъ исполненіи приговоровъ, ибо, по самому свойству должности проповѣдника, дѣятельность его сводится къ нравственному воздѣйствію на своихъ прихожанъ, а положить предѣлы подобному воздѣйствію полицейскими мѣрами не представляется возможности. Можно воспрепятствовать пастору говорить проповѣди съ церковной каѳедры, но нельзя ему запретить заставлять кистера говорить проповѣдь имъ, пасторомъ, заранѣе написанную. Нельзя воспрепятствовать прихожанамъ обращаться къ удаленному отъ должности пастору за своими духовными надобностями. Нельзя отстранить его отъ вліянія на школьное дѣло.

«При разсмотрѣніи хода вышеупомянутаго процесса, особаго вниманія заслуживаетъ крайнее разнорѣчіе судебныхъ инстанцій въ квалификаціи преступнаго дѣйствія пастора, конфирмующаго лицо православнаго исповѣданія, и въ опредѣленіи соотвѣтствующаго за дѣйствіе это наказанія. Не можетъ не показаться страннымъ, что, обсуждая одно и то же преступленіе, окружный судъ и прокуроръ судебной палаты подводятъ его подъ статью, назначающую виновному лишеніе правъ состоянія и ссылку въ Сибирь на житье, а судебная палата и Правительствующій Сенатъ—подъ статью, назначающую виновному столь легкое взысканіе, какъ временное удаленіе отъ должности. Если принять въ соображеніе, что въ самомъ Сенатѣ по дѣлу пастора Гримма, какъ мнѣ извѣстно, голоса раздѣлились поровну, причемъ восемь голосовъ поданы въ пользу приговора Рижскаго окружнаго суда и восемь въ пользу приговора судебной палаты и лишь голосъ первоприсутствующаго далъ перевѣсъ второму рѣшенію, то нельзя не признать, что оконтельный приговоръ пастору носитъ характеръ *случайности*. Всѣ эти подробности ясно показываютъ, что въ отдѣлѣ уголовнаго кодекса, трактующемъ о преступленіяхъ противъ православной вѣры, есть весьма важный пробѣлъ, обусловливающій подобную неустойчивость и случайность судебныхъ рѣшеній. Пробѣлъ этотъ заключается въ отсутствіи спеціальной статьи, опредѣляющей мѣру наказанія за конфирмацію лицъ православнаго исповѣданія лютеранскими пасторами, ибо едва ли правильно разсматривать конфирмацію, состоящую, какъ выше сказано, изъ ряда особыхъ дѣйствій

надъ конфирмующимися, совершаемыхъ какъ совершеніе отдѣльной требы. Вся система дѣйствій Правительства въ Лифляндской губерніи для возстановленія нарушеннаго религіознаго мира преимущественно основана на удержаніи пасторовъ страхомъ наказаній отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ дѣла уклоняющихся. Между тѣмъ, важнѣйшія и приносящія наиболѣе вреда дѣлу православія преступленія пасторовъ, въ дѣйствительности, остаются почти безнаказанными. Такіе приговоры, какъ временное удаленіе отъ должностей, конечно, не могутъ устрашать пасторовъ, почему приговорами этими вся система въ значительной степени парализуется, и столь важный вопросъ, какъ вопросъ объ уклоняющихся, ставится внѣ правительственнаго вліянія и предоставляется судьбѣ. Посему, если оставаться при намѣреніи удержать пасторовъ отъ преступныхъ посягательствъ противъ православной церкви черезъ посредство суда, не прибѣгая къ такой крайне нежелательной мѣрѣ, какъ система административныхъ взысканій, то необходимо пополнить вышеизложенный пробѣлъ законодательнымъ путемъ. Принимая во вниманіе важное значеніе, которое имѣетъ для общаго хода дѣла конфирмованіе пасторами лицъ православнаго исповѣданія и тягость послѣдствій, которыми законъ грозитъ православнымъ, перешедшимъ въ лютеранство, наказаніе за конфирмацію во всякомъ случаѣ должно быть болѣе строгое, нежели временное удаленіе отъ должности.

«Конфирмованіемъ и исполненіемъ требъ надъ уклоняющимися не исчерпывается, къ сожалѣнію, противоправительственная дѣятельность пасторовъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Столь же прискорбное явленіе составляютъ постоянно замѣчаемыя съ ихъ стороны поползновенія къ агитаціи въ средѣ населенія съ цѣлью возбудить въ немъ неудовольствіе противъ Правительства. Будучи поставлено внѣ всякой зависимости отъ губернскаго начальства, вполнѣ обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи, лютеранское духовенство хорошо понимаетъ выгоды своего положенія и потому дѣйствуетъ съ большею смѣлостью и весьма часто съ явно агрессивнымъ характеромъ. Такъ, въ 1889 г. Феллинскій пробстъ Доль, въ виду ожидаемаго пріѣзда въ губернію предсѣдателя генеральной евангелическо-лютеранской консисторіи, при посредствѣ школьныхъ учителей и форминдеровъ, подстрекалъ населеніе Феллинскаго и

смежныхъ уѣздовъ къ подписанію прошенія о свободѣ перехода изъ православія въ лютеранство, причемъ по произведенному слѣдствію оказалось, что значительная часть подписей отбиралась даже безъ прочтенія текста прошенія подписывающемуся лицу.

«Въ отчетномъ году при введеніи новыхъ волостныхъ судовъ многіе пасторы отказались приводить къ присягѣ волостныхъ судей, и много усилій и времени потребовалось со стороны губернскаго начальства, чтобы заставить пасторовъ исполнить свою обязанность. При этомъ въ теченіе нѣкотораго періода юрисдикція волостныхъ судовъ была пріостановлена.

«Еще недавно тотъ же пасторъ Доль, будучи приглашенъ Дерптскимъ Эстонскимъ литературнымъ обществомъ на празднество, устроенное въ ознаменованіе 10-ти-лѣтняго благополучнаго Царствованія Вашего Императорскаго Величества, для служенія литургіи, отвѣчалъ обществу отказомъ, въ которомъ крайне рѣзко порицались дѣйствія Правительства (1).

«Если проповѣдники рѣшаются столь дерзко заявлять свое противоправительственное направленіе въ случаяхъ, подобныхъ вышеупомянутому, когда они рискуютъ, что дѣятельность ихъ не останется тайной для Правительства, то легко себѣ представить, на что могутъ они рѣшаться, дѣйствуя на томъ поприщѣ, которое ускользаетъ отъ наблюденій администраціи, напримѣръ, въ

---

1) Подлинный текстъ этого весьма характернаго документа слѣдующій:

«На полученное мною отъ Эстонскаго литературнаго общества письмо, я долженъ отвѣтить, что я не желаю отправлять на празднествѣ богослуженія, такъ какъ я въ настоящее время, по вѣрѣ и правдѣ, немогу ликовать и благодарить. Судьба Балтійскаго края и отечественной евангелической церкви принуждаетъ меня покориться всемогущему персту Божіему и слѣдовать Іисусу Христу, подобно пасторамъ Эйзеншмидту, Соколовскому, Фогелю и прочимъ и учителямъ Кирселю, Пори, Раудсепу и многимъ другимъ, но она не даетъ мнѣ повода праздновать юбилеи и сочувствовать имъ. И на меня въ дѣлахъ вѣры, которыя собственно подлежатъ одному лишь Богу, пожаловались два или три священника. И меня залогомъ въ 1.000 р. приковали къ Феллинскому приходу. Чрезъ мѣсяцъ же я буду, можетъ быть, носить еще болѣе замѣтный знакъ мученичества».

Подписано: Probst A. Westren-Doll.

церквахъ при произнесеніи проповѣдей (1), въ семейныхъ кружкахъ, куда они призываются въ качествѣ духовныхъ руководителей, въ элементарныхъ школахъ, гдѣ вліяніе ихъ особенно сильно и гдѣ противодѣйствовать ему Правительство не въ состояніи, вслѣдствіе малаго числа инспекторовъ народныхъ училищъ.

«Вообще можно сказать, что за возстановленіемъ въ губерніи полнаго спокойствія лютеранское духовенство составляетъ нынѣ единственный элементъ безпорядка въ странѣ, и только качествамъ населенія (полному отсутствію фанатизма) надо приписать, что безпорядки эти не принимаютъ большихъ размѣровъ. Не допуская возможности, чтобы церковная каѳедра стала ареной для противоправительственной пропаганды, губернское начальство принимаетъ всѣ зависящія мѣры къ ея подавленію, и слѣдуетъ надѣяться, что настойчивымъ примѣненіемъ этихъ мѣръ со временемъ удастся прекратить ненормальное положеніе, занятое въ Лифляндской губерніи лютеранскимъ духовенствомъ, благодаря долгой безнаказанности и той полной отъ Правительства независимости, которую оно успѣло себѣ здѣсь пріобрѣсти. Послѣдовавшее въ текущемъ году распоряженіе, на основаніи котораго президенты лютеранскихъ консисторій въ Прибалтійскихъ губерніяхъ назначаются не по выбору мѣстнаго дворянства, какъ было доселѣ, а отъ Правительства, по всей вѣроятности, будетъ много способствовать благопріятному разрѣшенію встрѣчающихся въ этомъ отношеніи затрудненій, при условіи, конечно, что удастся подобрать на эти должности подходящія личности. Слѣдуетъ думать, что и преобразованіе на

---

1) Какъ образчикъ фанатизма, съ которымъ произносятся иногда проповѣди въ лютеранскихъ церквахъ, весьма характернымъ можетъ считаться слѣдующій отрывокъ изъ проповѣди, произнесенной въ текущемъ году въ день покаянія пасторомъ Мало-Іоанновскаго прихода Реймановъ:

«Вы, члены прихода, видите, что волкъ отрываетъ отъ церковной стѣны кусокъ за кускомъ, и остаетесь при этомъ равнодушны и холодны сердцами.

«Вы видите, что члены Тѣла нашего Спасителя отрѣзываются одинъ за другимъ, и не обращаете на это никакого вниманія, хотя каждый членъ Христовой церкви долженъ былъ бы чувствовать при этомъ страшную боль. Попробуй отрѣзать у васъ лишь одинъ мизинецъ, вы бы навѣрное закричали»... и т. д.

основаніяхъ, изложенныхъ въ началѣ сего отчета, Дерптскаго университета, какъ питомника, откуда до настоящаго времени исключительно комплектовались мѣстные проповѣдники, принесетъ немаловажную пользу, разорвавъ тѣсную связь, существующую нынѣ между лютеранскимъ духовенствомъ и балтійскими традиціями.

XIV. Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго рапорта Лифляндскаго Губернатора за 1896 г.

Приводимъ выдержки изъ всеподданнѣйшаго рапорта Лифляндскаго Губернатора генералъ-маіора Суровцова, изъ котораго явствуетъ, въ какой степени всѣ учрежденія края были тѣсно связаны съ евангелической лютеранской церковью, находившейся, въ свою очередь, въ полномъ распоряженіи нѣмецкихъ помѣщиковъ.

«Послѣ упроченія въ краѣ судебной, полицейской, крестьянской и другихъ реформъ послѣдняго десятилѣтія, такъ называемый «балтійскій вопросъ» сосредоточивается на почвѣ низшаго народнаго образованія, земскаго самоуправленія и на вліяніи на эти стороны жизни мѣстныхъ господствующихъ классовъ, въ лицѣ нѣмецкаго дворянства и евангелическо-лютеранскаго духовенства.

«Сущность разрабатываемаго нынѣ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія проекта «положенія о сельскихъ евангелическо- лютеранскихъ школахъ Рижскаго учебнаго округа» слишкомъ глубоко затрогиваетъ интересы мѣстной народной жизни, слишкомъ чувствительно касается интересовъ нѣмецкаго дворянства и лютеранскаго духовенства, чтобы эти два сословія могли относиться къ намѣченной реформѣ равнодушно. Никогда еще со времени приступа Правительства къ кореннымъ реформамъ въ Прибалтійскомъ краѣ мѣстное общество и печать не обнаруживали такого живого интереса къ вопросу народнаго образованія, какъ въ настоящее время, когда проектъ Министерства Народнаго Просвѣщенія готовится перейти изъ области предположеній въ существующій фактъ. Это даетъ мнѣ смѣлость остановиться на вопросѣ народнаго образованія въ Лифляндской губерніи, освѣтивъ его краткими историческими данными.

«Первое и самое полное положеніе объ организаціи Лифляндскихъ сельскихъ школъ вошло въ законъ 1819 г. о прекращеніи

личной крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Сельскія школы учреждались въ двухъ видахъ: волостныхъ (вѣрнѣе вотчинныхъ) и приходскихъ. Строить и содержать первыя вмѣнялось въ непремѣнную обязанность самихъ волостныхъ обществъ, причемъ помѣщику предоставлялось право опредѣлять, по соглашенію съ пасторомъ, учителя, награждать и удалять его, брать на себя высшій надзоръ за обученіемъ и т. д. Приходская школа находилась въ ближайшемъ завѣдываніи пастора и помѣщика, подъ контролемъ приходскаго школьнаго конвента, который собирался разъ въ годъ и состоялъ изъ приходскихъ помѣщиковъ, церковныхъ старостъ и пастора. Этотъ конвентъ опредѣлялъ и окончательно отрѣшалъ отъ должности учителя приходской школы, и ему же принадлежало право надзора за волостными школами. Выборъ учебниковъ и метода преподаванія предоставлялся лифляндской консисторіи, а высшее наблюденіе за всѣми школами въ предѣлахъ губерніи возлагалось на главное церковное попечительство, состоявшее изъ дворянъ и членовъ отъ духовенства, и на дворянскій ландтагъ.

«Посѣщеніе волостной школы было обязательно, подъ опасеніемъ денежнаго штрафа, всѣмъ крестьянскимъ дѣтямъ съ 10-ти-лѣтняго возраста; въ приходскую же школу каждое волостное общество должно было посылать не менѣе 12 учениковъ отъ 14 до 17 лѣтъ.

«Положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ 1849 г. не внесло въ организацію лютеранскихъ школъ никакихъ существенныхъ измѣненій; таковое измѣненіе, обусловленное распространившимся въ краѣ съ 1845 г. православіемъ, вошло въ положеніе о крестьянахъ 1860 г., которымъ, въ главныхъ чертахъ, опредѣляется и теперешняя система административнаго устройства народнаго образованія въ Лифляндіи.

«Сохранивъ почти безъ измѣненій все касавшееся организаціи и порядка обученія въ волостныхъ и приходскихъ школахъ, положеніе 1860 г. оттѣнило исключительно церковный характеръ сельскихъ народныхъ училищъ и окончательно упрочивало всѣ дѣла по ихъ управленію на будущее время исключительно въ рукахъ лютеранскаго духовенства и дворянства. Высшимъ органомъ по завѣдыванію и управленію дѣлами сельскихъ евангелическо-люте-

ранскихъ училищъ въ предѣлахъ губерніи былъ поставленъ верховный комитетъ земскихъ школъ въ составѣ: четырехъ главныхъ церковныхъ попечителей, генералъ-суперъ-интенданта и одного совѣтника, избраннаго лифляндскимъ дворянствомъ. Средней инстанціей является уѣздный комитетъ земскихъ школъ, подъ предсѣдательствомъ главнаго церковнаго попечителя, и изъ членовъ: двухъ ревизоровъ, избранныхъ дворянствомъ, двухъ ревизоровъ духовнаго званія, избранныхъ лифляндскою евангелическо-лютеранскою консисторіею, и двухъ членовъ изъ крестьянскаго сословія.

«Наконецъ, низшимъ органомъ управленія было поставлено приходское школьное управленіе, подъ предсѣдательствомъ приходскаго церковнаго попечителя (обыкновенно изъ мѣстныхъ помѣщиковъ), изъ мѣстнаго пастора, учителя приходской школы и одного школьнаго старшины.

«Устанавливая въ положеніи 1819 г. принципъ обще-обязательнаго обученія и намѣчая широкую организацію народной школы, дворянство въ сущности не только ею не интересовалось, но и не усматривало въ ней особенной надобности; скорѣе даже относилось къ начальному образованію недовѣрчиво и не совсѣмъ доброжелательно. Кое-гдѣ, можетъ быть, и заводились волостныя или вотчинныя школы, но это были рѣдкія исключенія. Къ тому же и хозяйственныя условія, въ которыя былъ поставленъ народъ послѣ реформы 1819 г., далеко не благопріятствовали развитію его образованія. При быстромъ упадкѣ матеріальнаго благосостоянія крестьянъ, начавшемся послѣ, и вслѣдствіе безземельной эмансипаціи, трудно было и ожидать сильной охоты къ ученію; народъ по прежнему пребывалъ въ невѣжествѣ и не сознавалъ его. Кажется даже, что послѣ 1819 г. наступила какъ бы пора упадка въ дѣлѣ народнаго образованія; по крайней мѣрѣ на это предположеніе наводитъ сравненіе свидѣтельства Меркеля, находившаго въ концѣ прошлаго столѣтія школы во всѣхъ приходахъ, съ свидѣтельствомъ преосвященнаго Филарета, писавшаго въ 1846 г., «что существованіе приходскихъ школъ, требуемыхъ положеніемъ 1819 г., почти незамѣтно, и что ихъ едва ли можно насчитать болѣе десятка на всѣ 106 лютеранскихъ приходовъ Лифляндіи».

Массовый переходъ въ сороковыхъ годахъ эстовъ и латышей въ православіе измѣнилъ отношеніе правящихъ классовъ къ школѣ; быстро начало распространяться убѣжденіе, что народное образованіе—лучшее орудіе для вразумленія народа и поворота его симпатій къ лютеранству и нѣмецкой національности. Особенно ярко выступаетъ дѣятельность Лифляндскаго генералъ-суперъ-интенданта пастора Вальтера, который въ началѣ шестидесятыхъ годовъ явился самымъ ревностнымъ поборникомъ религіозной нетерпимости и возрожденія нѣмецкаго духа. Выражаясь о православіи, какъ объ обманѣ и насиліи надъ религіозною совѣстью народа, Вальтеръ побуждалъ пасторовъ и помѣщиковъ къ открытой дѣятельности въ этомъ направленіи; главнымъ орудіемъ къ подъему лютеранства въ глазахъ народа Вальтеръ избралъ сельскія школы. Помѣщики дали щедрыя средства, пасторы приложили трудъ, и школы начали быстро выростать. Каковы были идеи, одушевлявшія пастора Вальтера, лучше всего показываетъ его рѣчь, произнесенная въ началѣ Марта 1864 г. въ Ригѣ передъ открытіемъ ландтага. Обращаясь къ представителямъ дворянства, Вальтеръ убѣждалъ ихъ «помнить, что они протестанты по религіи и нѣмцы по происхожденію, что въ ихъ краѣ господствующею церковью должна быть протестантская, а господствующею народностью—нѣмецкая»; далѣе онъ развивалъ, что къ какой бы національности ни принадлежали предки того или другого изъ нихъ въ средѣ лифляндскихъ рыцарей и землевладѣльцевъ, «на лифляндской почвѣ не можетъ и не должно быть другихъ элементовъ, кромѣ нѣмецкихъ; между ними нѣтъ ни эстовъ, ни латышей, ни шведовъ, ни, наконецъ, русскихъ; въ Лифляндіи могутъ и должны быть только нѣмцы».

«Дѣятельность пастора Вальтера не замедлила принести свои плоды, какъ это можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ выписокъ изъ извѣстнаго сочиненія вице-президента Лифляндскаго гофгерихта фонъ-Бокка «Livländische Beiträge etc...», появившагося заграничнымъ изданіемъ въ 1867 году:

«Довольно знаменательно, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ крестьяне у насъ точно помѣшались на русскомъ языкѣ, т. е. непремѣнно хотѣли учиться по-русски. Въ то время мы должны были уступить этому стремленію и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ приходскихъ

школъ ввели русскій языкъ въ число предметовъ обученія. Но видно, что потребность была, однако, не очень сильна, потому что народъ этимъ удовлетворился, и теперь никто уже не спрашиваетъ, учатся ли дѣти по-русски. Совсѣмъ не то съ языкомъ нѣмецкимъ! Черезъ нашу приходскую школу прошло 187 учениковъ, всѣ они очень изрядно говорятъ по-нѣмецки и теперь начинаютъ ощущать потребность въ женахъ, на нѣмецкій ладъ образованныхъ. Теперь сами крестьяне просятъ объ открытіи нѣмецкой школы для дѣвочекъ; другая община также изъявила желаніе, чтобы въ ея школѣ введено было обученіе нѣмецкому языку. Все это очень знаменательно, особенно въ настоящее время, когда насъ хотятъ осчастливить сверху православнымъ языкомъ—наша нѣмецкая школа процвѣтаетъ; согласитесь, что это настоящій шагъ впередъ, при томъ шагъ на пути къ германизму». «Кто сколько нибудь способенъ понимать кризисъ, нынѣ переживаемый германизмомъ въ нѣмецкихъ Остзейскихъ провинціяхъ Россіи, тотчасъ же признаетъ, что въ сущности и на практикѣ онъ сводится окончательно къ вопросу: останется ли направленіе народной сельской школы въ рукахъ мѣстнаго рыцарства, или перейдетъ къ такъ называемому Министерству Народнаго Просвѣщенія».

«Противогосударственное направленіе дѣятельности по народному образованію руководящихъ сословій въ краѣ уже давно обращало на себя вниманіе высшаго Правительства, но только въ восьмидесятыхъ годахъ, съ рѣшительнымъ приступомъ къ кореннымъ реформамъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, послѣдовало установленіе правительственнаго контроля надъ народной школой. Важнѣйшими мѣрами въ этомъ направленіи были: подчиненіе приходскихъ и волостныхъ училищъ Министерству Народнаго Просвѣщенія и Высочайше утвержденныя, 17 Мая 1887 г., «временныя дополнительныя правила объ управленіи начальными училищами въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской», имѣвшія цѣлью, помимо организаціи правительственнаго надзора въ Рижскомъ учебномъ округѣ, опредѣлить и отношенія органовъ такого надзора, въ лицѣ директора и инспекторовъ народныхъ училищъ, къ существовавшимъ до того мѣстнымъ учрежденіямъ. Съ изданіемъ «временныхъ правилъ» послѣдовало введеніе въ сельскихъ народныхъ школахъ преподава-

нія всѣхъ предметовъ, кромѣ закона Божія и церковнаго пѣнія, на русскомъ языкѣ и разрѣшено было преобразованіе волостныхъ и приходскихъ евангелическо-лютеранскихъ училищъ, по ходатайствамъ о томъ обществъ и лицъ, участвующихъ въ содержаніи сихъ училищъ, въ двухклассныя и одноклассныя сельскія училища Министерства Народнаго Просвѣщенія.

«Какъ отнеслись дворянство и лютеранское духовенство къ этимъ мѣропріятіямъ, лучше всего показываетъ слѣдующая выписка изъ всеподданнѣйшаго отчета генералъ-лейтенанта Зиновьева за 1887 годъ:

«Вслѣдъ за Высочайшимъ повелѣніемъ 26 Января 1887 г. о подчиненіи народныхъ школъ Министерству Народнаго Просвѣщенія и закономъ 17 Мая того же года, отъ лица лифляндскаго дворянства было составлено прошеніе на Высочайшее Имя, въ которомъ дворянство, усматривая въ законѣ 17 Мая нарушеніе конфессіональнаго и національнаго характера народныхъ школъ, къ поддержкѣ котораго будто бы клонились всѣ усилія этого сословія, повергало къ стопамъ Его Императорскаго Величества всеподданнѣйшее ходатайство объ увольненіи его отъ участія въ управленіи школами, предоставленнаго дворянству на основаніи п. 9 ст. 32 ч. II свод. мѣстн. узак.

«Въ самомъ непродолжительномъ послѣ того времени подобное же ходатайство послѣдовало и со стороны лифляндской консисторіи, которая отъ имени всѣхъ проповѣдниковъ губерніи подала прошеніе объ увольненіи лютеранскаго духовенства отъ участія въ управленіи школами. По существу лютеранской религіи, вся дѣятельность пасторовъ сводится лишь къ проповѣди. Другого какого либо священнодѣйствія, кромѣ проповѣди, въ лютеранской религіи не существуетъ. Проповѣдь же въ сущности не что иное, какъ обученіе, поэтому отказъ лифляндскаго духовенства отъ участія въ управленіи учрежденіями, вѣдающими обученіе юношества, на каковомъ обученіи основанъ допускъ лютеранъ къ конфирмаціи, былъ почти равносиленъ отказу отъ званія духовенства. Нельзя допустить и мысли, чтобы заявленіе лютеранскаго духовенства о желаніи своемъ отречься отъ народной школы было сколько нибудь искреннее: ходатайство консисторіи и лифляндскаго дворянства было

не что иное, какъ демонстрація, угроза—поставить Правительство въ затруднительное положеніе, запугать его и добиться такимъ путемъ измѣненій или даже полной отмѣны ненавистнаго ему закона 17 Мая.

«Не ограничиваясь этими пассивными проявленіями сопротивленія закону 17 Мая, со стороны дворянства и духовенства начались дѣйствія чисто агрессивнаго свойства. Начиная съ Августа мѣсяца 1887 г., стали появляться въ мѣстныхъ газетахъ извѣстія, что то въ одномъ, то въ другомъ приходѣ состоялось постановленіе церковно-школьнаго конвента о совершенномъ упраздненіи мѣстной приходской школы или объ изгнаніи школьныхъ учителей, съ присоединеніемъ школьныхъ домовъ и земель къ церковнымъ имуществамъ. Путемъ проповѣди пасторы старались возбудить въ крестьянахъ неудовольствіе противъ закона 17 Мая, распространяя самые нелѣпые слухи.

«Сущность этихъ наущеній состояла приблизительно въ слѣдующемъ. Цѣль закона 17 Мая, такъ говорили пасторы и помѣщики, есть полное вытѣсненіе мѣстныхъ языковъ изъ народной школы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтоженіе мѣстной національности. Съ введеніемъ русскаго языка въ непосредственной связи стоитъ и немедленно за нимъ послѣдуетъ замѣна мѣстнаго лютеранскаго вѣроисповѣданія православнымъ. Посему де существующая школа должна рушиться. Надо спасти, что возможно. Подъ этимъ «что возможно» подразумѣвалось школьное имущество, которое необходимо изъять изъ учебнаго вѣдомства, становившагося, по слухамъ, распускаемымъ пасторами и дворянствомъ, главнымъ орудіемъ упраздненія мѣстной національности и мѣстной религіи».

«Какъ извѣстно, всѣ попытки, направленныя противъ закона 17 Мая, окончились неудачей, но изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы вышеупомянутыя общественныя группы примирились съ существующимъ порядкомъ. Лучшимъ подтвержденіемъ этому можетъ служить постановленіе ландтага въ Мартѣ настоящаго года, которое позволю себѣ привести цѣликомъ:

«Вслѣдствіе словеснаго сообщенія губернскаго предводителя дворянства о его стараніяхъ о разрѣшеніи открытія вновь земской (?) гимназіи въ Биркенру, выражена губернскому предводителю дво-

рянства благодарность за вполнѣ согласный съ желаніями и взглядами дворянства и земства (?) образъ дѣйствій, а дворянскому представительству поручено и впредь держаться въ вопросахъ народнаго просвѣщенія духа и направленія, выраженнаго въ прошеніи отъ Марта прошлаго года».

«Дворянство и пасторы стараются всѣми силами дискредитировать въ общественномъ мнѣніи настоящее положеніе учебнаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ и предсказываютъ самыя ужасныя послѣдствія, если намѣченная Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія реформа будетъ доведена до конца. Въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ они указываютъ на якобы увеличивающійся, со времени введенія въ дѣйствіе закона 17 Мая, религіозный индиферентизмъ среди крестьянскаго населенія и на паденіе народной нравственности. Къ сожалѣнію, сравнительные выводы статистики подтверждаютъ это печальное явленіе, но, даже при поверхностномъ, безпристрастномъ ознакомленіи съ положеніемъ Лифляндской губерніи, самъ собою напрашивается выводъ, что корень этого зла находится не тамъ, гдѣ его хотятъ видѣть: истинныя, по моему мнѣнію, причины кроются въ малой нравственной связи лютеранскаго духовенства съ своей паствой; въ недостаточной отзывчивости его къ духовнымъ потребностямъ и религіозному чувству своихъ прихожанъ и, наконецъ, самое главное—въ тяжеломъ экономическомъ положеніи значительной части крестьянскаго населенія.

«Не мало еще замѣчается въ краѣ такихъ элементовъ, которые съ плохо скрываемымъ недоброжелательствомъ относятся не только къ школьной реформѣ, но вообще ко всѣмъ мѣропріятіямъ Правительства, имѣющимъ цѣлью сплотить воедино прибалтійскія провинціи съ коренной Россіей. Если рѣзкія проявленія сепаратизма и полное отчужденіе отъ всего русскаго стали достояніемъ недалекаго прошлаго и уступили мѣсто болѣе спокойному теченію мѣстной общественной жизни, все же не мало еще пройдетъ времени, пока разноплеменное народонаселеніе Лифляндской губерніи проникнется однимъ руководящимъ началомъ и будетъ воодушевлено одною общегосударственною идеею. Свѣжему человѣку, прибывающему впервые въ край, невольно бросается въ глаза, что каждая изъ трехъ народностей: нѣмцевъ, эстонцевъ и латышей, старается

имѣть свои задачи, стремится къ своимъ цѣлямъ—задачамъ и цѣлямъ, не только не согласнымъ и не совмѣстимымъ съ основными государственными цѣлями, но рѣзко съ ними расходящимся. Конечно, главный тонъ всей мѣстной жизни задаетъ нѣмецкая партія, а главная роль въ ея средѣ принадлежитъ дворянству и солидарному съ нимъ евангелическо-лютеранскому духовенству. Такая солидарность и тяготѣніе пасторовъ къ нѣмечеству объясняется въ значительной степени условіями воспитанія и образованія молодежи, готовящейся къ проповѣдническоѣ дѣятельности, почему я и дерзаю остановиться на этомъ вопросѣ подробнѣе. Единственнымъ разсадникомъ протестантскаго духовенства для Россіи является богословскій факультетъ Юрьевскаго университета. Въ виду направленія, выносимаго молодежью изъ этого учебнаго заведенія, соотвѣтствующей этому направленію дальнѣйшей дѣятельности выходящихъ отсюда пасторовъ, роль богословскаго факультета выходитъ за предѣлы собственно церковной жизни и получаетъ важное государственное значеніе, почему я не смѣю обойти молчаніемъ въ семъ докладѣ ненормальнаго положенія этого факультета среди преобразованнаго Юрьевскаго университета. Во всѣхъ прочихъ факультетахъ начатыя реформы уже приходятъ къ давно желанному концу: преподаваніе почти всѣхъ предметовъ идетъ на русскомъ языкѣ, по общеимперскимъ программамъ, съ испытаніями въ государственной коммисіи, съ русскимъ языкомъ дѣлопроизводства, диссертацій и диспутовъ; на богословскомъ же факультетѣ и донынѣ на нѣмецкомъ языкѣ читаются всѣ лекціи, совершаются всѣ экзамены и диспуты, произносятся проповѣди, такъ что всѣ слѣды преобразованія сводятся только къ тому, что при семи профессорахъ изъ нѣмцевъ состоитъ теперь одинъ профессоръ славянинъ (словакъ). Между тѣмъ, въ составѣ студентовъ-слушателей этого факультета лишь меньшая половина принадлежитъ къ кореннымъ нѣмцамъ, остальные же латыши, эсты и поляки, которые нерѣдко поступаютъ въ университетъ съ неполнымъ знаніемъ нѣмецкаго языка и должны изучать его для слушанія лекцій. На богословскомъ факультетѣ какъ бы выработалась теорія о неразрывности нѣмецкаго языка и духа съ протестантствомъ, теорія совершенно невѣрная, такъ какъ во всемъ Прибалтійскомъ краѣ лютеранское богослуженіе для народа совершается

исключительно на народномъ языкѣ; нѣмецкій языкъ извѣстенъ лишь отдѣльнымъ лицамъ изъ народа.

«Для поступленія въ университетъ надо окончить среднее учебное заведеніе, значитъ—изучить и русскій языкъ; послѣдній обязательно знакомъ *всѣмъ* студентамъ, какого бы происхожденія они ни были, между тѣмъ какъ нѣмецкій многимъ изъ нихъ приходится еще изучать. Такимъ образомъ, ничто не мѣшаетъ и въ Юрьевскомъ богословскомъ факультетѣ вести преподаваніе на языкѣ русскомъ. Исключеніе можно было бы сдѣлать развѣ для каѳедры практическаго или пастырскаго богословія (съ катехизаціей и церковнымъ проповѣдничествомъ), съ тѣмъ, чтобы предметъ этотъ читался параллельно на русскомъ, эстонскомъ, латышскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Такое желаніе высказывается народною печатью, и если принять во вниманіе, что число латышей и эстовъ протестантскаго исповѣданія составляетъ до 80% общаго числа протестантовъ въ Россіи (безъ Финляндіи), то нельзя не признать это желаніе умѣреннымъ и справедливымъ; послѣдствія этой мѣры были бы весьма важны, ибо, во первыхъ, латыши и эсты увидѣли бы въ ней проявленіе нѣкотораго вниманія къ ихъ духовнымъ потребностямъ, которыя донынѣ были приносимы въ жертву мѣстной нѣмецкой партіи; во вторыхъ, новоучрежденная каѳедра послужила бы важнымъ факторомъ къ подготовкѣ будущихъ латышскихъ и эстонскихъ пасторовъ къ достойному служенію своей церкви, своей ближайшей народности и своему великому русскому отечеству; въ третьихъ, исчезла бы опасность онѣмеченія студентовъ-латышей и эстовъ, и, какъ слѣдствіе сего, въ будущемъ улучшились бы отношенія пасторовъ къ прихожанамъ, столь часто возмущающія нынѣ духовный миръ въ латышскихъ и эстонскихъ приходахъ. Предшественникъ мой во всеподданнѣйшихъ докладахъ своихъ нерѣдко указывалъ на нежелательный духъ воспитанія и дѣятельности пасторовъ. Такъ, во всеподданнѣйшемъ рапортѣ за 1890 г., говоря о воспитательномъ и государственномъ значеніи Юрьевскаго университета, покойный генералъ-лейтенантъ Зиновьевъ ставилъ въ зависимость отъ характера этого университета и то, что «пасторы въ сущности и представляютъ главнѣйшихъ и серьезнѣйшихъ носителей германскаго духа», а въ рапортѣ за 1889 г. генералъ Зиновьевъ констатировалъ фактъ, что то враждебное отно-

шеніе лютеранскаго духовенства къ Правительству, которое замѣчено было имъ четыре года назадъ, нисколько не измѣняется, и пасторы продолжаютъ выказывать свое явное пренебреженіе къ требованіямъ Правительства. Тотъ же прискорбный фактъ противодѣйствія лютеранскаго духовенства Правительству констатированъ и въ рапортѣ за 1892 г. Къ сожалѣнію, я, вступивъ въ управленіе губерніей въ 1896 г., убѣдился въ существованіи того же явленія и нынѣ, причемъ, кромѣ изложеннаго о значеніи богословскаго факультета, я не могу не согласиться съ предшественникомъ моимъ и въ томъ высказанномъ имъ положеніи, что послѣдовательность пасторовъ въ ихъ упорствѣ слѣдуетъ приписать лютеранскимъ консисторіямъ, поставленнымъ внѣ всякаго вліянія мѣстной правительственной власти. Есть даже признаки того, что нѣкоторые болѣе благоразумные изъ пасторовъ готовы были бы подчиняться требованіямъ Правительства, если бы не боялись навлечь на себя неудовольствіе своего ближайшаго начальства. Улучшенія въ этомъ отношеніи нельзя ожидать до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ преобразованія мѣстныхъ консисторій въ такомъ смыслѣ, чтобы въ составъ ихъ входили представители Правительства. Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ генерала Зиновьева за 1887 г., удостоившемся весьма многихъ благосклонныхъ замѣчаній въ Бозѣ почивающаго Родителя Вашего Императорскаго Величества, подробно изложены аномаліи, представляемыя организаціей лютеранскаго церковнаго управленія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Чтобы вполнѣ точно и при томъ не утруждая Высочайшаго Вашего Величества вниманія мелкими подробностями, охарактеризовать мѣстное управленіе лютеранскимъ духовенствомъ, я позволю себѣ привести небольшія выдержки изъ упомянутаго доклада генерала Зиновьева.

«Евангелическо-лютеранская консисторія есть учрежденіе свѣтское, причемъ удовлетвореніе духовныхъ потребностей составляетъ лишь второстепенную его обязанность; главная же цѣль заключается въ объединеніи дѣйствій проповѣдниковъ и многочисленныхъ существующихъ въ губерніи церковныхъ учрежденій на предметъ служенія политическимъ цѣлямъ». Каковы эти цѣли, видно изъ слѣдующаго замѣчанія. «Такимъ образомъ, быть лютераниномъ еще недостаточно, чтобы имѣть право стать членомъ лифляндской консисторіи;

для этого надо быть непремѣнно нѣмцемъ и при томъ принадлежать къ матрикулованному дворянству. Да и изъ матрикулованныхъ дворянъ въ президенты консисторіи могутъ попасть лишь ландраты, т. е. наиболѣе надежные, долгимъ опытомъ испытанные бойцы за господство нѣмецкаго начала въ Прибалтійскихъ губерніяхъ». «Въ консисторіи нѣтъ ни одного члена отъ Правительства, который не только могъ бы протестовать, но, по крайней мѣрѣ, довести до свѣдѣнія начальства о какихъ либо враждебныхъ Правительству мѣрахъ, которыя въ нѣдрахъ консисторіи, несомнѣнно, замышляются». «Главнымъ подстрекателемъ и побудителемъ лютеранскихъ проповѣдниковъ къ совершенію преступленій противъ православной вѣры является мѣстная консисторія, пользующаяся для такого преступнаго побужденія тою властью, которая предоставлена ей русскимъ закономъ». Вѣрно опредѣливъ то важное значеніе, которое церковь можетъ имѣть, какъ учрежденіе государственное и политическое, дворянство постаралось посредствомъ консисторіи объединить стремленія духовенства со своими собственными корпоративными стремленіями. Пасторы, прекрасно обезпеченные въ матеріальномъ отношеніи, находятся какъ бы въ положеніи господствующаго класса и, отличаясь вообще гордостью и самоувѣренностью, не скрываютъ предъ народомъ сознанія своего превосходства, какъ людей высшей рассы и высшей культуры, вслѣдствіе чего далеко не всегда пользуются среди крестьянства популярностью. Одной изъ главныхъ причинъ замѣтнаго отсутствія тѣсной нравственной связи между прихожанами и проповѣдниками служитъ существованіе патронатскаго права. На основаніи права частнаго патронатства владѣлецъ дворянской вотчины, при которой находится пасторатъ (т. е. церковная земля, предоставленная пастору), можетъ назначать проповѣдника по своему усмотрѣнію и только представляетъ его консисторіи для утвержденія; такимъ образомъ, пасторы ставятся въ зависимость отъ помѣщиковъ-дворянъ, послѣдніе же не только поддерживаютъ этотъ институтъ, но употребляютъ величайшія усилія для расширенія его. Усилія эти до сего времени имѣли такой успѣхъ, что въ теченіе полустолѣтія 19 казенныхъ пасторатовъ, т. е. такихъ имѣній, гдѣ назначеніе пасторовъ зависитъ отъ короны, перешли въ частное патронатство. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ за 1887 г. генералъ

Зиновьевъ заключаетъ свое весьма обстоятельное обсужденіе вопроса о правѣ частнаго патронатства слѣдующими словами, которыя я съ тѣмъ большею охотою готовъ повторить, что на первыхъ же порахъ управленія Лифляндскою губерніею я встрѣтилъ на дѣлѣ живое подтвержденіе мнѣнія моего предшественника: «Всѣ эти подробности въ высшей степени противорѣчатъ русскимъ государственнымъ началамъ, указывая на безусловную необходимость отмѣны права патронатства, являющагося къ тому же не послѣдствіемъ историческаго развитія мѣстныхъ учрежденій и мѣстнаго права, а явнымъ ихъ нарушеніемъ, не результатомъ догматовъ лютеранской религіи, а ученіемъ, насильственно къ ней привитымъ съ нечистою цѣлью сдѣлать изъ религіи орудіе политической борьбы съ Россіей».

«Принимая во вниманіе, что все богослуженіе лютеранское состоитъ почти изъ одной проповѣди, что при всѣхъ радостныхъ и, въ особенности, горестныхъ событіяхъ народъ сильно нуждается въ живомъ словѣ духовника, станетъ очевиднымъ, что пасторъ, чуждый ему по происхожденію, а иногда даже недостаточно владѣющій языкомъ народа, не можетъ удовлетворить вполнѣ духовныхъ стремленій и не въ состояніи руководить своей паствой въ духѣ благочестія и доброй нравственности. При существующемъ порядкѣ замѣщенія пасторскихъ вакансій, между прихожанами эстами или латышами и ихъ нѣмецкими или онѣмеченными духовниками не можетъ быть нравственной солидарности, а, наоборотъ, нерѣдко возникаютъ натянутыя или враждебныя отношенія, неизбѣжно влекущія за собою подрывъ среди народныхъ массъ христіанскаго настроенія и религіознаго чувства. Прежде въ отдаленную старину, когда крестьянство работало на помѣщиковъ, а послѣдніе употребляли часть доходовъ на содержаніе церкви, такъ какъ никто другой не былъ бы въ состояніи содержать ее, тогда помѣщику могло принадлежать право назначенія проповѣдника; теперь же, когда и церковь и личный составъ ея духовенства содержится самими прихожанами, дальнѣйшее сохраненіе этого права является врядъ ли справедливымъ. Бываютъ случаи, когда, благодаря пріобрѣтенію дворянской вотчины, патрономъ становится лицо даже нелютеранскаго исповѣданія. Разъяснить населенію, почему въ одномъ при-

ходѣ проповѣдникъ назначается съ согласія прихожанъ, а въ другомъ, сосѣднемъ, исключительно волею помѣщика, совершенно немыслимо, и потому Прибалтійскій край страдаетъ хронически повторяющимися церковными безпорядками. Такого рода безпорядки имѣли мѣсто въ Эстляндіи, въ приходѣ св. Маріи Магдалины, гдѣ пасторъ былъ оскорбленъ и прогнанъ, то же произошло въ Экскомъ приходѣ, Юрьевскаго уѣзда, Лифляндской губерніи, а мнѣ пришлось считаться съ сильнымъ народнымъ возбужденіемъ въ Оберпаленскомъ приходѣ, Феллинскаго уѣзда. Оберпаленскіе безпорядки настолько типичны и служатъ такимъ выразительнымъ примѣромъ всего, что я имѣлъ смѣлость доложить относительно лютеранскаго духовенства, что я считаю своимъ всеподданнѣйшимъ долгомъ изложить хотя бы самые существенные моменты этого дѣла. Въ Оберпаленскомъ приходѣ насчитывается приблизительно 15,000 прихожанъ, изъ которыхъ нѣмцевъ самое ничтожное число, а остальные—эсты. Въ теченіе многихъ лѣтъ до 1891 г. проповѣдникомъ въ этомъ приходѣ былъ пасторъ-нѣмецъ Карлъ Маурахъ, человѣкъ самыхъ сомнительныхъ нравственныхъ качествъ и при томъ крайній фанатикъ, не терпѣвшій ничего русскаго, да и къ эстонцамъ относившійся пренебрежительно. На такъ называемыхъ синодахъ, или съѣздахъ пасторовъ, Карлъ Маурахъ имѣлъ авторитетный голосъ, а въ своемъ приходѣ пользовался вѣскимъ значеніемъ, такъ какъ его родственники занимали вліятельныя должности по мѣстному управленію. Со времени усиленія въ краѣ русскихъ началъ, Карлъ Маурахъ не переставалъ громить съ церковной каѳедры православіе и иронизировать надъ всѣми нововведеніями до того, что народъ сталъ неохотно посѣщать кирку. Наконецъ, въ 1891 г. Маурахъ лишенъ былъ, по приговору суда, пасторскаго званія, однако остался жить въ Оберпаленѣ. Послѣ него нѣкоторое время пасторомъ былъ его сынъ, человѣкъ совсѣмъ иного характера, но онъ умеръ осенью 1895 г., и съ этого времени начинаются въ Оберпаленскомъ приходѣ церковныя смуты. Духовное начальство и помѣщики, подъ вліяніемъ старика Карла Маураха, задумали провести въ проповѣдники родственника послѣдняго, но народъ и слышать не хотѣлъ о лицѣ, подобномъ Маураху. Послѣ перваго богослуженія, отправленнаго этимъ кандидатомъ, народъ открыто заявилъ свой протестъ. Мѣстный пробстъ,

выслушавъ заявленіе, обѣщалъ на слѣдующее воскресенье привести адъюнкта, но въ дѣйствительности духовнымъ начальствомъ допущена была самая безтактная выходка: на слѣдующее воскресенье къ киркѣ подъѣхала закрытая карета и изъ нея вышелъ не обѣщанный адъюнктъ, а тотъ же родственникъ Маураха, въ сопровожденіи ненавистнаго народу старика Маураха. Возмущенная толпа подняла шумъ, а Маурахъ, послѣ крайне безтактнаго вмѣшательства, едва успѣлъ спастись бѣгствомъ отъ раздраженныхъ прихожанъ. Между тѣмъ, патронъ кирки, православный помѣщикъ князь Гагаринъ, не живущій въ Оберпаленѣ, передалъ свое право назначенія проповѣдника, на точномъ основаніи ст. 660 т. XI уст. духовн. дѣлъ, лифляндской консисторіи, но вѣсть объ этомъ народъ принялъ за новый обманъ; пошли разные толки, не обошлось, разумѣется, безъ преувеличенныхъ слуховъ, дошло до того, что стали поговаривать: «нѣмцы 700 лѣтъ держали народъ въ рабствѣ, наступило время положить этому конецъ». Новыя безтактности духовенства, холодное, чисто бюрократическое отношеніе консисторіи, рѣзкое обращеніе генералъ-суперъ-интенданта съ депутатами отъ прихожанъ, явившимися къ нему въ Ригу съ просьбою—все это имѣло естественнымъ послѣдствіемъ твердую рѣшимость народа ни въ какомъ случаѣ не допустить къ служенію въ своей церкви пастора нѣмца, назначеннаго нѣмецкой консисторіей. Послѣдняя отнеслась съ поразительнымъ пренебреженіемъ къ духовнымъ интересамъ громаднаго большинства прихожанъ и при возникновеніи волненій, вмѣсто нравственнаго воздѣйствія, ограничивалась лишь настойчивымъ требованіемъ «строжайшихъ принудительныхъ мѣръ» со стороны гражданской власти къ вводу ея кандидата въ должность пастора. При такихъ обстоятельствахъ троекратная попытка ввести пастора въ церковь, несмотря на содѣйствіе полиціи, въ послѣдній разъ въ значительно усиленномъ составѣ, не увѣнчалась успѣхомъ; появленіе и слова генералъ-суперъ-интенданта консисторіи, успѣвшаго внушить къ себѣ общую среди Оберпаленскихъ прихожанъ антипатію, имѣли такое дѣйствіе на многотысячную толпу, что онъ едва избѣгнулъ насилія. Въ такомъ фазисѣ засталъ это дѣло я при вступленіи въ управленіе Лифляндской губерніей. Положеніе было крайне затруднительно: авторитетъ власти въ глазахъ населенія Оберпаленскаго прихода былъ подо-

рванъ неудачнымъ вмѣшательствомъ полиціи и полною безнаказанностью нарушителей порядка; мѣстные господствующіе классы и евангелическо-лютеранская консисторія старались выставить Оберпаленскія происшествія бунтомъ противъ Правительства и настойчиво требовали призыва войскъ. Въ этихъ домогательствахъ скрывалась затаенная цѣль показать народу, какою силою еще пользуется передъ Правительствомъ мѣстный нѣмецкій господствующій классъ и какъ опасно ему въ чемъ либо противодѣйствовать. Кромѣ того, лично генералъ-суперъ-интенденту важно было бы доказать, что неповиновеніе ему влечетъ за собою серьезныя послѣдствія, и тѣмъ поднять свое значеніе. Рѣшительно отклонивъ всѣ попытки представителей дворянства и лютеранскаго духовенства, имѣвшія цѣлью побудить меня къ принятію экстренныхъ мѣръ насильственнаго характера, я лично отправился въ мѣст. Оберпаленъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣла. Какъ оказалось, большинство прихожанъ было совершенно сбито съ толку злонамѣренными людьми, увѣрившими ихъ, что право назначенія проповѣдника принадлежитъ прихожанамъ, а не консисторіи, которая будто бы присвоила себѣ это право совершенно незаконно. Путь обращенія къ здравому смыслу и религіозному чувству вліятельнѣйшихъ прихожанъ и воздѣйствія чрезъ нихъ на остальныхъ членовъ прихода оказался самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ благополучному исходу дѣла: въ концѣ Сентября текущаго года избранный консисторіею пасторъ былъ успѣшно введенъ въ должность.

«Изложенный ходъ церковныхъ смутъ въ Оберпаленскомъ приходѣ представляетъ собою типическій образчикъ тѣхъ печальныхъ явленій, которыя могутъ повторяться и въ другихъ мѣстностяхъ Лифляндской губерніи до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ краѣ уничтожена главная причина ихъ возникновенія—патронатское право. Предположеніе объ отмѣнѣ этого права возникло въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ уже лѣтъ пятнадцать тому назадъ; между различными причастными къ этому вопросу учрежденіями шла дѣятельная переписка, въ томъ числѣ и съ Департаментомъ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій; послѣднимъ затребованы были отъ Лифляндскаго губернатора свѣдѣнія о всѣхъ извѣстныхъ ему

случаяхъ споровъ и жалобъ по поводу примѣненія права частнаго патронатства, на это данъ былъ отвѣтъ 27 Іюня 1889 г., но съ того времени данныя о положеніи сего проекта прекращаются.

«Земскій строй—эта своего рода среда для культурно-общественной жизни внѣ городского населенія, отъ которой въ такой тѣсной зависимости стоитъ экономическое благосостояніе населенія,—представляетъ собою въ Лифляндіи чрезвычайныя особенности, несомнѣнно въ значительной мѣрѣ обветшавшія и требующія, если не коренного преобразованія, то, во всякомъ случаѣ, подробнаго пересмотра. Какъ и многое здѣсь, земскій строй находится въ тѣсной связи съ учрежденіями евангелическо-лютеранской церкви.

«Вліяніе дворянства на крестьянское общественное управленіе было сильно ослаблено реформою 1889 г., въ силу которой завѣдываніе волостнымъ управленіемъ перешло отъ выборныхъ изъ дворянства чиновниковъ къ назначеннымъ отъ Правительства коммисарамъ по крестьянскимъ дѣламъ. Съ введеніемъ этого института, губернское начальство получило возможность выполнить цѣлый рядъ послѣдовательныхъ мѣръ, клонившихся къ развитію общаго благоустройства крестьянскихъ сельскихъ обществъ; въ числѣ принятыхъ мѣръ наиболѣе важною слѣдуетъ признать соединеніе волостей. Еще въ недавнее время въ Лифляндіи каждая дворянская вотчина совпадала съ волостью, въ которой выборныя должностныя лица, находясь въ сильнѣйшей матеріальной зависимости отъ помѣщика (обыкновенно его арендаторы), были въ сущности безгласными исполнителями воли владѣльца вотчины. За болѣе чѣмъ десятилѣтнее управленіе губерніей предшественника моего, генералъ-лейтенанта Зиновьева, очень много мелкихъ волостей соединены въ болѣе крупныя; это повело къ образованію довольно сильныхъ административныхъ единицъ, способныхъ вполнѣ самостоятельно распоряжаться дѣлами своихъ обществъ внѣ всякой зависимости отъ посторонняго вліянія, однимъ словомъ, устранилось то положеніе, когда волостное правленіе почти сливалось съ конторой имѣнія, и когда помѣщикъ въ правѣ былъ называть волость своею. Въ нѣкоторыхъ участкахъ губерніи я засталъ соединеніе волостей уже завершив-

шимся, въ другихъ же процессъ соединенія продолжается и при мнѣ [1]). Процессъ этотъ встрѣчаетъ энергичное противодѣйствіе съ разныхъ сторонъ, объясняемое главнымъ образомъ тѣмъ, что отъ соединенія волостей страдаютъ интересы многихъ заинтересованныхъ лицъ: мѣстный помѣщикъ теряетъ свое вліяніе на органы волостного управленія; его корчма, если таковая была при волостномъ правленіи, подлежащемъ упраздненію, терпитъ убытокъ [2]); наконецъ, должностныя лица упраздняемаго волостного правленія теряютъ должности, что особенно важно для служащаго за жалованье волостного писаря. Всѣ эти лица агитируютъ противъ соединенія, не пренебрегая никакими средствами, въ томъ числѣ и угощеніями сходовъ выборныхъ, отъ которыхъ зависитъ выраженіе согласія на соединеніе. Случаи обязательнаго, безъ согласія схода, соединенія ограничены закономъ: по § 2 полож. 1866 г. о вол. общ. управл., разрѣшается въ обязательномъ порядкѣ присоединить къ другой лишь такую волость, въ которой числится не болѣе 200 душъ мужского пола и которая не въ состояніи содержать свое общественное управленіе. До послѣдняго времени губернская администрація стѣснялась условіями касательно числа душъ, вслѣдствіе чего и понынѣ продолжаютъ существовать такія волости, въ которыхъ нѣтъ ни своихъ зданій для волостного правленія и школы, ни богадѣльни для волостныхъ нищихъ, ни удовлетворительнаго магазина для хлѣбнаго запаса; существуютъ эти волости только потому, что на добровольное соединеніе ихъ сходы выборныхъ, подъ давленіемъ заинтересованныхъ лицъ, не соглашаются, а обязательному соединенію препятствуетъ наличность въ сихъ волостяхъ болѣе 200 душъ. Не считая себя въ правѣ относиться безучастно къ такому положенію вещей, предсѣдательствуемое мною губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, полагая цѣль законодателя не въ мертвой буквѣ закона, а въ благосостояніи крестьянскаго общества и возможности для него содержать отдѣльное общественное управленіе, рѣшилось утвердить обязательное присоединеніе волостей, обладающихъ числомъ

---

[1]) Изъ 900 волостей, бывшихъ до 1889 г., теперь ихъ 529.

[2]) Въ Лифляндіи, по мѣстнымъ узаконеніямъ, устройство и содержаніе корчмъ составляетъ привилегію дворянскихъ вотчинъ.

душъ болѣе двухсотъ, въ виду совершенной невозможности для сихъ волостей, по бѣдности ихъ, существовать самостоятельно и правильно функціонировать. Разумѣется, такое нововведеніе вызвало жалобу въ Правительствующій Сенатъ, и отъ рѣшенія послѣдняго будутъ зависѣть дальнѣйшіе успѣхи соединенія волостей. Вообще, какъ и въ вопросѣ о соединеніи волостей, такъ и въ другихъ частяхъ дѣйствующее нынѣ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ положеніе о волостномъ общественномъ управленіи требуетъ пересмотра, такъ какъ издано оно въ 1866 г. въ видѣ опыта, лишь на шесть лѣтъ, съ тѣмъ, что по истеченіи сего періода будутъ разсмотрѣны замѣчанія мѣстныхъ правительственныхъ органовъ о необходимости тѣхъ или другихъ усовершенствованій, согласно указаніямъ опыта. Прошло тридцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ были представлены губернскою властью требуемыя замѣчанія, наконецъ, послѣдовали реформы, преобразовавшія весь строй администраціи, а изданное на шесть лѣтъ положеніе продолжаетъ существовать и понынѣ безъ всякаго измѣненія, кое-какъ, благодаря болѣе или менѣе искусному приспособленію исполнителей уживаясь съ реформированными учрежденіями и новѣйшими требованіями закона.

«Не могу обойти молчаніемъ вопроса, касающагося двухъ главнѣйшихъ по численности народностей Лифляндской губерніи— латышей и эстовъ, у коихъ замѣтно изъ года въ годъ растетъ чувство національнаго самосознанія. Къ сожалѣнію, въ извѣстной части латышской и эстонской интеллигенціи обнаруживается печальное нерасположеніе къ сближенію съ русскимъ народомъ и замѣтно проявляется склонность къ національному обособленію. Со времени 1845 г., со стороны руководящихъ классовъ началась особенная заботливость къ народному образованію, дабы путемъ школы отвратить простой народъ отъ массоваго перехода въ православіе и направить его симпатіи и сочувствіе, обращенныя къ Правительству и Россіи, въ другую сторону. Началось систематическое онѣмеченіе латышей и эстовъ, достигшее наивысшаго развитія въ 60-хъ годахъ послѣ извѣстнаго воззванія пастора Вальтера къ лифляндскому дворянству. Но въ этотъ же періодъ замѣчаются и первые проблески въ латышахъ сознанія своей народности, при чемъ руководители этого направленія, воспитанные въ духѣ балтій-

скаго сепаратизма, быстро дошли до крайняго увлеченія, мечтая объ образованіи какого-то латышскаго княжества на правахъ Финляндіи. Увлеченіе это было настолько сильно, что въ половинѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ нѣкоторыя благотворительныя и другія общества потратили значительныя денежныя суммы на посылку выборныхъ лицъ въ Финляндію и Швецію ко времени открытія сеймовъ для ознакомленія съ существующими порядками.

«Къ счастью, броженіе это, достигшее высшаго своего развитія въ началѣ 80-хъ годовъ, въ настоящее время почти улеглось, по крайней мѣрѣ въ народной массѣ его болѣе не существуетъ. Повидимому, на успокоеніе умовъ благодѣтельно повліяло введеніе судебной и административныхъ реформъ съ составомъ правительственныхъ чиновниковъ.

«Суровая школа, которую прошли латыши, положила рѣзкій отпечатокъ на ихъ народный характеръ. Тяжелая крѣпостная зависимость отъ помѣщиковъ, полная эгоизма, выработала въ народѣ, одновременно съ положительными качествами, какъ бережливость, трудолюбіе, и отрицательныя—хитрость, лживость, эгоизмъ. Неудовлетворительность судопроизводства въ дореформенныхъ судахъ развила въ народѣ привычку сутяжничества, кляузность, лжеприсягательство и недовѣріе къ суду.

«Даже въ настоящее время, когда новый судъ завоевалъ себѣ полныя симпатіи населенія, крестьянинъ все-таки переноситъ дѣло изъ инстанціи въ инстанцію, не жалѣя ни времени, ни расходовъ пребывая въ надеждѣ, даже при явной неосновательности его домогательствъ, получить благопріятное рѣшеніе.

«Часто наблюдающіеся случаи лжеприсяги объясняются тѣмъ значительнымъ количествомъ разнаго рода присягъ, которыя практиковались въ старыхъ судахъ, причемъ помѣщики, съ своей стороны, также сильно злоупотребляли присягой, приводя къ ней чуть не всѣхъ должностныхъ слугъ, напр., истопниковъ при хлѣбныхъ ригахъ, которые именемъ Всемогущаго Бога передъ Святымъ Его Евангеліемъ клялись добросовѣстно исполнять возложенныя на нихъ обязанности. Въ старое время помѣщики смотрѣли на крестьянъ, какъ на рабочую силу, только въ такомъ случаѣ имѣвшихъ право

на пищу и кровъ, пока они сохраняли способность къ труду; потерявшіе эту способность были обречены на крайне тяжелое существованіе. Подобное же отношеніе къ своему ближнему выработалось и въ крестьянахъ-латышахъ; у нихъ не замѣчается чувства состраданія къ больному и неспособному къ труду человѣку. Безучастіе къ бѣднымъ и калѣкамъ видно на каждомъ шагу, какъ въ крестьянскихъ семьяхъ, такъ и въ волостныхъ обществахъ въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія; напр., въ одной волостной богадѣльнѣ въ 1895 г. было обнаружено содержаніе 20 нищихъ на пространствѣ 23 кв. саж. и, кромѣ того, въ одномъ углу за рѣшеткой, на пространствѣ въ 5 кв. арш., содержалась болѣе года буйная сумасшедшая. Согласно § 16 правилъ объ общественномъ благосостояніи въ волостяхъ Остзейскихъ губерній, обязанность заботиться о призрѣніи больныхъ и бѣдныхъ, а равно и попеченіе объ умалишенныхъ, возложены исключительно на волостныя общества. Имѣя въ виду иногда крайне недостаточныя средства самихъ волостныхъ обществъ и то безучастное отношеніе къ страждущему ближнему, которое присуще латышамъ и эстонцамъ, нельзя не признать крайне печальное положеніе вопроса о призрѣніи больныхъ и убогихъ изъ крестьянскаго сословія. При отсутствіи правильной организаціи земскихъ учрежденій, единственная ихъ надежда на губернское начальство, но въ данномъ случаѣ его средства болѣе чѣмъ ограничены; напр., больница для умалишенныхъ, въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія, на всю Лифляндскую губернію, съ населеніемъ къ 1 Января 1895 г. въ 1.305.919 душъ обоего пола, имѣетъ всего на всего по штату 132 кровати, причемъ штатное содержаніе единственному врачу-спеціалисту положено всего лишь въ 500 р. Съ Іюля мѣсяца должность эта стала вакантной, но при всѣхъ моихъ стараніяхъ, охотника замѣстить ее не находится и по сіе время. Больница для умалишенныхъ всегда переполнена, и мнѣ постоянно приходится, скрѣпя сердце, отказывать въ пріемѣ. Что касается до вспомоществованія бѣдныхъ и неспособныхъ къ труду лицъ, то въ день вступленія моего въ управленіе губерніей весь капиталъ для нищихъ и убогихъ, состоявшій въ распоряженіи приказа общественнаго призрѣнія, состоялъ изъ 98 р. 46 к. Частная благотворительность, которая здѣсь сильно развита, ограничивается преимущественно городскимъ

населеніемъ, и такимъ образомъ крестьяне предоставлены исключительно самимъ себѣ.

«Среди латышей, въ особенности у болѣе зажиточныхъ дворохозяевъ и арендаторовъ, замѣчается стремленіе дать своимъ дѣтямъ по возможности лучшее образованіе, чтобы вывести ихъ изъ народной среды въ среду, такъ называемыхъ въ Прибалтійскомъ краѣ, литератовъ. Неудовлетворительная подготовка и недостаточность матеріальныхъ средствъ нерѣдко мѣшаютъ юношамъ получить законченное высшее образованіе и въ результатѣ получается значительное число недоучившейся молодежи, которая образуетъ весьма нежелательный контингентъ полуобразованныхъ тунеядцевъ среди крестьянскаго населенія.

«Это печальное явленіе, казалось, можно бы было устранить учрежденіемъ въ краѣ среднихъ сельско-хозяйственныхъ и техническихъ училищъ, которыхъ въ такомъ культурномъ краѣ, какъ Лифляндія, вовсе не имѣется. Подобная мѣра послужила бы и къ уменьшенію наплыва въ губернію иностранцевъ, которые вытѣсняютъ въ большихъ имѣніяхъ и фабрикахъ мѣстную рабочую силу, недостаточно подготовленную къ занятію спеціальныхъ и отвѣтственныхъ должностей.

«Отъ нѣмцевъ латыши и эстонцы заимствовали любовь къ общественной жизни, и это стремленіе имѣетъ благопріятное воспитательное вліяніе, развивая въ простомъ народѣ интересъ къ литературѣ, музыкѣ и отвлекая его отъ пьянства. Существуетъ цѣлая масса отдѣльныхъ обществъ, преслѣдующихъ тѣ или другія цѣли.

«Больше всего среди крестьянъ распространены общества: пѣнія, потребителей, сельско-хозяйственныя, взаимнаго вспоможенія при пожарныхъ случаяхъ, трезвости и т. д. Въ каждомъ почти обществѣ, преслѣдуетъ ли оно интеллектуальныя или практическія цѣли, существуютъ такъ называемые «вопросные вечера», на которыхъ дѣлаются доклады о пчеловодствѣ, объ удобреніи полей, молочномъ хозяйствѣ и т. п. Эти доклады вызываютъ живой обмѣнъ мыслей и такъ какъ латыши и эстонцы любятъ говорить публично, то бесѣды эти возбуждаютъ соревнованіе, а слѣдовательно, и стремленіе къ обстоятельной разработкѣ того или другого вопроса.

«Изъ всѣхъ существующихъ обществъ наибольшее практическое значеніе имѣютъ общества потребителей и взаимнаго вспоможенія при пожарныхъ случаяхъ. Эти послѣднія имѣли благодѣтельное вліяніе: замѣчено, что съ момента учрежденія такого общества количество пожаровъ быстро уменьшается; бывали случаи, что въ волостяхъ, гдѣ пожары прежде насчитывались ежегодно десятками, со времени основанія общества они становились исключеніемъ. Что касается другихъ обществъ, то развитіе ихъ среди крестьянъ имѣетъ и свои дурныя стороны, а именно: неблагопріятно отражается на ихъ матеріальномъ благосостояніи. Латышъ, скупой и нетребовательный въ своей обыденной жизни, не жалѣетъ средствъ на участіе въ деревенскихъ балахъ, увеселительныхъ поѣздкахъ, устраиваемыхъ обществами. Относительная роскошь женскихъ нарядовъ также обращаетъ на себя вниманіе и бросается въ глаза.

«Религіозныя потребности латышей и эстонцевъ удовлетворяются не всегда принадлежностью къ лютеранской церкви. Какъ извѣстно, обращеніе въ христіанство было насильственное при покореніи края нѣмцами; затѣмъ въ началѣ XVII столѣтія католическое вѣроисповѣданіе было замѣнено евангелическо-лютеранскимъ. Духовенство относилось къ своей паствѣ довольно безучастно и мѣстныя народности часто видѣли, что слова проповѣдниковъ Христова ученія рѣзко расходились съ ихъ поступками; естественно, что при такихъ условіяхъ лютеранское ученіе не могло проникнуть глубоко въ душу латышей и эстонцевъ. Подтвержденіемъ этому служитъ частое возникновеніе и распространеніе въ краѣ различныхъ религіозныхъ сектъ.

«Не мало этому способствуетъ и до нельзя обостренный вопросъ о замѣщеніи проповѣдническихъ мѣстъ, который переносится на почву національной вражды эстонцевъ и латышей къ нѣмцамъ.

«Народная масса всегда тяготѣла къ Россіи и это традиціонное историческое прошлое осталось неприкосновеннымъ и въ настоящее время. Не то наблюдается среди интеллигенціи этихъ двухъ народностей: она или вполнѣ подчинилась нѣмецкому вліянію или питаетъ несбыточныя мечты обособленнаго существованія, или, наконецъ, увлекается новѣйшими соціальными идеями. Есть конечно,

среди этой же интеллигенціи группа лицъ съ трезвымъ взглядомъ на вещи, не сочувствующая ни той, ни другой партіи и всѣ симпатіи которой направлены въ сторону сближенія съ Россіей, но, къ сожалѣнію, эта здравомыслящая часть мѣстной интеллигенціи составляетъ меньшинство и не имѣетъ руководящаго вліянія.—При распространеніи въ народѣ грамотности и потребности къ чтенію, эстонская и латышская печать имѣетъ громадный кругъ читателей и пользуется большимъ значеніемъ. Будучи большею частью въ рукахъ лицъ, не заслуживающихъ къ себѣ особеннаго довѣрія, она нуждается въ непрерывномъ и зоркомъ надзорѣ. При малѣйшей оплошности появляются статьи съ тенденціозной окраской, трактующія то различные соціально-экономическіе вопросы, то развивающія идеи узкаго націонализма.

«Замѣчается также не мало элементовъ, которые заинтересованы въ поддержаніи розни среди латышской и эстонской интеллигенціи ради личныхъ выгодъ, и вотъ эти-то элементы силятся всѣми способами помѣшать благодѣтельному объединенію, постоянно выдвигая на первый планъ національныя отличія и сепаративныя домогательства. Къ таковымъ попыткамъ такъ или иначе выдвинуть свое національное «я» слѣдуетъ причислить эстонское пѣвческое празднество, состоявшееся въ Іюнѣ настоящаго года въ г. Ревелѣ, и этнографическую латышскую выставку, открывшуюся во время археологическаго съѣзда въ г. Ригѣ. На устройство этой выставки расчетливое лифляндское дворянство не поскупилось отпустить субсидію изъ своихъ спеціальныхъ суммъ въ 1.000 р. Съ какою цѣлью это дѣлалось—угадать не трудно.

«Вслѣдъ за вступленіемъ моимъ въ должность Лифляндскаго Губернатора, я имѣлъ счастіе быть свидѣтелемъ всенароднаго празднованія торжества Священнаго Коронованія Вашихъ Императорскихъ Величествъ. Еще такъ недавно, въ дни празднованія Священнаго Коронованія Августѣйшихъ Родителей Вашего Величества, каждая народность Лифляндіи выражала свои чувства отдѣльно отъ другой, не прекращая розни даже въ празднествѣ; нынѣ же радость лифляндскихъ подданныхъ Вашего

Величества соединила ихъ воедино. Въ торжественномъ шествіи, послѣ благодарственнаго молебствія, принимали участіе общества русской, латышской, эстонской, нѣмецкой и польской національностей вмѣстѣ; въ общественныхъ собраніяхъ, даже инородческихъ раздавался народный гимнъ на русскомъ языкѣ, чего прежде не бывало. На торжественномъ обѣдѣ, данномъ лифляндскимъ дворянствомъ, впервые присутствовалъ православный архипастырь. Невозможно передать всѣхъ подробностей, въ коихъ выразилось желаніе даже бѣднѣйшихъ людей отличить эти знаменательные три дня и поставить ихъ превыше другихъ своихъ торжественныхъ дней. Потребовался бы не малый трудъ, чтобы перечислить всѣ тѣ пожертвованія на добрыя дѣла, которыя сдѣланы были подъ вліяніемъ радостнаго подъема духа, овладѣвшаго различными классами общества. Представители сословій, удостоившіеся присутствовать при Священномъ Короновании, возвратились полные очарованія и спѣшили передать другимъ то высокоблагоговѣйное настроеніе, въ которомъ сами находились. Волостные старшины, имѣвшіе счастье быть представителями крестьянства, стали неподкупными сѣятелями сознательной любви къ могучему русскому государству среди инородцевъ-крестьянъ, которые искони, несмотря ни на какія зловредныя вліянія, какъ бы инстинктивно тяготѣютъ къ своему великому отечеству» [1]).

---

[1]) Вышеприведенный документъ съ ясностью, между прочимъ, доказываетъ, насколько заботы русскаго правительства о населеніи, главнымъ образомъ, обращены на дѣйствительное улучшеніе ихъ положенія, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о стремленіяхъ нѣмцевъ-прибалтійцевъ и нѣмецкихъ пасторовъ, стремящихся, подъ вліяніемъ политиканства и своихъ узкопонимаемыхъ корпоративно-національныхъ и экономическихъ выгодъ, лишь къ порабощенію этого населенія. Точно также этотъ документъ лишній разъ доказываетъ, насколько мало прибалтійскіе нѣмцы заботились о дѣйствительномъ религіозномъ воспитаніи массъ въ духѣ христіанства и совершенно всегда оставались чуждыми насажденію гражданскихъ обязанностей по отношенію къ общерусскому отечеству. *Примѣч. сост.*

XV. Выписка изъ журнала Комитета Министровъ 1892 года.

Приводимъ выписку изъ журнала Комитета Министровъ по вопросу, возбужденному президентомъ генеральной евангелическо-лютеранской консисторіи о признаніи всѣхъ уклонившихся отъ православія, внесенныхъ незаконно въ лютеранскія метрическія книги—за лицъ подлинно лютеранскаго исповѣданія. Какъ видно изъ вышеприведенныхъ документовъ нѣмецкаго происхожденія, главнымъ доводомъ для такого признанія выставлялось соображеніе, будто-бы этотъ переводъ былъ допущенъ самимъ правительствомъ, отнесшимся съ снисходительностью къ этого рода религіознымъ преступленіямъ. Этотъ доводъ и разбивается Комитетомъ Министровъ.

«Законы, ограждающіе православную церковь, никогда не отмѣнялись, и дѣйствіе ихъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ не было даже пріостановлено особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ. Въ 1874 г. послѣдовала Всемилостивѣйшая амнистія нѣкоторымъ пасторамъ, нарушившимъ таковые законы. При этомъ, однако же, было Министерствомъ разъяснено, что въ сей Высочайшей милости отнюдь не слѣдуетъ видѣть отмѣну законовъ, ограждающихъ права господствующей церкви. Едва ли возможно допустить, чтобы какіе-нибудь нарушители законовъ, прощенные Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ, истолковывали таковую милость въ видѣ разрѣшенія или поощренія на будущее время повторять подобныя преступленія. Такое странное мнѣніе, однако же, существуетъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, какъ видно изъ разсматриваемой записки, въ которой выражено домогательство о признаніи, вопреки разъясненіямъ Правительствующаго Сената, законными цѣлаго ряда беззаконій. Приведенныя въ этой запискѣ указанія на временное бездѣйствіе власти не могутъ имѣть значенія, когда возбужденъ вопросъ о существенномъ и безповоротномъ нарушеніи правъ этой церкви, которая въ основныхъ государственныхъ законахъ признана первенствующею и господствующею.

«Вредныя для православія послѣдствія просимой мѣры могутъ быть приблизительно оцѣнены, на основаніи фактовъ, почерпнутыхъ изъ прошлаго. Въ 1865 и 1874 г.г. лютеранская церковь въ Прибал-

тійскихъ губерніяхъ вступила въ борьбу съ православною, и одерживала надъ ней побѣды. Съ тѣхъ поръ православное исповѣданіе, по объясненію Лифляндской лютеранской консисторіи, вслѣдствіе новыхъ отпаденій лишилось десяти тысячъ человѣкъ. Высочайшія повелѣнія, объявленныя въ 1885 г., не поколебали рѣшимости лифляндскихъ пасторовъ продолжать свою противозаконную дѣятельность. Изъ числа ихъ 94 проповѣдника были привлечены къ уголовной отвѣтственности за нарушеніе правъ господствующей церкви. Въ настоящее время лютеранское духовенство въ означенной губерніи домогается признанія законною его добычею почти девятнадцати тысячъ человѣкъ, отторгнутыхъ отъ православія. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что такая новая побѣда лютеранства надъ православіемъ унизила-бы господствующую церковь въ глазахъ ея друзей и недруговъ. Пользуясь этимъ, враги православія старались-бы убѣдить иновѣрныхъ христіанъ въ томъ, что таковая уступка повлечетъ за собою отмѣну Высочайшихъ повелѣній и составляетъ только первый шагъ къ признанію неограниченной свободы личности въ дѣлахъ вѣры. Ободренные успѣхомъ совратители и совращенные обольщались-бы надеждою, что и дальнѣйшія отпаденія отъ православія не будутъ имѣть никакихъ вредныхъ послѣдствій. Вся прошлая дѣятельность лифляндскихъ пасторовъ и помѣщиковъ, направляемая къ искорененію православія среди латышей, подтверждаетъ справедливость таковыхъ опасеній.

«Что касается латышей и эстовъ, то въ отношеніи ихъ исторія свидѣтельствуетъ, что они съ пассивною покорностью подчинялись своимъ владыкамъ въ дѣлахъ вѣры. Послѣ принятія ученія Лютера высшими сословіями въ Ливоніи, туземцы безъ всякихъ смутъ перешли изъ католицизма въ лютеранство. Въ 40 годахъ стремленіе латышей къ православію было подавлено совокупными усиліями лютеранскаго дворянства и духовенства. Судя по этимъ примѣрамъ, надобно полагать, что и въ настоящее время уклонившіеся отъ православія упорствуютъ въ своемъ отпаденіи, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ угрозъ и обѣщаній пасторовъ и помѣщиковъ, но еще не было обнаружено опытомъ, чего слѣдуетъ ожидать, если пасторы совершенно прекратятъ исполненіе требъ для отступниковъ. Случаи возбужденія уголовнаго преслѣдованія за таковыя престу-

пленія постоянно повторяются, причемъ большая часть обвиняемыхъ проповѣдниковъ (49 изъ 94) оказывается рецидивистами. Если-бы отступники подверглись всѣмъ неудобствамъ, сопряженнымъ съ полнымъ лишеніемъ духовнаго призрѣнія, то, быть можетъ, эти неудобства въ нѣкоторыхъ случаяхъ превысили бы угрозы и приманки противниковъ православія. Пока такой опытъ еще не былъ сдѣланъ, просимая уступка не можетъ быть признана необходимою. Она представляется полезною только для пасторовъ, упорно и сознательно нарушающихъ законы, а также для нѣкоторыхъ отступниковъ, преслѣдующихъ своекорыстныя цѣли или доведенныхъ до фанатизма пасторскими внушеніями. Но интересы лицъ, принадлежащихъ къ этимъ двумъ категоріямъ, представляются ничтожными въ сравненіи съ достоинствомъ православной церкви, ненарушимостью закона и успѣхами русскаго дѣла въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Таковые успѣхи могутъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока государственное знамя не склоняется передъ нарушителями законовъ и ненавистниками всего русскаго, и краеугольный каменъ Россійскаго Государства (Православная Церковь) стоитъ во главѣ угла, согласно словамъ Евангелія: «Всякій, кто упадетъ на сей камень разобьется, а на кого онъ упадетъ, того раздавитъ» [1]).

---

[1]) Эти многознаменательныя слова, которыми кончается вышеприведенный документъ, слѣдуетъ твердо запомнить всѣмъ врагамъ единства и крѣпости Русскаго Государства. *Прим. составителя.*